

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

ЖУРНАЛЪ

802-11

212

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Гречемъ

и

Евдеемъ Булгаринымъ.

ЧАСТЬ СТО ЧЕТВЕРТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

1825.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

Я С Н О В И Д Я Щ А Я.

(Окончаніе.)

С Н О В И Д Ы Н І Я.

И гордость, упрямство, причуды Горпензій исчезли, поспешенно, какъ злые духи. Подобно тому, какъ во время восхишительныхъ сновъ своихъ, она обворожала кропостию, покорливостию, добродушіемъ, не меве своихъ прелестей.

Но и это составляло мое несчастіе. Могъ ли я, ежедневный свидѣтель шакихъ совершенствъ, оставаться равнодушень? Какъ часто сожалѣлъ я, для чего теперь не презираешь она, не оскорбляешь, не пресѣдуешь меня, какъ прежде. Тогда мнѣ было бы не шрудно разстаться съ нею; но теперь — невозможно. Я любилъ ее пламенно. Въ безмолвіи, безъ надежды писалась неутомимая спрась моя. Я предчувствовала, что

Печатать позволено,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Октябръ 15 дня 1825 года.

Цензоръ Статскій Советникъ и Кавалеръ
Александръ Красовскій.

раздука повергнешь меня во гробъ или въ безумство.

Всего же болѣе готовило меня къ этому безумству сновидѣнїе, время отъ времени всегда въ подобныхъ мечтахъ ко мнѣ возвращавшееся. Съ убихою душою, уныло сидѣлъ я — то въ незнакомой мнѣ комнатѣ, то на берегу моря, то подъ навѣсомъ выдавшейся надъ пучиною скалы, то наконецъ на мшистомъ нѣмъ среди мрачнаго лѣса. Тушь являлась Гортензія, смотрѣла на меня съ добродушнымъ состраданіемъ, и говорила: „что такъ печаленъ, любезный Фаустино?“ Каждый разъ просыпался я при этомъ, пошому чпо годось, какимъ она произносила, проникла меня насквозь. И пошомъ годось эшомъ цѣлый день отзвывался въ ушахъ моихъ. Я слышала его среди городского шума, въ оглушающемъ громѣ оркестра на балахъ, въ опголоскахъ пѣсни гондольщиковъ, въ Оперѣ — повсюду. Иногда ночью, когда представлялось мнѣ это сновидѣнїе, просыпался я въ пошъ самый мигъ, когда обычный вопросъ лишь только гшомъ былъ слетѣшь съ устъ Гортензіи, и мнѣ казалось, будто я слышу годось ея дѣйствительно внѣ самого себя.

Сонъ, какъ сонъ, вездѣ бываетъ одинаковъ; но въ шой диковинной сферѣ, куда за-

вела меня судьба моя, и это сновидѣнїе не прошло даромъ.

Однажды, въ комнатѣ Графа Гормега, занимался я съ нимъ его домашними дѣлами. Вдругъ доложили ему о прїѣздѣ какого-шо почетнаго госпа, и онъ ушелъ. Полагая, что Графъ скоро воротишся, сѣлъ я на стулъ у окна, и погрузился въ задумчивоснѣ. Посылался шорохъ шаговъ. Графиня, пришедшая къ опцу, сполла подлѣ меня. Я испугался, не зная самъ чего, и вспалъ почтпшительно.

„Что такъ печаленъ, любезный Фаустино?“ сказала Гортензія съ милою, только ей свойственною прнвѣспавоспїю, и шѣмъ самымъ голосомъ, кошораго звуки опзвывались еще въ ушахъ моихъ опъ чудившихся мнѣ сновидѣнїи. Но шупшь варугъ съ улыбною удивленїа на лицѣ, какъ будто пораженная внезапною мыслію, она повела рукою по предеспшному челу своему и, подумавъ, сказала: „что это? Удивншительно! Какъ будто уже и не въ первый разъ... Точно, мнѣ видѣлось во снѣ. Право, это чудно. Во снѣ я нашла васъ однажды шочно такъ, совершенно такъ, какъ шеперь, и сдѣлала вамъ такой же вопросъ. Не правда ли, что это уднвшительно?“

— „Еще уднвшнтельнѣе для меня,“ вскрнчалъ я: „пошому чпо не однажды, а много“

разъ чудилось мнѣ во снѣ, что вы приходили и удоспоивали меня почто шѣмъ же вопросомъ.“

Тутъ пришелъ Графъ, и прервалъ нашъ разговоръ. Но это, по видимому, неважное обстоятельство послужило мнѣ поводомъ къ большимъ размышленіямъ, и при всемъ стараніи не могъ я однако разгадать, какимъ образомъ игра воображенія сливается съ существовавшимъ въ мірѣ. И ей чудилось поже самое, что мнѣ — и это же должно было совершиться неожиданно въ жизни!

Тѣмъ волшебство еще не кончилось.

Спустился дней пять послѣ этого случая прошептала мнѣ Морфей, будто приглашенье и на пиръ. Гремѣла музыка, веселые гости кружились въ танцахъ. Я сидѣлъ уединенно въ углу; скорбь давила мнѣ душу. Варугъ, изъ толпы танцующихъ являешья, передо мною Горшензія, пожимаетъ логонько мнѣ руку и говоритъ: „будьте же веселѣе, Фаустино, а не по вѣдь и мнѣ будетъ грустно!“ — бросаетъ на меня взоръ нѣжнаго участія, и потомъ опять скрывается въ толпѣ.

Черезъ день послѣ того, Графъ Гормегъ поѣхалъ въ помѣстье одного Венеціанца, и взялъ меня съ собою. Дорогой уже сказалъ онъ мнѣ, что тамъ и Графиня. Мы нашли брадъное общество. Вечеромъ, послѣ прекрас-

наго фейерверка, стали танцовать. Принцъ опкрылъ съ Горшензією балъ. Не могу выразишь чувства, которое овладало мною, когда я увидѣлъ эту первую пару танцующихъ. Тутъ только опозвался глубоко въ душѣ моей пренептѣ сильнѣйшей любви къ Горшензіи со всеми муками ревности. Не имѣя ни малѣйшей охоты къ участію въ общихъ веселостяхъ, я взялъ однако даму, чтобъ развѣяться, или лучше, чтобъ забыть самого себя. Но я почти не въ силахъ былъ танцовать — какъ будто свинцовая плащешъ приросла къ ногамъ моимъ. Очень обрадовался я, когда могъ выбраться опять изъ толпы. Приклонясь къ двери, смотрѣлъ я — не на танцующихъ, а на Горшензію, которая, какъ предесннѣйшее существо, носилась въ кругу ихъ.

Въ это мгновеніе пришелъ мнѣ въ память сонъ прошедшей ночи. И въ то же мгновеніе Горшензія порхнула отъ своего кавалера и очутилась передо мною съ пылающимъ веселостію лицомъ, логонько пожала мнѣ руку и прошептала: „будьте повеселѣе, любезный Фаустино, чтобъ и мнѣ было весело.“ Она сказала это съ такимъ участіемъ, такъ дружески... и бросила на меня взглядъ... такой взглядъ... Я лишился

зыка и памяти. Прежде, нежели успѣлъ я опомниться, уже Горшензія исчезла. Она стояла опять въ ряду танцующихъ, но глаза ея каждую минушу искали меня, и каждую минушу наслаждался я ласкою взоровъ ея. Пары, по окончаніи танца, разошлись; и я оставилъ свое мѣсто, думая испытать, вездѣ ли будущъ искать меня взоры Горшензіи.

Собирались начинать новый танецъ. Я проходилъ мимо спульевъ, на которыхъ сидѣли дамы. Одна изъ нихъ поднялась въ самое мгновеніе, какъ я къ ней приблизился. Это была Графиня. Не знаю, какъ взялъ я ее подъ руку, какъ попали мы въ ряды: — никогда не осмѣлился бы я вызвать къ танцамъ дочь Графа Гормега, и при всемъ томъ, казалось мнѣ, будто я шочю, въ разсѣянности, самъ ее позвалъ. Я не могъ не препешать, но Горшензія держала себя очень непринужденно, и ни сколько не занималась мною, окидывала взоромъ своимъ обширное собраніе. Началась музыка. Я почти не чувствовалъ себя ошъ воспорга: какъ будто унесенный въ воздушныя сферы, порхалъ я въ кандакъ гармоническихъ звуковъ. Я дышалъ только для Горшензіи, Горшензія видѣла только меня. Не зная, что вокругъ меня происходишь, не зналъ я и того, что мнѣ

оковали вниманіе всѣхъ присутствующихъ. И что мнѣ удивленіе свѣта? Мнѣ было тогда не до него! — По окончаніи танца отвелъ я Горшензію къ ближнему спулу, и пролепетала свою благодарность. Она поклонилась вѣжливо, но какъ бы незнакомому. Я скрылся въ толпѣ, упоая мысленно въ своемъ воспоргѣ.

И Князь и Графъ не могли не замѣпить насъ въ танцахъ; они слышали шепотъ общаго одобренія. Ревность вспылала въ груди Князя: онъ не скрылъ того на другой день даже передъ самой Горшензіей. Графъ также не оставилъ пожуришь ее за то, что она забыла санъ свой, и пошла танцовать со мною, а прошивъ меня, за дерзновенный вызовъ, тогда же изъявилъ все свое негодованіе. Оба утверждали, что Горшензія ни съ кѣмъ не танцовала шакъ ошлично — какъ будто съ душевнымъ, исполненнымъ спраски наслажденіемъ. Оба возмечшали, что я внушилъ Горшензіи склонность къ себѣ — столь недоспойную сана ея. Вскорѣ увидѣлъ я, что они оба спали ненавидѣшь и бояшься меня, какъ ни спарались это скрывать. Рѣже и рѣже спали приглашать меня въ шѣ собранія, куда являлась Горшензія; наконецъ и совсѣмъ уже меня ошдалили. Я молчалъ, и любилъ.

Впрочем и Князь и Графъ дѣлали тогда пушную себя забашу. Хотя Горшензія не отрицалась, что ея ласковое со мною обращеніе происходишь ошь чувсива искренней благодарности, но упрекъ въ любви возбуждалъ въ ней самой негодованіе. Она признавалась, что уважаешь меня за мои правила; что даже и наружность моя нравилась ей, какъ нравилась и всѣмъ, самымъ гордымъ Венеціанкамъ; но что впрочемъ ей все равно, хотя бь и не было меня въ Венеціи: шакъ мало она мной занимается. „Я скоро выздоровью совсѣмъ“ — говорила она ошцу: „погда въ вашей волѣ опнуслишь его.“

М е д а л і о н ъ.

Нешерпѣливо ожидали этого мгновенія Карло и Графъ, чтообы скорѣе сбышь меня съ рукъ, и сыграшь свадьбу Горшензіи. Нешерпѣливо ожидала его и Горшензія, чтообы насладилась вполнѣ здоровьемъ своимъ, а съ шѣмъ вмѣстѣ успокоишь и ошца на счетъ его подозрѣнія. И я съ меньшимъ нешерпѣнїемъ ожидалъ, когда все это кончилось. Мнѣ была бы опкрыша дорога на всѣ чешыре стороны, а шолько этого я и желалъ. Только разлукою съ Горшензією, переселе-

нїемъ въ другую спрану, въ иной кругъ дѣятельности, надѣялся я исцѣлїться ошь страсти, которал меня шпиранила. Я считалъ себя очень несчастнымъ.

Наконецъ, въ одномъ изъ удивительныхъ сновъ своихъ, объявила Графиня, что уже близко время совершеннаго ея выздоровленія.

„Въ теплыхъ капельныхъ ваннахъ Башпаліи, о которыхъ я слышала“ — сказала она: „лишусь я дара ясновидѣнія. Опвезишь меня шуда. Скоро я выздоровью. Каждый день одну ванну, шотчасъ по пробужденіи. Послѣ десятой ванны, Фаустино, я разлучусь съ шобою. Уже никогда шебя не увижу, если на шо будешь швоя вода. Но опшавъ мнѣ что нибудь на память. Безъ шого я все не буду здорова. Ты давно уже носишь на груди медаліонъ съ высохшею розою. Если шы мнѣ опдашь его, и я спрану его носишь на поясъ въ шелковомъ чашѣ, шо судороги мои никогда уже не возвращаются. Опдай мнѣ его, ко не прежде, и не позже, какъ черезъ семь часовъ послѣ шринадцатой моей ванны. До шого времени носи, не скидай. Тогда я буду здорова.“

Часпо и съ особенною заботливостію повшоряла она это желаніе, пуще же всего швердила, чтообы я не пропустилъ назначеннаго часа, когда должно передашь ей мое со-

кровище, о существовании котораго никогда она не слыхала.

„Такъ вы въ самомъ дѣлѣ носите эту вещьцу?“ спросилъ Графъ съ удивленіемъ и въ полной радости ошъ сдѣланнаго предсказанія. На мой утвердительный отвѣтъ, спросилъ онъ опять, развѣ мнѣ такъ дорога эта малость, что я ношу ее безпрестанно съ собою. Я увѣрялъ, что ничего въ свѣтѣ не имѣю дороже, и скорѣе бы умеръ, нежели бы разстался съ нею; однако для спасенія Графини готовъ жертвовашъ и шѣмъ.“

„Вѣроятно, подарокъ ошъ любезной?“ замѣтила опять съ улыбкою Графъ, домогаясь, по видимому, развѣдать, нѣтъ ли у меня на сердцѣ какой нибудь споронней любвишки.

— „Я получилъ это“ — сказалъ я ему. „ошъ особы, которая, одна въ цѣломъ мѣрѣ, владѣешь моимъ сердцемъ.“

Графъ, пронувшій моимъ великодушіемъ и восхищенный шѣмъ, что я рѣшился на жертву, ошъ которой зависишь прочное здоровье Горшензіи, забылъ на минуту всѣ преднія досады свои, и обнялъ меня съ пакимъ добродушіемъ, какого давно уже не замѣчалъ я въ немъ. „Я большой вамъ должникъ!“ — вскричалъ онъ.

Какъ скоро Горшензія проснулась, и я удалился, Графъ поспѣшилъ пересказать ей

все — и то, что онъ ошъ меня слышалъ. Особливо старался внушить ей, какъ много я жертвую, отдавая залогъ любви. Последнія слова выражалъ онъ сильнѣе, потому что, все еще пишая подозрѣніе, хотѣлъ попушить ими склонность ко мнѣ Горшензіи. Она же выслушала все это съ такою неприужденностию, и такъ искренно радовалась близкому своему выздоровленію, что наконецъ Графъ долженъ былъ признаться въ самомъ себѣ, какъ несправедливо замѣчалъ онъ объ ея чувствахъ. И радость его разуврѣнія была такъ велика, что онъ не замедлилъ и мнѣ сообщить свой разговоръ съ Графинею, а потомъ пересказалъ Князю все, въ эпошъ день происходившее. Ничто не могло такъ скоро переменить опять обхожденія со мною того и другаго, какъ эпошъ случай. Графъ и Князь, помня, какъ много мнѣ обязаны за спасеніе Горшензіи, сдѣлались ласковы, предупредительны, какъ бы съ благодѣтелемъ, которому всякій одолженъ счастіемъ своей жизни. Послѣ того неудивительно, что они оставили и заботу свою препяшествовашъ свиданіямъ моимъ съ Графинею.

Между шѣмъ все приготоуилось къ ошъвѣзду въ Башпалію. Мы оставили Венецію въ прекрасное лѣтнее утро. Князь увхалъ

напередъ, чѣмъ распорядишься приѣмомъ своей невѣсты.

По пріятнымъ равнинамъ Падуи приближались мы къ Эвганейскимъ герамъ, у подошвы копорыхъ стоялъ городокъ пошъ съ своимъ цѣлебнымъ источникомъ. Дорогою Графиня любила прохаживаться, и всегда брала меня проводникомъ. И ея добродушіе, и ея нѣжное чувство ко всему благородному въ природѣ, равно меня обворожали. „Я была бы счастлива“ говорила она: „если бы могла проводить жизнь свою въ какой нибудь пріятной странѣ Италіи, имѣя маленькое хозяйство и незашѣдливыя радости. Занятія большихъ городовъ оспавляютъ въ головѣ одну пустоту; они болѣе оглушаютъ и приглушаютъ разумъ, нежели приносятъ удовольствія. Какая разница жить просто, самой для себя, не заботясь о всѣхъ этихъ важныхъ мелочахъ, копорыми знатные люди мучатъ себя изъ-ничего! Желала бы къ тому имѣть богатство, чѣмбы далеко вокругъ себя дѣлать счастливыхъ, и находишь источникъ счастья въ собственныхъ своихъ произведеніяхъ. Но не всего надобно желать. Эти мечты несбыточны!“

Сколько разъ и въ присутствіи отца изъясляла она мнѣ благодарность за свое не-

цѣленіе. „Не могу придумать, какъ опплатить вамъ!“ — говорила она. „Давно уже ломаю себѣ голову, чѣмъ выдумать что нибудь для васъ пріятное. Блпюшка мой конечно не оставитъ привести васъ въ положеніе совершенной независимости отъ другихъ людей — и вы не можете отъ того оппказаться. Но это малость: я должна что нибудь сдѣлать и отъ себя.“

Въ другое время, и не однажды, заводила она рѣчь о томъ, что я хочу оставить ихъ, какъ скоро она выздоровѣетъ. „Намъ будешь дѣлать разстаться съ вами!“ — говорила она. „Потеря друга и благодѣтеля всегда очень чувствительна. Однако не хотимъ и задерживать васъ просьбами. Сердце ваше призываетъ васъ въ другое мѣсто!“ — прибавляла она съ легкою, нѣсколько лукавою улыбкою, какъ будто проникая въ тайны моего сердца. „Если вы только будете счастливы, намъ нѣчего желать болѣе, а я надѣюсь, что любовь сдѣлаетъ васъ счастливымъ. Только не совѣмъ насъ забывайте: время отъ времени шлите къ намъ вѣсти о томъ, каково проводите вы жизнь свою.“

Что я чувствовала при такихъ привѣщаніяхъ — невыразимо. Но могъ ли я давать волю своимъ чувствамъ? Уваженіе смыкало уста и холодная вѣжливость едва до-

пускала глухіе только опшывы пылавшаго во мнѣ пламени. Были однако мгновенія, когда, не въ силахъ превозмочь себя, я проговаривался. Тогда Горшензія, яснымъ взоромъ удивленной невинности, для которой непонятное кажется спраннымъ, вводила меня опять въ границы приличія. И это удословляло меня, что кромѣ уваженія, признательности, кромѣ желанія мнѣ добра, нѣтъ въ мысляхъ ея никакого побужденія оказывать мнѣ благосклонность. И прежде на балѣ, когда она порхнула со мною къ шанцамъ, одно только чистое добродушіе руководило ея волею: она хопѣла меня порадовать. „Я все ждала“ — говорила она: „что вы позовете меня.“ И какія дерзновенныя надежды вывела изъ шого шайная спрашь моя! Конечно дерзновенныя: — къ чему послужило бы мнѣ, если бѣ Горшензія и почто чувствовала во мнѣ склонность, выше обыкновенной? Во сколько разъ бѣдственнѣе была бы участь моя при ея несчастіи!

Въ шо время, какъ шайное пламя спраши сѣдало меня, въ ея груди было слышно и спокойно. Въ шо время, какъ я часпо готовъ былъ броситься къ ногамъ ея и сдѣлать признаніе, она, не помышляя ни сколько о моемъ положеніи, старалась разгонять угрюмость мою своими шулками.

РАЗОЧАРОВАНИЕ.

По распоряженію Князя, коннашы опведены намъ были въ замокъ Маркиза д'Эсте. Эшопъ замокъ, вблизи опъ города, на возвышеніи, заключалъ въ себя много удобствъ для жишья, но еще болѣе нравился превосходными видами на окрестности и приятными вкругъ него гульбищами. Однако для купанья въ ваннахъ должно было вздѣть въ городъ, гдѣ и для Графини былъ устроень особый домъ, въ которомъ проводила она каждое утро, пока купалась.

Послѣ первыхъ ваннъ въ Башпаліи, чудесныя сны Горшензіи безпрестанно спановились короче и невспвеннѣе. Она рѣдко говорила, не всегда опвѣчала на вопросы и, казалось, покоилась въ обыкновенномъ снѣ. Заснувъ послѣ десятой ванны, сказала она только: „Фаушино, я не вижу себя!“ Это были послѣднія слова, произнесенныя ею въ яснovidнѣи. Послѣ шого она еще нѣсколько дней впадала въ крѣдкій, ненашуральный сонъ, не будучи уже въ состояніи говорить.

Наконецъ наступилъ день шринадцатой ванны. До сихъ поръ все исполнялось въ точности, шшобы ни было ею приказано: надлежало исполнить и послѣднее. Графъ Гормегъ и Князь пришли ко мнѣ рано поу-

лпру, чтобы напомнить о передачѣ моего палисмана. Заставили показать его, и цѣлое утро не оставляли меня, какъ будто при самомъ доспигеніи желанной цѣли, вдругъ напала на нихъ подозрительность — чтобы я не перемѣнилъ мыслей своихъ, или чтобы апа драгоценность не зашерялась. Какъ скоро доложили намъ, что Графиня сидитъ въ ваннѣ, они спали считать время минушами. Мы всѣ провожали Графиню, послѣ купанья, въ замокъ. Нельзя вообразить себѣ, какъ была она весела во всю дорогу. Зналъ, что получишь отъ меня подароки, и будетъ цѣлую жизнь носить его, она радовалась, какъ дитя, и дразнила меня, что я измѣняю своей избранной, отдавая другой женщинѣ залогъ ея приверженности.

Ударило два часа: наступилъ седьмой часъ послѣ ванны Горпензій. Мы были въ садовой бесѣдкѣ Тушь же находились Графъ, Князь и горничныя Графини.

„Не зачѣмъ долѣ медлить!“ — вскричалъ Графъ: „Наступило мгновение, послѣднее для болѣзни Горпензій, и первое для моего счастья.“

Я вынулъ драгоценный, столь долго покинувшійся на груди моей медаліонъ, и напечаталъ, не безъ горестнаго чувства, поцѣлуй на стеклѣ, подавъ его Графинѣ.

Горпензія взяла и, какъ скоро взоръ ея упалъ на изсохшую розу, вдругъ покрылось яркимъ румянцемъ лице ея. Она слегка мнѣ поклонилась, какъ будто благодаря меня; но въ чертахъ лица ея замѣрно было изумленіе и замѣшательство, которыя, казалось, хотѣла она скрыть. Пролетѣлавъ нѣсколько словъ, она потчасъ удалилась съ своими горничными. Графъ и Князь распочали мнѣ привѣтствія благодарности. — На вечеръ было приготовлено ими небольшое празднество, къ кошорому пригласили они нѣсколько дворянъ изъ Эсте и Ровиго.

Между тѣмъ долго ожидали мы появленія Графини — и напрасно. Черезъ часъ времени сказали намъ, что какъ скоро надѣла она медаліонъ, потчасъ погрузились въ сонъ, и спитъ весьма крѣпко. Прошло два, три, чепыре часа. Приглашенные гости стали уже собираться, но Горпензія не просыпалась. Графъ, безпокоясь, пошелъ самъ въ ея спальню, но види, что она ошдыхаетъ въ глубокомъ снѣ, не рѣшился ея превозмочь. Ниръ миновался безъ Горпензій, но гдѣ не было ея, тамъ въ половину шолько наслаждались радостію. Уже за полночь разошлись, а Горпензія все еще не просыпалась.

И на слѣдующій день сонъ ея все продолжался. Смертельная шоска овладѣла Гра-

фомъ. Призвали врачей, которые объявили однако, что она покоится въ самомъ здоровомъ, крѣпительномъ снѣ, и что, судя по цвѣту лица и по пульсу, нельзя быть здоровѣе. Полдень и вечеръ прошли: Горшензія не просыпалась. Много труда стоило врачамъ убѣждать и успокаивать насъ. Прошла и ночь. На утро по всему замку раздалось радостныя восклицанія, когда узнали отъ горничныхъ, что Графиня наконецъ пробудилась. Всѣ спѣшили къ ней съ поздравленіями.

НОВОЕ ОЧАРОВАНИЕ.

Между тѣмъ, какъ всѣ радовались, я одинъ стоялъ, задумчивъ и грустенъ, въ моей комнатѣ. Обязанности мои, относительно Графа Гормега, кончились. Мнѣ предлежалъ свободный пушъ во всѣ спороны. Довольно часто изъяслялъ я предъ всѣми желаніе и рѣшимость свою вхашъ; оставалось сдержанъ только самому себѣ слово, и всѣ того ожидали. Но я любилъ! — Только дышать однимъ съ нею воздухомъ казалось мнѣ завиднѣйшею участіемъ; только наслаждаться ея взглядами — лицемо моего жизненнаго пламени. Жизнь вдали ея, казалось осужденіемъ на смерть.

Но мысль объ ея супружескѣ съ Княземъ, мысль о зависимости отъ этого человека и отъ непостоянства слабаго Графа, мысль о собственной чести, о потребности быть свободнымъ, возбудила во мнѣ опять и гордость и самочувствіе: я рѣшилась непременно удалиться, клялся, что не останусь пушъ долѣе. Предо мною открывалась пропаснь жесточайшаго злополучія, но все была она мнѣ оправданіе, нежели презрѣніе въ собственныхъ глазахъ своихъ.

Я нашелъ Горшензію въ саду. Легкій пренешъ пробѣжалъ въ жилахъ моихъ, когда я подошелъ къ ней съ поздравленіемъ. Она стояла одна въ задумчивости у цвѣтничной гряды. На лицѣ ея видна была свѣжесть, какой никогда не замѣчалъ я прежде. Казалось, она возродилась къ новой жизни. Она не примѣшила меня, пока не началъ я говорить.

„Какъ вы испугали меня!“ сказала она вздрогнувъ, и щеки ея покрылись еще живѣйшимъ румянцемъ.

„Позвольте и мнѣ, Графиня, изъяснить вамъ искреннюю радость свою, поздравить васъ . . .“

Далѣе не могъ я говорить; голосъ мой задрожалъ, мысли смѣшались — я не могъ снѣсти взора ея, стремившагося проникнуть въ глубину моего сердца. Съ трудомъ произнесъ

я еще пѣсколько словъ въ извиненіе, что пошрвожилъ ее.

Смотря на меня приемерно, по нѣко- поромъ молчаніи, сказала она: „Вы говорите о радости, но точно ли вы ее чувствуете?“

„Могу ли не радоваться, когда вы из- бавлены отъ болѣзни, кошороу такъ долго страдали? — Къ тому же черезъ нѣсколько дней, могу я отсюда ѣхать и, не принадлежа здѣсь никому, надѣюсь въ другомъ мѣстѣ найши возможность принадлежать хотя са- мому себѣ. Общъ мой совершенъ.“

„Такъ въ самомъ дѣлѣ думаете вы, лю- безный Фаустъ, насъ оставить? — Можете ли вы сказать, что никому не принадлежи- те здѣсь болѣе? Развѣ не привязали вы насъ къ себѣ всѣми узами признательности? Что принуждаетъ васъ разстаться съ нами?“

Я положилъ руку на свое сердце, и по- шутилъ глаза въ землю, потому что гово- рить былъ не въ состояніи.

„Вы останетесь, Фаустъ. Не правда ли?“

— „Я не смѣю.“

„И если я васъ о томъ прошу?“

— „Бога ради, Графиня, не просите, не приказывайте. Мнѣ будетъ хорошо только тогда . . . Нѣтъ, я непременно долженъ ѣхать!“

„Вамъ у насъ не хорошо? Но вѣдь ника- кое другое назначеніе, никакая другая обязан- ность не призываетъ васъ?“

— „Обязанность къ самому себѣ.“

„Подите же, Фаустъ; я въ васъ ошиб- лась. Мнѣ казалось, что и мы сколько ни- будь вамъ дороги.“

— „Графиня! если бѣ вы знали, какъ жа- желы мнѣ ваши слова, что сжалились бы надо мною и пощадилъ бы меня.“

„Такъ я замолчу, Фаустъ. Подите, но вы очень несправедливы.“

Сказавъ это, она отвернулась въ сто- рону. Я осмѣлился послѣдовать за нею и просить, чтобы она не сердилась, и шепъ замѣшилъ я слезы на глазахъ ея. Я испугал- ся — умолялъ ее не сердиться. „Прикажете“ — сказала я: „и буду вамъ повиноваться. Го- шовъ съ радостію жертвовать спокойстві- емъ, счастіемъ, своею жизнью вашей волѣ!“

„Подите, Фаустъ, я ничего не вынуждаю. Вы не охотно бы оставились.“

— „О Графиня, не приводите меня въ отчаяніе!“

— „Завтра . . . Сегодня же.“

„Нѣтъ, нѣтъ, Фаустъ!“ сказала она тихо, и подошла ко мнѣ. „Не на радость мнѣ и здоровье, и вашъ подарокъ, если . . . Фаустъ! Останьтесь еще, хоть на нѣсколь-

ко дней. “Эти слова пролетела она шакимь мягкимь, умоляющимь голосомь, и смошрѣла на меня сквозь слезы шакъ нѣжно, чшо я былъ не въ силахъ владѣть собою.

„Я остаюсь.“

— „Охотно?“

„Съ восхищеніемъ!“

— „Хорошо. — Теперь оставьте меня на минушу, Фаустъ. Я немного разсѣюсь; вы было меня очень опечалили. Однако не выходите изъ саду: я шолько ошдохну.“ — Съ сими словами она пошла и скрылась между цвѣшущими померанцовыми деревьями.

Долго споялъ я на одномъ мѣстѣ, какъ упоенный. Такъ никогда еще не говорила со мною Графиня. Уже это не былъ языкъ одной шолько учтивости. Съ пренешомъ представлялъ я себѣ: неужели я чшо нибудь значу въ ея сердцѣ? Эти шребованія — оставались, эти слезы — и, чшо не легко описывать, особенное чшо-шо въ ея лицѣ, въ ея движеніяхъ, эшомъ нѣмой языкъ, выражающій болье, нежели слова; — я не понималъ душе ничего и — все понялъ. Сомнѣніе и увѣренность, восторгъ и уныніе овладѣли всею душою.

Черезъ нѣсколько минушь, когда я, пройдя по аллеямъ, подошелъ къ дѣвушкамъ Горшензіи, явилась опять и она, съ веселымь,

непринужденнымъ лицемъ. Какъ ни часто я видѣла ее, но каждый разъ была она мнѣ совсѣмъ не то, каждый разъ представлялась, какъ бы съ измѣнившеюся красою. Въ легкомъ, бѣломъ одѣяніи, лежащемъ отъ бышрыхъ ея движеній, при полномъ сіяніи солнца, озаряющемъ свѣплымъ черпшъ лица ея, казалась она однимъ изъ неземныхъ существъ мечтательной кисти Рафаэля. Въ рукъ была у нее букешъ изъ гвоздикъ, розъ и ванилеваго цвѣша. „Я нарвала для васъ цвѣшовъ, любезный Фаустъ“ — сказала она мнѣ: „пожалуй-ше, примите ихъ. Теперь я даю вамъ ихъ совсѣмъ въ другомъ расположеніи духа, нежели шу розу, которую получили вы въ моей болѣзни. Мнѣ, правда, не должно было бы и вспоминать, какъ я васъ мучила, но я вспоминаю для шого, чшобъ загладить вину свою. Ахъ! и какъ много надобно мнѣ загладить! Пожалуй-ше, дайте мнѣ одну руку, а Сесиліи другую, и будемъ вмѣстѣ прохаживаться.“ Сесиліей называлась одна изъ жившихъ у ней бѣдныхъ дѣвушекъ.

Шупи и смѣясь, ходили мы долго по аллеямъ. Къ намъ пришелъ Графъ, а потомъ и Князь. Никогда не бывала Горшензія шакъ любезна, какъ въ эшомъ первый день ея выздоровленія. Съ опцемъ говорила она нѣжно и почпшительно; съ своими дѣвушками по

дружески; съ Княземъ вѣжливо и благосклонно; а со мною не иначе, какъ съ изъявленіями искренней благодарности. Не то, чтобы она изъявляла ее словами, но видома, движеніями, обращеніемъ. Какъ скоро начинала говорить со мною, что-то необыкновенно прогашельное, торжественное замѣтно было во всемъ существѣ ея, — что-то сердечное въ голосѣ и словахъ, — что-то дружеское, родственно-привѣтливое во взорахъ и ласкахъ. И этого шона не перемѣняла она ни въ присутствіи отца, ни Князя. Она умѣла бытъ такъ непринужденною, какъ будто никогда иначе со мною не обходилась.

Нѣсколько пріятнѣйшихъ дней прошло въ празднествахъ и веселостяхъ. Горшензія ни въ чемъ ко мнѣ не измѣнилась. Я самъ, безпрестанно колеблясь между законами почтительности и пламенемъ страсти, нашелъ наконецъ въ ея обращеніи оспраду, спокойствіе и ну самостоятельность, кошорой была лишена съ шѣхъ поръ, какъ сналъ знашь эту удивительную дѣвушку. Смотря, съ какимъ простодушіемъ, какъ непритворно оказывала она мнѣ чистѣйшее дружество, я самъ сдѣлаася непринужденнѣе, и мене заботилась скрывать свои чувства, хотя и не смѣла обнаруживать ихъ вполне. И при всемъ

томъ — кто можетъ пропивиться влеченію страсти? — она обнаружилась.

Всѣ пріѣзжіе въ Башпалію имѣютьъ обычаемъ собираются по вечерамъ передъ большимъ кофейнымъ домомъ, и бесѣдуютъ на чистомъ воздухѣ. Тутъ всегда царствуетъ большая непринужденность. Сидятъ въ нѣсколькихъ полукружкахъ на дворѣ. Справа и слѣва раздаются звуки музыки и пѣнія, какъ обыкновенно въ публичныхъ мѣстахъ Италіи. Въ большомъ домѣ также играетъ музыка. Окна и двери освѣщены. — Однажды вечеромъ, когда Князь рапѣ обыкновеннаго оставилъ насъ, вздумалось Графинѣ побывать въ такомъ собраніи. Я уже былъ въ своей комнатѣ, и сидѣлъ задумчиво, погруженный въ мечты о своей участи, въ размысленіи о Горшензіи, и держа передъ глазами букетъ, подаренный ею. Свѣча подъ зоншикомъ слабо освѣщала комнату, двери были не допворены. Такъ увидѣли меня, проходя мимо, Горшензія и Сесилія. Онѣ смотрѣли на меня долго. Потомъ тихонько вошли, но я не видалъ ихъ, пока не услышалъ голосовъ: онѣ просили проводить ихъ въ городъ. Я встрепенулся, и подалъ поводъ шумить надъ собою. Букетъ, кошорый бросилъ я въ шороняхъ на споль, Горшензія потчасъ узнала. Она взяла его и, хотя онъ уже завялъ

приколола его на груди своей. Мы пошли в Башпалію, и вмѣшались въ толпу.

Тутъ какъ-то случилось, что Сесилія, въ разговорахъ съ своими знакомыми, отспала отъ насъ; ни я, ни Горшензія не разсердились на это; мы разхаживали въ шѣношъ взадъ и впередъ, пока Горшензія не ушомилась. Тогда сѣли мы на скамью подъ илемомъ, споявшимъ нѣсколько въ опдаеленіи. Мѣсяць, проглядывая сквозь вѣтви, свѣсила прямо на прелестное лице Горшензіи и на поблекшій букешъ у груди ея.

„Неужели хотише вы опять похишишь у меня, что уже мнѣ дали?“ сказала я, показывая на букешъ.

Она смотрѣла на меня долго и внимательно; пошомъ сказала. „Мнѣ все кажется, какъ будто я ничего не могу давать вамъ и ничего брать у васъ. Не бываешъ ли иногда и съ вами шого же?“

Эпошъ значительный отвѣщъ, слегка и безъ особенной живости сказанный, привелъ меня въ замѣшательство. Я молчалъ. Изъ почтительности едва осмѣливался я находить въ немъ шоль драгоцѣнный для меня смыслъ. Она повшорила вопросъ.

„Правда, къ сожалѣнію и со мной бываешъ то же. Когда я вижу пронашъ, насъ раздѣляющую, — когда вижу обширное между

нами разсполніе, шогда и со мною бываешъ то же. Можемъ ли брать у природы, или давать ей — можемъ ли она брать и давать, что бы ей не принадлежало?“

Горшензія бросила на меня взглядъ удивленія. „Что говорише вы о природѣ, Фаустъ? И у самого себя не лзя ничего брать, и самому себѣ нельзя давать.“

„Самому себѣ?“ возразилъ я нешвердымъ голосомъ: „шакъ вы знаеше, что меня себѣ присвоили — что я сосшою во власти вашей.“

„Какъ же это? Не знаю!“ — отвѣчала она, и пошупила глаза.

— „Такъ я знаю, Графиня. Очарованіе, въ которомъ находились мы, не исчезло, а приняло другой оборощъ. Прежде я повельвала вашею волею; шеперь вы моею. Я живу шолько мыслями о васъ. Безъ васъ я ничшо. Сердитесь, какъ угодно, на дерзкое мое признаніе — дерзкое шолько передъ свѣшомъ. Все, что я дѣлалъ, было по желанію вашему. Могу ли скрыватьшъ опять васъ? Если ешъ въ шомъ прешупленіе, что душа моя невольню привязана къ вамъ неразрывными узами, шо это прешупленіе, Графиня — не мое.“

Она отшвернулась, и поднятіемъ руки хотѣла дашь знать, чтошъ я замолчалъ. Въ это мгновеніе и я поднялъ руку, чтошъ оперешъ

глаза, помраченные горячею слезою . . . Мы молчали; мысли мои шевелились въ сильномъ движеніи чувства. Я открылъ спрассъ свою — но не видѣлъ гнѣва Горпензіи. Она любила меня.

Тутъ подошла къ намъ Сесилія. Медленно и въ безмолвіи, возвращались мы въ замокъ. На разсѣванъ сказала мнѣ Графиня: „Вы мнѣ дали здоровье, но шеперь я нездоровѣе прежняго.“

Ж и л и щ е П е т р а р к и.

Когда мы свидѣлись на другое утро, то боялись взглянуть другъ на друга, боялись начать говорить. Только изрѣдка встрѣчались наши взоры; и спарался прочесть на лицѣ ея, не возбуждаетъ ли дерзость моя шеперь ея гнѣва — шеперь, когда она о помѣ размыслила; но не гнѣвъ, а какая-то важность избражалась на чертахъ ея. Нѣсколько дней мы не сходились одни, и во все это время пайна, кошорая вертѣлась у насъ на умѣ, держала насъ въ самомъ принужденномъ положеніи: мы осперегались и малѣйшаго намѣтка. Но не только въ обхожденіи со мною, во всемъ существѣ Горпензіи замѣчалъ я переѣну: во всѣхъ движеніяхъ, во всѣхъ словахъ ея было что-то возвышенное, шор-

жественное; даже веселость ея спала умѣреннѣе, какъ будто ни къ чему изъ окружающихъ ея предметовъ не могла уже она спрѣмиться душою, какъ прежде.

Напрасно однако жъ относилъ я эту переѣну къ рѣшительному часу, проведенному нами подъ илемомъ. Послѣ узналъ я, что въ это же самое время Князь Карло предлагалъ ей формально свою руку, и это произвело непріятныя, принужденныя встрѣчи, между нею, Княземъ и опцемъ ея. Не желая огорчать ни того, ни другаго, она просила, чшобъ дали ей время на размышленіе, и назначила себѣ такой неопредѣлительный срокъ и съ такимъ суровымъ условіемъ, что Карло долженъ былъ опчаяваться въ успѣхъ своихъ исканій. „Не скажу, чшобъ Князь не нравился мнѣ“ — такъ говорила она опцу: „но мнѣ хочется еще наслаждаться своею свободою. Со временемъ объявлю сама, согласна ли я на предложеніе, или нѣтъ; но если оно будетъ мнѣ повторено прежде, нежели я этого пожелаю, то навѣрное будетъ опвергнуто навсегда, хошя бы я и любила Князя.“

Графъ издавна зналъ своенравіе своей дочери; однако эти слова не испугали его, — напрошивъ, онъ находилъ въ нихъ еще болѣе причины надѣяться, пошому, что иначе Гор-

пензія отказала бы на опрѣзъ. Карло былъ не пѣхъ мыслей: онъ очень огорчился, видя себя осуженнымъ на всегдашнее искашельство безъ пвердыхъ надеждъ. Впрочемъ самолюбіе не допустило его опчаяваться; онъ думалъ вѣрною любовью пронуть наконецъ сердце суровой Горпензіи. Моя коропкость съ нею не совсѣмъ ему нравилась; однако жъ онъ, по видимому, и не спрашилъ ея, пѣмъ болѣе, что она была открыта и непринужденна. Горпензія обходила и съ нимъ почто также, а припомъ, привыкнувъ видѣть во мнѣ друга отца и дочери, онъ узналъ еще отъ Графа и о низкомъ моемъ происхожденіи. Могъ ли же бояться моего соперничества? Нѣтъ, онъ даже самъ сдѣлалъ меня повѣреннымъ чувствъ своихъ, и рассказавъ однажды всю исторію своего сватовства, просилъ помочь ему выйти изъ сего затруднительнаго положенія. „Не случится ли вамъ“ — говорилъ онъ мнѣ: „какимъ нибудь образомъ открьшь истинное расположеніе ко мнѣ Горпензіи?“ Я долженъ былъ обѣщать. Съ пѣхъ поръ каждый день встрѣчалъ онъ меня вопросомъ, не сдѣлалъ ли я какихъ нибудь открьшій. Я извнялся всегда пѣмъ, что не имѣлъ случая говорить съ Горпензіей наединѣ.

Вѣроятно, чтобы доспавить мнѣ эпошь случай, успроилъ онъ самъ повѣзду въ Аркаво, въ прехъ миляхъ отъ Башшалии, куда обыкновенно всѣ ѣзжали для посѣщенія жилища и гроба знаменитаго Пеншарки. Горпензія изъ всѣхъ Италіанскихъ Поэшовъ, наиболѣе уважала эпого нѣжнаго, вдохновеннаго Пѣвца крошкой любви. Она заранѣе радовалась такой повѣздѣ. Когда же насупило время отъѣзда, Князь Карло нашелъ легкой предлогъ, чтобы не только не ѣхать самому, но даже задержать и Графа, обѣщаясь впрочемъ или догнать насъ, или вскорѣ явиться на мѣстѣ. И такъ Горпензія поѣхала въ сопровожденіи только своихъ дѣвушекъ, Беаптрысы и Сесалии. Я слѣдовалъ за ними верхомъ.

На деревенскомъ кладбищѣ нашли мы простой памятникъ надъ могилою безсмертнаго Пѣвца. Я перевелъ своимъ спутницамъ Латинскую надпись. Горпензія стояла въ задумчивости надъ гробомъ. „Однако не все же умираешь!“ сказала она, вздохнувъ, и мнѣ казалось, что я чувствовалъ при томъ легкое пожатіе руки ея. „Когда бы все умирало“ — отвѣчалъ я: „жизнь человека была бы — несстерпимымъ мученіемъ, а любовь — величайшею отравою жизни.“

Съ чувствомъ унынія оставили мы кладбище. Проводникъ нашъ, добрый шарикъ,

повель насъ къ близъ - лежащему холму, на которомъ стоить домъ Петрарки съ маленькимъ, примыкающимъ къ нему садомъ. Отсюда прекрасный видъ на окружающую равнину. Въ домъ показывали намъ всю ушварь Поэта, рачительно сберегаемую: школы, за которыми онъ читалъ и писалъ; стулья, на которыхъ сидѣлъ — даже его кухонную посуду.

Возвръне на столь достопамятные оспашки производишь всегда разительное впечатлѣніе въ умъ: — промежутка цѣлыхъ столѣтій какъ будто не бывало, и прошедшее являеяся намъ въ видѣ настоящаго. Мнѣ все казалось, будто Поэтъ нашъ только что вышелъ — что онъ не замедлишь оппереть сърую дверь своей горенки и насъ привѣтствовать. Горшензія нашла въ углу на столикѣ красивое издание Сонетовъ Петрарки. Она съла ось усталости, оперлась на руку, и съала читать, заслоня перстами той же руки глаза свои. Беатриса и Сесилія пошли приготоовляшь завтракъ для Графини. Я споялъ, молча, у окна. Любовь и безнадежность Петрарки были и моею участью; другая Лаура сидѣла пушь — прелестная, не по внушенію Музы, но сама по себѣ.

Горшензія взяла плашокъ, и оперла себя глаза. Я испугался, видя, что она плачешъ. Робко подошелъ я, но заговорить не смѣлъ. Вдругъ она вспала, улыбулась сквозь слезы и сказала: „бѣдный Петрарка! Бѣдное сердце человека! Но все минуется, все. Прошли уже столѣтія послѣ стюновъ его. Говоряшь однако, что въ позднѣйшее время онъ превозмогъ себя. Хорошо ли это, превозмогаешь себя? Не значить ли это исперзать себя?“

— „А если велишь необходимость?“

„Развъ необходимость имѣешь власнь надъ человѣческимъ сердцемъ?“

— „Но Лаура была супругою Гуго Саде — ея сердце не могло принадлежать ему. Его жребій былъ — любить въ уединеніи, умереть въ одиночествѣ. Но онъ имѣлъ даръ пѣснопнія, и Музы утѣшали его. Онъ былъ несчастливъ — но не столько, какъ я.“

„Какъ вы?“ пролепсала Горшензія едва слышимымъ голосомъ. „Вы несчастливы, Фаушь?“

— „Я не имѣю дара пѣснопнія. Поэтому сердце мое сокрушилось — его никто не утѣшишь. Графиня — смѣю ли сказать вамъ больше? Но я хочу быть достойнымъ вашего уваженія, и смѣлость моя мнѣ поможетъ. Дозвольте мнѣ одну просьбу, одну скромную просьбу.“

Гортензія пошупила глаза, и не отвѣчала.

„Одну просьбу, Графиня, для моего спокойствія.“

— „Что вамъ угодно?“ прошептала она, не поднимая глазъ.

„Могу ли надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ моей просьбѣ?“

Она посмотрѣла на меня приспально и строго, потомъ сказала съ неописаннымъ благородствомъ: „Не знаю, Фаустъ, чего хотите вы просить, но что бы ни было — да, Фаустъ, я обязана вамъ жизнию, и должна имѣть къ вамъ довѣренность — я исполню вашу просьбу. Говорите.“

Я бросился на колѣна, схватилъ руку ея, и прижалъ къ пылающимъ устамъ своимъ — я потерялъ память и языкъ. Гортензія, погруженная въ самую себя, стояла, какъ безъ чувствъ, съ пошупленными глазами.

Наконецъ я собралъ силы свои и вскричалъ: „я люблю — люблю васъ невыразимо — я несчастливъ. Мнѣ надобно удалиться. Позвольте мнѣ бѣжать отсюда. Я не смѣю оставаться здѣсь долѣе. Позвольте мнѣ провести жизнь мою вдали отъ васъ, въ какомъ нибудь уединеніи, гдѣ бы нашелъ я покой. Я долженъ бѣжать отсюда. Я нарушаю

спокойствіе вашего дома безуміемъ моею спрасни. Карло искалъ вашей руки.“

— „Она не будетъ принадлежать ему!“ — прервала меня Графиня, сказавъ это швердымъ голосомъ.

„Позвольте мнѣ удалиться. Доброша ваша еще усиливаетъ мое бѣдствіе.“

Гортензія была въ большой борьбѣ сама съ собою. „Вы очень несправедливы, но я не смѣю вамъ препишетствовашъ!“ вскричала она, и залилась слезами. Силы ея ослабли; она искала спуга. Въ то мгновеніе, какъ я вскочилъ, она упала, рыдая, на мою грудь. Спусти минушу, она оправилась. Но въ пылу спрасни, забыла я законы почтительности, обнялъ ее и со вздохомъ воскликнулъ: „эта минуша, и я довольно жилъ на свѣтѣ!“ Она подняла глаза, и съ умоляющимъ, нѣжнымъ взоромъ, съ лучезарнымъ лицомъ, какъ нѣкогда въ минушы своихъ перерожденій, шептала мнѣ: „Фаустъ, что жъ думаете вы дѣлать?“

— „Будете ли вы помнить меня и въ отдаленности?“ спросилъ я, не давъ отвѣта.

„Могу ли не помнить?“ сказала она со вздохомъ, и пошупила глаза.

— „Прощайте, Гортензія!“ воскликнулъ я, и чело мое склонилось неволью къ ея челу.

„Эмили! Эмили!“ шептала она. Взоры и слова ея утврjali меня въ вѣднѣйшей, въ самой невинной любви. Пролетѣли минуты. Медленно опомнились мы отъ упоенiя.

Какъ сонный, пошелъ я съ нею изъ жилища Петрарка, по пропикѣ, ведущей съ холма. Внизу ожидали насъ слуги, которые проводили насъ въ бесѣдку изъ лавровыхъ кустарниковъ, гдѣ приготоуленъ былъ небольшой завтракъ. Въ то же время подѣхала коляска. Изъ нее вышли Графъ и Князь Карло.

Горшензiя была очень серьезна, на вопросы отвѣчала весьма коротко, и непрерывно задумывалась. Я видѣлъ, что съ Княземъ говоришь она очень принужденно. Со мною же прѣжнее ласковое обращенiе не измѣнялось. Въ другой разъ пошли мы въ жилище Петрарка, пошому что Графъ Гормегъ захотѣлъ его видѣть. Когда мы посѣщили опять комнату, гдѣ раскрылась тайна сердцеу нашихъ, Горшензiя съла на пошь же спузъ за книгою, и почно въ такомъ же подоженiи, какъ и прѣжде: шакъ и оставалась она, пока мы шупъ пробыли. При выходѣ же вспала, положила руку на грудь, бросила на меня пронцацельный взглядъ, и посьщно цощла.

Эшо движенiе, эшотъ взоръ замѣченъ были Княземъ. Лице его побагровѣло; онъ нель съ поникшею головою и пасмурнымъ видомъ. Веселость ускользнула изъ нашего общества; у каждаго было на умѣ, полько скорѣе добратъся до замка. Я не сомнѣвался, что ревность Князя все угадала, и боялся не спозько за себя, какъ за Графиню.

Эшо самое побудило меня, лишь полько пришелъ я домой, приготоуишь все наскоро къ отѣзду завтрашняго упра. Я сказала о пошь Графу, передалъ ему все его бумаги, и заклиналъ, не говоришь Графинѣ, пока я совсемъ не уѣду.

П Е Ч А Л Ь Н А Я Р А З Л У К А .

Еще за долго до шого, выпросилъ я у Графа спущникомъ себя Зебалда, который неперпѣливо желалъ возвратиться на родину. Когда объявилъ я доброму спарику о нашемъ отѣздѣ, онъ чуть не закричалъ отъ радости. У каждаго по коню, у каждаго по чемодану — вошь, въ чемъ состоялъ весь нашъ снарядъ на дорогу.

Я рѣшился передъ разсвѣтомъ слѣдующаго дня шихонько уѣхать. Никшо въ замкѣ не знали о пошь, кромѣ Зебалда и Графа. Горшензiя хотѣлъ я оставишь нѣсколькo

спрокъ съ выраженіемъ признательности моей, любви и вѣчной разлуки. Старый Графъ, хотя и былъ, казалось, изумленъ, однако жъ не совсѣмъ доволенъ. Онъ обнялъ меня по дружески и очень прогашельно благодарилъ за оказанныя ему одолженія; потомъ обыцался прийти черезъ часъ въ мою комнату съ бумагами, которыя должны были доставить мнѣ обезпеченіе въ жизни, и которыя хотѣлъ онъ мнѣ дать по собственному его выраженію, какъ малую плату въ счетъ вѣчнаго его долга. Взявъ нѣсколько денегъ мнѣ было нужно, чтобъ попасть въ Германію — потому что у меня ихъ ни сколько не было — но принявъ лишнее не допускаа меня моя гордость.

Уже все было готово. Зебальдъ ожидалъ только приказанія сѣдлать лошадей. Я спалъ, пишу къ Горшензи. Могу ли изобразить, какъ страдалъ я, какъ боролся съ самимъ собою, какъ часто вскакивалъ, бросая письмо, чтобы выплакать свою горестъ? — Что было у меня въ виду? Жизнь безопрадная!... Сноснѣ умереть, нежели пережить радости и надежды.

Нѣсколько разъ рвалъ я написанное. То казалось мнѣ, что пишу я къ Горшензи слишкомъ холодно, то слишкомъ спрашно.

Еще не кончили я, какъ мнѣ помѣшали самымъ неожиданнымъ образомъ.

Вбѣжалъ Зебальдъ, дрожа, чуть переводя духъ, подхватилъ уложенные чемоданы и закричалъ: „Г. Фауствъ, случилось несчастіе! Хотяшъ васъ посадить въ шюрму. Хотяшъ васъ погубить. Убѣжимъ, пока есть время!“, Напрасно спрашивалъ я о причинѣ его испуга — узналъ только, что Графъ прошивъ меня въ бѣшенствѣ, Князь въ совершенномъ неистовствѣ и все въ замкѣ раздражены. — Я отвѣчалъ равнодушно, что не имѣю причины бояться, а еще менѣ бѣжашъ изъ дому, какъ пресипунникъ. „Ахъ, сударь!“ — вскричалъ опять Зебальдъ: „безъ бѣды опъ эпой несчастной фамиліи не уйдешъ; шущъ водятся злые духи. Ужъ я эпо давно говорилъ. Пожалуй-те, убѣжимъ-ше!“

Тутъ вошли два егеря изъ свиты Графа, и просили меня пошчасъ явиться къ Его Сіятельству. Зебальдъ мигалъ и хлопалъ глазами, чтобы я поспарался ускользнуть. Я не могъ безъ смѣха смотрѣть на него. Оцправясь въ садъ за егерями, велѣлъ я одному сѣдлать лошадей. Дѣйствительнѣ должно было случиться какое нибудь необыкновенное происшествіе — эпо я видѣлъ, и какъ, по догадкамъ своимъ, ожидалъ непріятности.

Опъ Князя, шо и разсудилъ принять все предосторожности.

Вопъ какъ все это вышло :

Лишь только оставилъ я Графа Гормега, какъ явился къ нему Князь, и въ короткихъ словахъ объявилъ ему, что я обезчестилъ его домъ, имѣя съ Графиней тайную связь. Это взялъ онъ опъ словъ Беатрисы, которую задобрилъ, можешь быть, подарками или нѣжностями. — Когда Беатриса и Сесилія вышли изъ дома Пешарки, первая, ждавъ и не дождавшись госпожи своей, воротилась назадъ, и шуть видѣла, что происходило между нами. Разумѣется, она шотчасъ удалилась, но прѣхавши назадъ въ замокъ, открыла все Князю. Старый Графъ, которъй гошовъ былъ вѣршъ всему, шолько не жеспочайшему изъ всѣхъ пресниупаеній подъ дуною, шо ешь, чинобъ человекъ простой, живописецъ, могъ поселить любовь въ Графинѣ Гормегъ, — считалъ сперва всю эту историю за грѣзу въспревожденной ревности. Князь, въ свое оправданіе, долженъ былъ выдать расказину, а Беатриса, какъ ни опиралась сначала, принуждена была наконецъ во всемъ признашся.

Тогда Графъ запылгалъ гнѣвомъ, до испушенія; и при всемъ шомъ это приключеніе казалось ему такъ невообразимо - ужаснымъ,

штакъ несбыточнымъ, что онъ рѣшился обо всемъ спросить у самой Горшензіи. Ее позвали. Блѣдныя, испугомъ и гнѣвомъ искаженные лица возбудили въ ней ужась. „Что здѣсь случилось?“ воскликнула она, пререца. Съ грозною важностию сказалъ Графъ, „Опъ тебя мы узнаемъ это!“ Пошомъ съ принужденнымъ спокойствіемъ и ласкою взялъ онъ ее за руку и продолжалъ: „Горшензіа! тебя обвиняющъ, будшо шы посрамила имя наше — едва могу выговорить — любовною связью съ живописцемъ, съ Фаустомъ. Горшензіа, оправдай себя, скажи: нѣшъ! Возврати опцу швоему честь и покой. Это возможно тебѣ. Уйми поклепы злыхъ языковъ; уйми расказы о шомъ, что произошло опъ недоразумѣнія, обмана чувствъ — будшо тебя видѣли сегодня въ объятіяхъ Фауста. Здѣсь стоишь Князь, швой будущій суиругъ. Поддай ему руку. Увѣрь его, что все, выдуманное о тебѣ и Фаустѣ, ешь низкая клевета. Присущствіе Фауста уже не будетъ нарушать покоя нашего. Въ эту ночь оставишь онъ насъ навсегда.“ Графъ говорилъ еще долго. Казалось, что онъ, уже видя изъ лица Горшензіи, краснѣвшаго и блѣднѣвшаго, истину всего сказаннаго, старался шолько дать дѣлу самый выгодный оборотъ — хотѣлъ однимъ разомъ примирить Князя и все

привести въ порядокъ. Но всего менѣ могъ онъ ожидать ошвѣща, какой гошвила ему Горшензія.

Лишь только онъ кончилъ, Графиня, со свойственнымъ ей благородствомъ и рѣшимостію, столько же раздраженная измѣною служанки своей, какъ встревоженная упреками и извѣстіемъ о моемъ ошвѣздѣ, обратилась прежде всего къ Беатрисѣ, пусть же спойавшей: „Несчастливая!“ сказала она ей: „Передъ побою не дамъ я ошвѣща. Служанка моя не можеть быть моею обвинительницей. Передъ побою не въ чемъ мнѣ оправдываться. Поди ошюда, и изъ замка. Не являйся ко мнѣ на глаза.“ Беатриса хотѣла броситься къ ногамъ ея. Напрасно! Она должна была повиноваться и удалиться.

Туть Графиня обратилась къ ошцу и потребовала, чшобъ онъ велѣлъ позвать меня. Графъ вышелъ. За мною послали. И Графиня удалилась на минушу. Она вошла ошль почти въ то же мгновеніе, какъ и я.

„Любезный Фаустъ!“ сказала она и щеки ея запылали необыкновеннымъ румянцемъ: „Мы съ вами споймъ здѣсь, какъ обвиненные, или какъ осужденные.“ Туть рассказала она, чшо случилось. Потомъ продолжала: „Ожидаетъ ошъ меня оправданія. Я могу оправдываться только передъ Великимъ Серд-

цемъ. Скажу правду — шого шребуешь отецъ мой; скажу рѣшительную свою волю — шого шребуешь судьба, преслѣдующая меня бѣдствіями. Фаустъ! я была бы недоспойна уваженія вашего, если бъ не умѣла сносить несчастія.“ Тогда обратилась она къ Князю и сказала: „Я уважаю васъ, но не люблю. Не пишайте напрасной надежды получить мою руку: она никогда не будетъ принадлежать вамъ. Послѣ всего случившагося, я должна просить, чшобъ вы оставили насъ навсегда. Не ожидайте ничего и ошъ воли моего родителя: она послужила бы только къ шому, чшобъ подвергнушь меня въ раннюю могилу. Вошь все, чшо я должна была сказать вамъ. — Вамъ же, башюшка, должна признаться, чшо я люблю — люблю Фауста, кошорый спасъ мою жизнь. Знаю, чшо вы не расположены къ нему, по различію соспойній. Пусть онъ оставишь насъ. Мои земныя сношенія съ нимъ прекращаются, но сердце мое останеться при немъ. Ему обручаю себя на всегда. Вы, башюшка, перемѣнишь шого не можете — иначе сами покусились бы на жизнь мою. Сказываю вамъ напередъ: я гошова умереть, пошому, чшо только смерть прекратишь мои несчастія.“ (*)

(*) Сихъ сильныхъ выраженій конечно не оправ-

Она умогла. Графъ и Князь хошѣли горюшь. По знаку ея, они оспановилсь. Подошедши ко мнѣ, сняла она першень съ руки своей, подала его мнѣ и сказала: „съ вами я разлучаюсь, можешь бышь, навсегда. Примите этошъ першень на память. Скорѣе изошрুষи въ прахъ это золото и эти алмазы, нежели оспынешъ любовь моя и вѣрность. Не забывайте меня!“ — Сказавъ это, она положила руки свои на мои плеча и, блѣдная, полумершвая, съ закрышыми глазами, вдругъ покашилась на землю.

Графъ Гормегъ испустилъ пронзительный крикъ. Князь созвалъ на помощь людей. Я поднялъ прелесный шрушъ, и ошнесъ на ближній диванъ. Сбѣжались служанки; послалъ за лекарями. Безчувствень стоялъ я на колъняхъ у дивана, и прижималъ холодную руку усопшей къ ушамъ своимъ. Графъ опшолкнулъ меня. Какъ бѣшеный, возопилъ онъ: „Ты умершвилъ ее! Бѣги, несчастный, и не кажись мнѣ на глаза!“ Онъ шолкнулъ меня

дываюшъ ни чувшва дочери, обязанной ошцу любовью, покорношю и почшеніемъ, ни разсудкъ, ни свѣтскія приличія; шакого изъясненія Горпензіи не могушь, кажешся, извинишь ни оскорбленное здѣсь самолюбіе ея, ни неодолима шспрашь къ Фаушту, не смошра на то, что ея любовь къ нему основывалась на благодарношпи.

въ дверь; по знаку его подхвашили меня егери и бросили внизъ по лѣсницѣ. Тамъ споялъ Зебальдъ. Онъ ушацилъ меня къ оспдланнымъ лошадямъ въ конюшню. Тушь упалъ я безъ силъ и памяти. Болѣе четверши часа, какъ сказывалъ мнѣ послѣ Зебальдъ, я лежалъ безъ дыханія. Едва шолько ошкрылись гласа мои, онъ посадилъ меня на лошадь. Мы поскакали. Я вхалъ, какъ сонный, и насилу держался. Уже спушия долгое время опомнился я, и силы мои возвращились.

Тогда шолько разсѣлся мракъ предъ моими глазами. Вспомнивъ прошедшее, пришедъ я въ ошчаяніе. Немедленно хошѣлъ я ворошишься. Мы проскакали уже съ милю. Зебальдъ закалиналъ меня оставишь это сумасбродное намѣреніе. Но напрасно: я уже повернулъ свою лошадь. И вдругъ вижу: мнѣ на встрѣчу несущся вскачь вооруженные всадники. „Гнусный убійца!“ загремѣло въ ухахъ моихъ. Это былъ голосъ Карла. Въ слѣдъ за тѣмъ раздалось нѣсколько высшрѣловъ. Лишь шолько выхвалилъ я пистоленъ, лошадь моя пала подо мною мершвая. Я соскочилъ. Карло съ обнаженною шпагою скакалъ прямо на меня, и въ шо мгновение, какъ хошѣлъ онъ пронзишь меня, я высшрѣлилъ: пуля проскочила на вылетъ. Спущники подхвашили его и помчали назадъ. Зе-

бальдъ, преслѣдуя ихъ, послалъ имъ еще нѣсколько пуль въ погоню. Пошомъ ворошился онъ, снявъ чемоданъ съ мершвой лошади — кое-какъ помѣстились мы на одной, и по скакали вдаль.

Невольное убійство это случилось близъ небольшого лѣса, до котораго мы скоро достигли. Солнце уже закатилось. Цѣлую ночь ѣхали мы, не зная куда. Прибывъ на разсвѣтъ въ деревеньку, хотѣли дать отдыхъ своей лошади, но нашли, что она исперша сѣдломъ, до крови и неспособна продолжать путь. Продавъ ее шущъ за безцѣнокъ, мы взвалили себя на плечи свой скарбъ и побрели далѣе окольными дорожками.

Н о в ы я п р и к л ю ч е н и я .

Опъ первыхъ лучей выходящаго солнца заблестали Горшензинны алмазы на рукъ моей. Я сквозь слезы поцѣловалъ перстень. Еще ночью сказывалъ мнѣ Зебальдъ, что, когда я лежалъ безъ памяти въ конюшнѣ, слышалъ онъ опъ одного изъ слугъ, будто Горшензію напрасно считали умершею: она очувствовалась. Это извѣстіе подкрѣпило мои силы. Я ни сколько не думалъ о своей участи. Величіе души Горшензиной одушевило меня. Я гордился своимъ несчастіемъ.

Одна только скорбь перзала меня: разлука вѣчная съ шюю, которой на вѣкъ былъ я преданъ.

Въ Равеннѣ дали мы себѣ отдыхъ, и вшопъ отдыхъ сдѣлался очень продолжительенъ: утомленный въ силахъ, потрясенный необычайными происшествіями, я занемогъ. Двѣ недѣли пролежалъ я въ горячкѣ. Зебальдъ мучился жестокою тоскою: ему воображалось, что убійство Карла опкроетъ насъ скоро, и мы попадемъ въ руки правосудія. Онъ перемѣнилъ наши имена, доспалъ другую одсжду. Мое крѣпкое сложеніе больше, нежели искусство лекаря, возстановило опять мои силы; только слабость осталась въ шѣлѣ. Рѣшась ѣхать изъ Римини въ Тріестъ водою, надѣялся я оправиться дорогой.

Однажды вечеромъ вбѣгаешь ко мнѣ Зебальдъ въ испугѣ, и говоришь: „Намъ нельзя оставаться здѣсь долѣе. Какой-то незнакомый человекъ хочетъ васъ видѣть. Тутъ добромъ не обойдется. Онъ назвалъ меня нѣспорящимъ именемъ, и спрашиваетъ васъ.“

„Позови его!“ — сказала я.

Вошелъ хорошо одѣтый мужчина, и по сль первыхъ привѣтствій, спросилъ о моемъ здоровьѣ. Узнавъ, что я оправляюсь, онъ сказалъ: „Тѣмъ лучше. Я долженъ вамъ дать добрый совѣтъ. Князь Карло — мнѣ извѣстна

ваша съ нимъ исторія — вышла изъ опасности, но поклялся преслѣдовать васъ до смерти. И такъ не мѣшайте. Вы хотѣли ѣхать черезъ Триестъ въ Германію. Въ Римини теперь нѣтъ корабля, кошорый бы туда отправлялся. Тамъ только одинъ, идущій въ Неаполь. Вы лучше сдѣлайте, если поѣдете на немъ. На морѣ вы въ безопасности. Иначе не пройдетъ и нѣсколько часовъ, какъ васъ схватятъ. Возьмите письмо къ Капитану Неаполитанскаго корабля. Онъ мой хорошій пріятель. Съ радостію приметъ онъ васъ. Только постыдитесь отправиться въ Римини.“

Изумясь, что незнакомецъ такъ хорошо знаетъ всѣ обстоятельствова, я спросилъ, какимъ образомъ сдѣлались они ему извѣстны. Съ таинственной улыбкою отвѣчалъ онъ: „Кромѣ того, что я живу здѣсь въ Равеннѣ и писаремъ въ Судѣ, ничего не могу вамъ сказать. Спасайтесь.“ Тутъ онъ скрылся.

Хотя Зебальдъ и увѣрялъ, что эпошь человекъ долженъ быть колдунъ, однако распросивъ объ немъ служителей практики, узналъ, я что онъ точно въ Судѣ писаремъ и на счету честныхъ людей — приномъ не бѣденъ, и имѣетъ семейство. Всего удивительнѣе для меня было, какимъ образомъ открылось намъреніе наше ѣхать въ Римини и Триестъ; но и эта загадка разгадалась. Зебальдъ

признался мнѣ, что онъ послалъ къ повариху своему Каспару въ Башпалію письмо, въ кошоромъ просилъ уведомить его, точно ли Князь убитъ. Отвѣта не могъ онъ дожидаться. Въроятно, письмо попало въ руки Князя, или его людей, а можетъ быть и такъ разглашено было.

Зебальдъ запоропился ужасно. Въ ту же ночь отправились мы въ Римини. Однако я не совсемъ былъ доволенъ эпош послѣдностію. Мы сами не знали, бѣжимъ ли отъ опасности, или вдаемся въ нее. Писарь могъ бытъ подкупленъ Княземъ. Между тѣмъ пріѣхали мы въ Римини, и точно нашли шупъ Неаполитанскій корабль. Я отдалъ письмо — не скрою, что напередъ прочиталъ его — и скоро условились мы съ Капитаномъ объ отъѣздѣ. Подулъ попушный вѣтеръ. Мы снялись съ якоря.

Кромѣ насъ, были на кораблѣ и другіе пассажиры. Между ними замѣнилъ я молодого человека, присущствіе кошорого не совсемъ было мнѣ пріятно: я вспомнилъ, что видалъ его мелькомъ на водахъ въ Башпаліи. Рассказы его скоро однако меня успокоили: судя по нимъ, увидѣлъ я, что онъ вовсе меня не знаетъ. Онъ оставилъ Башпалію за три дни передъ тѣмъ, и возвращался въ Неаполь, гдѣ, по словамъ его, велъ значительный шортъ.

Говори о знакомствахъ, сдѣланныхъ имъ на водахъ, упоминалъ онъ случайно объ одной Нѣмецкой Графинѣ, и называлъ ее дивомъ красоты и миловидности. Какъ сильно забилось мое сердце! Объ исторіи съ Княземъ, казалось, не зналъ онъ совсѣмъ. О Графинѣ, которой имя было ему неизвѣстно, говорилъ даѣе, что за чепыре дни она уѣхала — куда? — онъ о томъ не заботился.

Хотя такія извѣстія были очень мало-важны, однако не мало послужили къ моему спокойствію. Гортензія жива и здорова! Вопль, что опзывалось въ моемъ сердцѣ, и желаніе ей счастья вырывалось изъ него вѣспѣ съ вздохомъ. Плаваніе наше всѣмъ наскучало, но не мнѣ. Я искалъ уединенія. Не одну ночь провелъ я на палубѣ въ мечтахъ о Гортензіи. Молодой купецъ — онъ назывался Туфальдини — замѣшил мое уныніе, и старался развеселить меня. Услышавъ, что я живописецъ, и любя самъ это искусство до страсти, безпрестанно заводилъ онъ о немъ рѣчь, и конечно ничѣмъ не могъ скорѣе завлечь меня въ разговоръ. Мало по малу онъ такъ со мною сблизился, что предложилъ мнѣ въ Неаполѣ квартиру и споль въ своемъ домѣ. Я не откачался отъ того, попому что Неаполь былъ для меня совершенно чуждъ, а кошелекъ мой и Зебальдовъ чрезвы-

чайно истроцился, особливо по уплатѣ Капитану корабля.

НОВАЯ СТРАННОСТЬ.

Доброша и попечительность обо мнѣ благороднаго Туфальдини приспыжали меня. Онъ обходился со мною, какъ съ другомъ, не смотря на то, что я ничѣмъ не въ состояніи былъ пріобрѣтать любовь его. Какъ друга представилъ онъ меня и своему семейству: пожилой матери и юной, прелестной супругѣ. Мнѣ и Зебальду отвели лучшую комнату, и съ первыхъ дней сдѣлались мы, какъ домашніе. Но этого мало: Туфальдини ввелъ меня ко всѣмъ знакомымъ своимъ, и мнѣ стали заказывать картины. Онъ такъ заботился дославать мнѣ работу, какъ будто имѣлъ въ томъ свою выгоду; но самъ едва соглашался принимать отъ меня плату за квартиру, и по сдался уже тогда, какъ не смотря на видимое въ немъ огорченіе, увѣрялъ я, что безъ того не останусь въ его домѣ.

Работа моя сходила съ рукъ, противъ чаянія, необыкновенно счастливо. Картины мои нравились; за нихъ плашили, что я претовалъ, и безпрестанно заказывали вновь. Зебальдъ такъ обидѣлся въ Неаполь, что

почти не вспоминаль и объ родинѣ. Онѣ благодариль Бога, что убрался съ головою на плечахъ ошъ Графа Гормега, и увѣряль, что готовъ скорѣе служить у меня изъ куска хлѣба, чѣмъ у Графа — хошя бѣ шамъ сули-ли ему груды золота.

Я намѣревался скопить работою сполько денегъ, чтошобъ было съ чѣмъ опправиться въ Германію, и шамъ гдѣ нибудь поселиться. Прошелъ годъ. Прилежно работая и живучи бережно, достигалъ уже я своей цѣли. Но приверженности, какою пользовался я ошо всѣхъ въ домѣ Тугальдини, моя скромная жизнь посреди большаго, шумнаго города, пріятности климата, а пришомъ и мысль, что въ Германіи нѣтъ у меня ни друзей, ни знакомыхъ, все это заспавило меня забыть о своемъ планѣ. Я оспавался шамъ, куда привела судьба. Радостей не могъ я ожидать ни въ Германіи, ни въ Италіи. Только одна мечта, что можешь быть Горпензіи живешь въ помѣстьяхъ ошца своего — можешь быть, доспанешься мнѣ въ упѣшеніе посмотришь на нее хошя издали — пошько эша мечта манила меня къ сѣверу. Но когда припоминаль я себя минушы разлуки нашей и слова: „Мои земныя сношенія съ нимъ прекращаюся!“ — припоминаль, какъ она, передъ лицомъ ошца, шакъ шоржесивенно, съ ша-

кимъ великодушіемъ ошъ меня отказалась — тогда возраждалось и во мнѣ мужество переносить все шерпѣливо. Я былъ подобенъ грозой пораженному дереву: безъ вѣтвей, безъ листьевъ, покинутое, забытое, оно изсыхаетъ безопрадно.

Говоряшь, время благотворною рукою исцѣляетъ и самыя глубокія раны. Я самъ шакъ думалъ, но увѣрился въ прошивномъ. Мое умыніе было все одинаково. Я убѣгалъ весельяхъ. Слезы весьма часто облегчали скорбь мою. Мечташь о ней, представляшь ее во всей величавости красоты — было первѣйшимъ моимъ наслаждениемъ. Першпенъ ея считалъ я драгоценностию, вышею всѣхъ благъ земныхъ, и если бѣ упалъ ошъ въ море, ничшо не удержало бы меня за нимъ повергнуться.

Миновалъ и другой годъ, но не печаль моя. Доселѣ все еще какой-шо легкой опблескъ надежды озаряль испомленную мою душу: можешь бышь, думалъ я въ грустные часы, какой нибудь счастливый случай покажеть мнѣ избранную моего сердца, или дашь мнѣ вѣшь о ней. Такъ думалъ я, самъ не видя возможности. Какъ было знать въ опдаленности, куда заброшенъ я судьбою? Но все равно. Спрашиваешь ли надѣющійся о возможностихъ? — Однако подѣ конецъ вшо-

раго года, и эта слабая надежда меня оставила. Горшензия, как бы умерла для меня. И во снѣ уже представлялась она мнѣ, какъ существо неземное, въ лучезарности ея перерожденій.

Туфальдини и жена его часто въ дружескихъ разговорахъ спрашивали меня о причинѣ моего унынія. Я не могъ принудить себя нарушить тайну. Послѣ уже и не домогались они знанья о томъ, но сдѣлались шѣмъ заботливѣе о здоровьи моемъ. Я самъ чувствовала, что шѣлесныя силы мои исчезають. Но мысль о гробѣ была для меня сладостна.

И вдругъ все переизмѣнилось. Однажды поштру, принесъ мнѣ Зебальдъ съ почты письма, и съ ними одну посылку. Въ первыхъ нашель я новыя порученія для моего искусства. Когда же открылъ посылку — кто представилъ себѣ радостный испугъ мой? Я увидѣлъ портретъ Горшензии: также прелестна, также мила — но въ шраурномъ платьѣ — лице нѣжнѣе, художавѣе, блѣднѣе, нежели какъ я помнилъ ее — на листочкѣ написаны были рукою Горшензии три слова: „Мой Эмилиѣ, надѣйся!“

Видъ себя отъ восторга, бѣгалъ я взадъ и впередъ по комнатамъ, бросался на стулъ, съ молитвою, съ плачемъ, съ крикомъ подни-

малъ руки свои къ небу; смѣялся и рыдалъ; цѣловала портретъ и записку, къ которой прикасалась рука Горшензии; спановился на колѣна, и преклоняя голову, благодарилъ Провидѣнне.

Такъ нашель меня Зебальдъ. Онъ счель меня сумасшедшимъ, и не ошибался. Я самъ испыдалъ своей неумѣренной радости. Тушъ испыдалъ я, что человекъ легче переноситъ бѣдствіе, нежели счастье: первое встрѣчаешь онъ, всегда болѣе или менѣе приготавлишь, послѣднее — всегда безъ опасенія, безъ осторожности.

Опять возродились во мнѣ надежды, съ ними жизнь моя и здоровье. Туфальдини и весь мой знакомые радовались тому искренно. Съ каждымъ днемъ шель я ожидашь новыхъ извѣстій отъ Горшензии. Уже нельзя было сомнѣваться, что ей извѣстно, гдѣ и живу, хоть я и не понималъ, какимъ образомъ она о томъ узнала. Откуда же присланъ мнѣ портретъ ея — того не могъ я узнать, не смотря на все старанія.

Р А З В Я З К А.

Восемь мѣсяцевъ спустя, получилъ я другое письмо, состоявшее въ слѣдующемъ: „Мнѣ бы хотѣлось, Эмилиѣ, еще разъ. себя увидѣ-

дѣшь. Прїѣзжай къ первому числу Мая въ Ливорно. Тамъ, въ Швейцарскомъ торговомъ домѣ * * спроси о вдовѣ Маріаннѣ Мюллеръ, которая укажетъ тебѣ мое жилище. Въ Неаполь никому не сказывай, куда ты ѣдешь, а пуще не говори обо мнѣ. Я уже ни для кого не существую въ міръ — можешь быть, развѣ для себя на нѣсколько минутъ.“

Эшо письмо одушевило меня новымъ воспоргомъ, но при всемъ помѣ проглядывавшая въ немъ мрачная пайна возбуждала во мнѣ опасеніе. Однако уже довольно было для меня и того, что я увижу Горшензію. Въ Апрельѣ выѣхалъ я изъ Неаполя, простившись горестно съ Туфальдини и его семействомъ. И Зебальдъ, и всѣ думали, что я возвращаюсь въ Германію.

Я прїѣхалъ съ Зебальдомъ въ Гету. Здѣсь встрѣтила насъ неожиданная радость. Подъѣзжая къ городу, у садовой двери одной виллы, между нѣсколькихъ женщинъ узналъ я Сесилію. Я вельѣ останоившись, выпрыгнулъ и подошелъ къ ней. Она познакомила меня со своими родственниками: только за мѣсяць передъ тѣмъ, вышла она за мужъ. Горшензію оставила она за полгода; о мѣспопребываніи ея ничего не знала — говорила только, что она пошла въ монастырь. „Уже годъ назадъ“ — сказала Сесиліа — „умеръ Графъ

Гормегъ. Послѣ него Графиня чрезвычайно ограничила свои расходы, и мы замѣтили изъ того, что она оставила имѣніе свое въ большомъ разстройствѣ. Очень мало слугъ осталось при Графинѣ. Меня, по благосклонности своей, удержала она при себѣ. Когда же послѣ проиграла она важный процессъ, и лишилась надежды получить хотя что нибудь изъ обремененныхъ долгами помѣстьевъ отца своего — тогда и всѣхъ насъ опшусила. При ней осталась только одна старая женщина. О, какъ много слезъ споила намъ разлука съ Графиней! Горшензія была ангель, и никогда не видали мы ее прелесниѣе, возвышеннѣе духомъ, обворожительноѣе, какъ въ минушыхъ жесточайшихъ ударовъ судьбы. Она ошказалась отъ пышности, къ которой была пріучена, раздала весь богатый гардеробъ свой, какъ умирающая, своимъ служанкамъ; наградила всѣхъ съ истинно барскою щедростію, такъ, что навѣрное сама будешь терпѣть недоспашокъ — просила насъ только не забывать ея въ молитвахъ нашихъ. Эшо было въ Миланѣ, гдѣ я и оставила ее, поѣхавъ опшуда къ своимъ роднымъ. Она думала ѣхать въ Германію и тамъ, казалось, хотѣла выбрать монастырь для своего опшельничества.“

Изъ этого расказа объяснилось мнѣ письмо Горшензіи. Онь Сесиліи узналъ и шакже, что Карло былъ раненъ, хопя и тяжело, но не смертельно, и что по выздоровленіи, пошчасъ вступилъ онъ въ орденъ Мальтійскихъ Кавалеровъ, но вскорѣ пошомъ умеръ.

Оспавляя Гешу, чувствовала я смѣсь грусти и радости. Положеніе Горшензіи возбуждало мое состраданіе, но вмѣстѣ родилась во мнѣ дерзкая мысль: можешь бышь, думалъ я, она ошкажешся онь монастырской жизни — можешь бышь, согласишся ошдаться мнѣ свою руку (*). Онь такихъ плановъ кружилась у меня голова. Могъ ли я вообразить себя счастье, больше того, чтобы шрудами рукъ своихъ доставалъ пишу для шполь милой жены? Съ шакими пріятными мечтаними пріѣхалъ я въ Ливорно, за недѣлю до назначеннаго срока.

Здѣсь, не медля ни минушы, еще въ дождномъ плашьѣ, ошправился я въ пошь Швейцарскій домъ, о кошоромъ писала Гор-

(*) Это была подлинно дерзкая и вмѣстѣ безразсудная мысль: ее могла внушить только слѣпая шпрасня. Невшполненіе священнаго обѣща было бы наказано угрызеніями совѣсти и несчастнымъ бракомъ.

шензія. Спрашиваю шамъ о вдовѣ Мюллеръ, и мнѣ дають проводника. Иду, почти на самый конецъ города, въ узкій закоулокъ, гдѣ показывають мнѣ маленькій, невзрачный домикъ — жилище вдовы. Къ величайшей досадѣ не нахожу ея дома, просящъ прійши черезъ два часа. Каждая потерянная минуша казалась мнѣ ушрапоку жизненныхъ наслажденій.

Прихожу ошпять въ назначенный часъ. Старая саужанка отворяетъ дверь, ведешь меня вверхъ по лѣшницѣ, и докладываешь обо мнѣ хозяйкѣ. Меня впускають въ порядочную, небогато убранную, но чисшую комнату. Пропивъ самой двери, сидла на диванѣ женщина, кошорая, казалось, меня совсѣмъ не примѣчала, даже не ошвѣчала на мой поклонъ, а закрывъ обими руками лице, горько плакала.

При взглядѣ на нее, меня бросило въ дрожь. Въ благородномъ снань вдовы, въ звукахъ ея рыданій узналъ я — Горшензію. Это мгновение мнѣ уже непамятно. Не знаю, что происходило во мнѣ и вокругъ меня — я ошомился на колѣнахъ передъ Горшензіей, прижимая руку ея къ ушамъ своимъ. Долго еще не могъ я произнести ни слова. Все прошедшее было забыто, въ будущемъ представлялся мнѣ рядъ наслажденій. Никогда любовь и вѣрность не были шакъ прелестно

вознаграждаемы. Но долго я не вѣрилъ своимъ чувствамъ — мнѣ казалось это сномъ или мечтаніемъ. То же и Горпензіи. Наконецъ съ обѣихъ сторонъ посыпались вопросы, — мы оба вдругъ ошѣвчали, хотѣли мгновенно узнать все, и — минушы свиданія прошли, а мы знали не болѣе того, что только видѣли другъ друга.

Всякій легко повѣритъ, что на другой день очень рано собрался я воспользоваться приглашеніемъ къ завтраку, но Горпензія уже была гостява принять меня. Въ этотъ разъ былъ я болѣе способенъ смотрѣть и видѣть. Встрѣча нѣсколькихъ слушателей, прекраснѣйшій сервизъ изъ фарфора и серебра, хотя и безъ Графскихъ гербовъ — словомъ все показывало мнѣ, что я обманулся въ своихъ ожиданіяхъ, что здѣсь нѣтъ бѣдности — замѣтно даже излишество, превышающее мои способности, и — прелестныя мечты, которыми пишался я съ ошѣзда изъ Гепсы, исчезли какъ дымъ. Я не могъ предложить насущнаго хлѣба ошъ природу своихъ — я споялъ оняшь, какъ бѣдный живописецъ передъ Графиною Гормегъ.

Эти мысли наполнили мою душу, и я не могъ скрыть ихъ ошъ Горпензіи. Я сказалъ ей, что слышалъ въ Гепсѣ ошъ Сесалии, и какія возродились во мнѣ ошъ того чувства, планы и

надежды. Живо изобразилъ я ей весь рядъ своихъ прелестныхъ, шеперь уже разсѣянныхъ мечтаній: какъ она, можешь бытъ, отказалась бы ошъ своего намѣренія погресни тою ошъ и красому въ шѣнахъ монастыря — какъ, можешь бытъ, рѣшилась бы она ввѣрить мнѣ свою участь — какъ спалъ бы я шрудиться, чтобы все выработанное, все сбереженное повергать къ стопамъ ея. Яркими красками воспорженной любви изобразилъ я ей всю прелестъ шихой жизни арпшпа — попомъ — я остановился и покраснѣлъ, но чувства кипѣли во мнѣ: я продолжалъ — какъ все это можешь одушевишься, когда она передъ алтаремъ Бога на вѣкъ ошдасишь мнѣ себя. . . Я дрожалъ — далѣе не могъ уже вымолвить ни слова. Она пошупила прелестныя глаза свои, румянецъ покрывалъ ея щеки. . . Прошло нѣсколько минушъ въ молчаніи. „И шакъ все это только мечта!“ воскликнула я наконецъ: „она никогда не ошднншисъ.“

Горпензія всшала, вынула изъ шкафа ящичекъ краснаго дерева съ богашою серебряною оправою, и подала его мнѣ вмѣстѣ съ ключемъ: „Я звала васъ въ Ливорно“ — сказала она: „собшвенно для того, чтобы вручить вамъ это. Тутъ найдете вы ошчашши исполненіе мечтаній своихъ, но не во

всемъ. По смерти моего отца, прежде всего хощу я исполнить долгъ своей къ вамъ признательности. Съ самой минуты побѣга вашего изъ Ватшалли я не упустила васъ изъ виду. Счастливымъ случаемъ попалось въ мои руки письмо, которое изъ Равенны послалъ слуга вашъ къ своему товарищу. Свѣдавъ о намѣреніяхъ вашихъ, нашла я средство преклонить господина Туфальдини принять на себя попеченіе объ васъ. На всѣ издержки взялъ онъ у меня небольшой капиталъ; его услуги вознаграждались отъ меня небольшими подарками, хотя добрый человекъ и не совсемъ охотно принималъ ихъ. Каждый мѣсяцъ получала я объ васъ извѣстія, и письма Туфальдини, со времени разлуки нашей, составляли единственное мое утѣшеніе. По смерти башошки я совершенно опдѣлилась отъ своей фамиліи. Помѣстья наши должны были оспаиваться въ мужской линіи. Все прочее обратила я въ деньги. О возвращеніи на родину уже я не помышляла — послѣднимъ убѣжищемъ предоставляла я себѣ совершенное удаленіе отъ свѣта. Подъ предлогомъ разстройства въ имѣніи распалась я со всеми служителями, бывшими при отцѣ моемъ, и съ тѣми, которые тогда находились при мнѣ; я приняла простое имя и званіе, чѣобы жить тихо, самой для

себя. Когда все это кончилось, призвала я васъ, чѣобы довершить свое дѣло. Теперь наступило это мгновеніе. Вы рассказали мнѣ о мечтахъ своихъ. Возвратитесь на минуту въ міръ существующій.

Она раскрыла личикъ и вынула пакетъ съ бумагами, написанный на мое имя, попомъ распечатала его, и подала мнѣ актъ, совершенный по всемъ законнымъ формамъ. Этошъ актъ дѣлалъ меня обладателемъ огромной суммы денегъ, которая передавала она мнѣ, частію въ видѣ долговъ и нарощенныхъ на нихъ процентовъ, частію же въ видѣ наслѣдства отъ вдовы Маріанны Мюллеръ.

„Вотъ, любезный Фаустъ — продолжала Графиня: — ,ваше достиженіе, благопріобрѣтенное, истинно заслуженное. Я шущъ не имѣю никакой доли; для скромной жизни мнѣ довольно осталось. Когда откажусь я отъ свѣта, вы наследуете и то, что мнѣ теперь принадлежитъ. Если я что нибудь для васъ значу, шо докажете это ненаручимымъ молчаніемъ о моемъ званіи и о моемъ имени; а также принятіемъ этого истиннаго достоянія вашего, безъ всякаго спрошивленія и безъ малѣйшаго знака благодарности. Даете ли въ помѣ слово?“

Я слушала ее съ удивленіемъ и горестію. Когда она кончила, оплодила я бумаги въ спо-

ропу, и сказала: „Развѣ думаете вы, что деньги имѣюшъ для меня такую высокую цѣну? Я не буду ни опаздывать ошъ нихъ, ни благодарить васъ. Если вы хотите навѣки разлучиться со мною, все прочее и цѣлый свѣтъ, для меня ничтожны. Тогда ничего не нужно мнѣ. Ваше даніе — прахъ. Нѣкогда любили вы меня, Горпензія — вы говорили: моею душой одушевляйтесь вы. Если бѣ это и теперь было, вы послѣдовали бы моему примѣру. Я сожгу эти бумаги. Къ чему онѣ мнѣ? Уничтожьте и вы свое имѣніе. Будьте бѣдны и принадлежите мнѣ. — О, Горпензія, будьте моею!“

Она легонько оперлась на меня, взяла обѣими руками мою руку, и воскликнула съ жаромъ и со слезами на глазахъ: „Развѣ я все еще не твоя, Эмилиѣ?“

— „А монастырь?“

„Онѣ былъ бы послѣднимъ моимъ убѣжищемъ, когда бы ты покинулъ меня (*).“

Тутъ поклялись мы въ вѣчной любви. Передъ алтаремъ Божіимъ совершился не-

(*) Изъ сего видно, что Горпензія не давала безусловнаго обѣщанія ипши въ монастырь: нарушение сего священнаго обѣта унизило бы ея нравственный характеръ въ глазахъ каждаго и самого Фауста; супружество, основанное на такомъ вѣроломствѣ... было бы ужасно.

разрвнный союзъ нашъ. Мы оставили Ливорно, и нашли себѣ это прелестное, уединенное мѣсто, гдѣ живемъ теперь съ нашими дѣтьми.

Съ Нльм. Вл.

II.

НОВАЯ ИСТОРИЯ.

Осада Генуи, въ 1800 году.

(Изъ *Histoire d'Italie, de 1789 à 1814, par Charles Botta.*)

Два главнѣйшія событія сей войны были: осада Генуи и вшествіе Бонапарте въ Италію. Опшъ, хотѣвшій участвовать въ рѣшительныхъ дѣлахъ на равнинахъ Александрійскихъ, истощалъ все свои усилія подъ снѣгами крѣпостей. Напротивъ того Массена, бывъ окруженъ искусными и храбрыми офицерами, и къ тому жъ еще искренно вспомоществуемъ переметчиками Пиемонтскими, которые, съ опасностью жизни, переходили шуда и обратно сквозъ Австрійскую армію, и безпрестанно доставляли Французскому Генералу извѣстія о Бонапар-

шъ. — Массена, говорю, желала защищаться
 столь долго, сколько ему было возможно.
 Слѣдствіемъ сего упорства были дивныя
 происшествія, каковымъ Исторія мало пред-
 ставляетъ примѣровъ.

Столица Лигуріи составляетъ велико-
 льный амфитеатръ на хребтѣ Аппениновъ,
 между Пльчеверою и Бизаньо. Она огражде-
 на двумя стѣнами, изъ коихъ одна обширнѣе
 другой; но угламъ обѣихъ стѣнъ были ба-
 стіоны и куртины, болѣе или менѣе не-
 правильныя, смотря по болѣе или менѣе
 ощушительной неровности земли. Первый
 изъ сихъ обводовъ, начинался отъ праваго
 берега Бизаньо, у востокъ Романы и Пилы
 при восточной рѣкѣ, простирается вверхъ
 до крѣпости Спроне; тамъ онъ принимаетъ
 направленіе дугою къ западной сторонѣ, воз-
 вышается, близъ Крочешты, въ видѣ крѣ-
 пости, названной ла-Таналія, и соединяется
 съ фонарикомъ и новою площиною. Второй
 обводъ начинается отъ востока, и сосла-
 вляется, въ собственномъ смыслѣ, городскую
 стѣну; но она кончается на половинѣ пу-
 ти, и не доходитъ до новой плошины. Са-
 мый удобный къ защитѣ пунктъ есть крѣ-
 постца *Спроне* (шпора); но какъ надъ нимъ
 командующей вершины еще выше его, то
 должно было построить на сихъ высотахъ

еще два укрѣпленія, одно на горѣ Двухъ
 Брашьевъ, а другое за оною, и сіе послѣднее
 по виду своему, названо Алмазною крѣпос-
 тью. Сія двѣ позиціи командуютъ всеми дру-
 гими укрѣпленіями, и доставляютъ свобод-
 ный входъ въ городъ стѣмъ, кои имъ владѣ-
 ютъ. Самая слабая сторона есть низмен-
 ная, при устьѣ Бизаньо: потому должно бы-
 ло построить шанцы на близлежащихъ хол-
 махъ. На горѣ дель-Венно, построена была
 крѣпостца Кведзи, на горѣ Манего — крѣ-
 постца Ришельё, и наконецъ на горѣ Саяна-
 Текла — крѣпостца сего же имени. Для лучшей
 еще защиты сей стороны, проведены были
 многіе шанцы по прилежащимъ высо-
 тамъ, Рапшти, Фашіе и Бекко; таковы были
 у Генуи средства къ защитѣ, когда она са-
 ма собою управлялась. Тогда сіи средства
 были достаточны, потому, что она немо-
 га быть взята прислупомъ, а соперничество
 другихъ Державъ дѣлало долговременную оса-
 ду невозможною. У Массены было въ Генуѣ
 10,000 человекъ Французскаго войска, кошо-
 рыми, подъ его начальствомъ, командовали
 Сульшь, Газанъ, Кловель, Миоллисъ и Дарно.
 Присовокупимъ къ тому до 2000 Испаліян-
 цевъ разныхъ провинцій; изъ коихъ сосла-
 влены были регулярные полки и даны Массе-
 ною подъ начальство Пиемонтицу; по имени

Россинобли, челоуьку храброму, великодушному и пылкому поборнику свободы республиканской. Генераль распоряжалъ также національною гвардією, или пѣми изъ числа оной, которыя были ему преданы, одни изъ приверженности къ Франціи, другіе по ненависти къ Австріи, шрѣми опасался грабежа, въ случаѣ нарушенія порядка. Со всѣмъ пѣмъ военныя его силы весьма были маловажны по сравненію съ безмѣрнымъ пространствомъ укрѣпленій, которыя должно было защищать. Съ другой стороны осажденные весьма безпокоились насчетъ недоспашка въ продовольствіяхъ, особливо въ хлѣбѣ. Англійская эскадра, подъ предводительствомъ Кейша, не допускала подвоза оныхъ изъ Корсики и Марсела. Что касается до правленія Генуи въ сіе время, то я о немъ скажу немного. Оно было ни свободнѣе, ни стѣсненнѣе прежде бывшихъ. Въ образѣ его произошла великая перемѣна, да иначе и бытъ не могло. Когда Французская Директорія была ниспровержена, то по необходимости то же послѣдовало и съ Генуэзскою: система рабскаго подражанія того шребовала. Коммисія Управленія замѣнила Директорію, и сей замѣнъ имѣлъ своихъ поборниковъ, согласно съ принятою системою. Слабое и покорное — пошому, что

опасность и долговременныя бѣдствія лишаютъ челоуька твердости душевной — новое Правительствво способствовало видамъ Массены.

Большая часть войскъ, облежавшихъ Геную, состояла изъ Нѣмцевъ; съ ними были также многочисленные толпы поселанъ, частію Генуэзцевъ съ береговъ обвѣхъ рѣкъ, частію жителей Моншеферрапа; сіи толпы весьма мало заботились о томъ, чтобы получить отъ кого бы ни было хорошее правленіе, но были подстрекаемы ненавистію, мщеніемъ и алчною грабежа. Они спекались на кличъ Азеретто, шакого же и подъ властію Австріецевъ, каковъ онъ былъ подъ властію Французевъ. Съ своей стороны Англійскіе и Неаполитанскіе корабли сильно вспомооществовали дѣйствіямъ осады, не только пѣмъ, что перехватывали морскіе подвозы, но и пѣмъ, что присовокупляли огонь своихъ баштарей къ пальбѣ Австріецевъ, особливо обращая оный на Бизаньо, гдѣ нападать было удобнѣе, чѣмъ у Польшевы. Опшъ, подъ предводительствомъ коего производилась осада, сдѣлалъ важное движеніе на лѣвый берегъ Польшевы. 23го Апрелья, полкъ Надасти сначала выгналъ было Французевъ изъ Ривароло и занялъ Сень-Піетро д'Арена, но Массена вышелъ съ 25-ю роткою, и снова

взялъ объ позиціи. Осаждавшимъ небезызвѣстно было, что слабая сторона крѣпости была къ востоку: они рѣшились ашпаковать ее, и укрѣнились на высотахъ. 30 Апрѣля до разсвѣта, Гогенцоллернъ и Пальфи быстро понеслись къ позиціи Двухъ Братьевъ, Подковникъ Фримонъ, сошедъ съ горы Фашіе, бросился на гору Рапши, и крѣпости Кведзи и Ришелье; Руссо приступилъ къ крѣпости Саяша-Текла; Азерешто, съ своими поселенцами, началъ на крѣпости Алмазную. Въ это же время Готтесгеймъ переправлялся чрезъ Спурлу, приближался къ Санъ-Маршино д'Альбаро и стѣнать города. Чшобы обезпечить сіи дѣйствія на восточной сторонѣ, Оппъ ашпаквала Ривароло съ западной. Австрійцы почти повсюду имѣли успѣхъ. Они заняли горы Рапши и Двухъ Братьевъ, равно какъ и крѣпости Санша-Текла. Уже они осадили крѣпости Ришелье и Алмазную. Овладевъ половиною селенія Санъ-Маршино, Готтесгеймъ сильно пѣснилъ другую половину. Французамъ угрожала важная развязка: Генуа была бы для нихъ потеряна, если бы Австрійцы удержались въ нѣхъ позиціяхъ, которыя заняли. Массена рѣшился насильно перешагнуть счастье на свою сторону: онъ послалъ Сульца опиди у Австрійцевъ гору Двухъ Братьевъ,

Дарно — опшѣснишь Готтесгейма, Миоллиса — ворваться въ Санша-Текла и Кведзи. Всѣ три Генерала выполнили свое назначеніе. Россиньоли первый вошелъ въ крѣпость Двухъ Братьевъ съ своими Неаполитанцами. Ободрясь успѣхомъ, неушомимый и непобѣдимый Массена снова овладелъ полемъ 11 Мая. Цель его была согнать Австрійцевъ съ горы Фашіе, потому, что съ высотъ ея они могли сбивать укрѣпленія, содѣланные съ крѣпостию: Сульцъ пошелъ къ горѣ съ задней, Миоллисъ началъ на нее съ лицевой ошъ города стороны; послѣднему не удалось, но первый увѣнчался успѣхомъ послѣ кровопролитной сшибки. Позиція сія не надолго осталась въ рукахъ Французевъ. Гогенцоллернъ и Фримонъ снова ее опняли. Въ то самое время, Массена собиралъ въ поляхъ и селеніяхъ небольшое количество жизненныхъ припасовъ, какое шамъ можно было найти. Пошомъ хотѣлъ онъ сбить Австрійцевъ съ горы Крецо, шочки сообщения между обими рѣками. Двѣ сильныя колонны были назначены для сей экспедиціи. Правая колонна была подъ начальствомъ Сульца, лѣвая подъ командою Газана. Хотя Австрійцы и хорошо укрѣпились на горѣ Крецо, со всѣмъ нѣмъ были весьма осторожны. Напискъ былъ силенъ, оппоръ также. Однако жъ поверхности

была уже на сторонѣ Французовъ, какъ вдругъ настала гроза. Воздухъ помрачился, дождь пошелъ рѣкою: сраженіе прекратилось. Гроза пронеслась, и битва началась снова; но сей случай далъ Гогенцоллерну время подойти съ свѣжимъ войскомъ: онъ разорвалъ ряды республиканцевъ, и принудилъ ихъ уйти въ городъ. Въ этомъ дѣлѣ бой былъ рукопашный, оспервеннѣе неслыханное. Сульцъ, раненный въ правую ногу, тогда, какъ ободрялъ своихъ солдатъ, взятъ былъ въ пѣни.

Послѣ сей неудачи, Массена не выходилъ уже изъ Генуи. Лишась лучшихъ своихъ солдатъ, онъ не имѣлъ уже довольно силъ, чтобы драться въ полѣ. Однако жъ у него было довольно войска, для отраженія еще нѣсколько времени непріятельскихъ нападеній. Но, если не оружіе Австрійцевъ, то голодъ долженъ былъ скоро побѣдить Массену. Могу ли здѣсь не оплакать участи цѣлаго племени Италианцевъ, доведеннаго до послѣдней крайности, не изъ того, чтобы дѣло шло о его свободѣ или рабствѣ, но пошому, что нужно было знать, кому, Франціи или Австріи, долженствовало оно наконецъ повиноваться! Несчастливая Генуя узрѣла себя вдругъ театромъ грабежа, убійства, голода и мора! Кейтъ перехватывала жизненные продовольствія съ моря: Опшъ не допускалъ

ихъ дойти сухимъ путемъ. Небольшое количество жизненныхъ припасовъ, остававшееся въ городѣ, было расхвачано по рукавъ. Голодъ явился шамъ прежде недостатка. Мясо становилось рѣдкостію, а скоро и совсѣмъ испортилось. Послѣ уже ѣли самыхъ нечистыхъ и отвратительныхъ животныхъ, не только лошадей и собакъ, но кошекъ, крысъ, непопырей и червей: и счастливы еще были пошъ, кто могъ ихъ достать. Помоль муки сдѣлалась невозможнымъ, пошму что Австрійцы захватили все мельницы по Бизанью, Волпери и Пейли. Ихъ замѣнили на нѣкоторое время ручными мельницами, особливо кофейными, которыя годны были къ употребленію. Призвали на помощь Академію; выдумали рукояшки, жернова и мельнички особаго рода. Самыми большими изъ нихъ, одинъ человекъ могъ смолотъ въ день шеффель муки. На улицахъ и въ лавкахъ, видны были пошюко ручныя мельницы. Молотьба сдѣлалась ежедневнымъ упражненіемъ жителей; сами дамы занимались имъ вмѣсто рукодѣля. Наконецъ, хлѣбъ весь извѣлся: должно было искать другихъ зеренъ. Льняное сѣмя, просо, какао и миндаля — все было подобрано: сарацинскаго пшена и ячменя уже не оставалось. Сперва поджаривали сія снадобья, потомъ перемѣшивали

ихъ съ медомъ, и снова спавили на огонь, и эшо считалось тогда самымъ лакомымъ блюдомъ! Въ домахъ былъ семейный праздникъ, когда могли достать хоть на день льянаго сѣмени, проса и при зерна какао. Опруби, пища, лишенная пишательныхъ частиць, такимъ же образомъ варилась съ медомъ, и служила не къ шому, чшюбъ уполяшь, но чшюбъ обманывашъ голодь. Счастливь тысячекратно былъ шомъ, кто могъ пишателься бобами! Жизнь сдѣлалась казнью, а смерть благодѣяніемъ. Днемъ шолько и слышались болзненные споны, испоргаемые голодомъ; ночью смущенное воображеніе пиворило себѣ новыя муки! Когда всѣ зерна были съдены, тогда жищели принялись за коренья. Конскій щавель, проскурнякъ, полевая рожъ, цикорія и колокольчики сдѣлались дорогими расшеніями и роскошью шоловь. Люди всякаго званія, женщины благородныя и прешолоудинки, шолнами ходили рвать травы, особливо же въ плодоносныя сады Бизанью, и на зеленьющіе пригорки Альбаро, собирашь сію пищу, назначенную природою шолько въ снѣдь шраводнымъ живоннымъ. Сахаръ доставлялъ собою кращковременное пособіе. Розовый и щялковый сахаръ, леденець и сласти всякаго рода, беспрешанно разносились по улицамъ въ корзинкахъ, красиво убранныхъ цвѣтами

и зеленью. Зрѣлище странное посреди сего народа, бѣднаго, испощеннаго, унылаго! Удивительное дѣйствіе воображенія человѣческаго, которое любишь украшать даже картины бѣдствія, горесни и смерти! Женщины, даже благородной крови, лакомились ввечеру вкусными конфектами, навѣвшись општру опшратительныхъ крысь. Видѣ общаго бѣдствія не прогаешь сердець разврашительныхъ. Несчастливая Генуа представляеть шому ужасное и весьма явное доказательство. Люди, опрехісь опъ всякаго чувства чшювьколюбія, не стыдились, по гнусному своему корыснолюбію, примѣшывать въ муку извештку, и многія бѣдныя ихъ жершвы погибли въ двойшвенныхъ мукахъ, опъ голода и отравы. Во время осады и за нѣсколько времени до вышеописаннаго урона Французовъ, фунтъ сарацинскаго шшена продавался по 7 франковъ; фунтъ щеляшныи по 4 франка, конины по 32 су (*), муки, опъ 10 до 12 фран., опрубей по 30 су, дюжина яицъ по 14 фр.; къ концу осады, одинъ бобъ продавался по два су, сухарь въ три унціи по 12 франк., и шю еще не вѣсьмъ можно было достать. Массена и другіе Генералы не хощѣли имѣшь на сей счетъ

(*) Около 150 коп.

никакихъ выгодъ предъ жищелями; имъ подавали на столь то же, что и мѣщанамъ Генуэзскимъ. Примѣръ, достойный уваженія, имѣлъ болѣе, что онъ весьма много способствовалъ къ подкрѣпленію Генуэзцевъ въ семь злополучіи. Немного сыру и зелени составляли всю пищу больныхъ и раненыхъ. Мужчины и женщины, пожираемые голодомъ и отчаяніемъ, наполняли воздухъ воплями и стономъ. Многіе изъ сихъ несчастныхъ пытались въ бѣшенствѣ расперзать себя внутренностью, и умирали на городскихъ площадяхъ въ ужасныхъ смертныхъ судорогахъ; никто не подавалъ имъ помощи: всякъ думалъ о себѣ. Даже на сіе не обращали и вниманія, ибо частые случаи всѣхъ приучили къ этой странной картинѣ. Дѣти, сироты или покинутыя, слезно умоляли прохожихъ о состраданіи: напрасны были просьбы, бесполезны слезы; собственное горе не оставляло уже въ сердцахъ мѣста состраданію о другихъ. Невинныя сіи творенія жадно искали, въ ручьяхъ и грязныхъ ямахъ, какихъ либо остатковъ падающа или корма рогаатаго скота; и когда находили, то пожирали въ шоть же мигъ. Люди, въ кошорыхъ оставалось еще дыханіе вечеромъ, часно поутру были находимы уже умершими, дѣти еще чаще, нежели

старики. Опцы громкимъ голосомъ звали смерть, иногда же и сами на себя налагали руки. Изъ Французскихъ солдатъ, нѣсколько рѣзалось; желая лучше кончить жизнь, чѣмъ долѣе споситъ шерзанія голода. Другіе бросали оружіе, говоря, что у нихъ нѣтъ силъ владѣть онымъ. Иные оставили жилище отчаянія, и пошли выпрашивать состраданія у Англичанъ и Австрійцевъ, и пищи, кошорой не могли уже надѣяться ни отъ Французовъ, ни отъ Генуэзцевъ. Не менѣ жестокое и страшное зрѣлище представляли собою военно-плѣнные Австрійцы, кошорыми набины были всѣ барки въ приспани. Уже нѣсколько дней имъ не давали никакой пищи, попому что дасть было нѣчего. Несчастные съѣли свои башмаки и кожу на лядункахъ. Уже они бросали во кругъ себя звѣрскіе взгляды, и какъ бы спрашивались, не должно ли имъ съѣсть другъ друга. Изступленіе ихъ дошло до такой степени, что принуждены были снять приставленный къ нимъ Французскій карауль, изъ опасенія, чтобы, пришедши въ ярость, не бросились они на Французовъ, и не сожрали ихъ. Въ отчаяніи, они пытались даже пробить дно у барокъ, и симъ способомъ избавиться скорою смерщью отъ своихъ мученій. Послѣ голода, какъ обык-

новенно, настала морь. Зараза свирѣпствовала повсюду, и повсюду множила своихъ жертвы, въ больницахъ, въ хижинахъ бѣдниковъ и въ палатахъ богачей. Разные роды смерти часто находились подъ одною кровлею. Одинъ умиралъ въ мукахъ голода, другой въ бреду горячки; одинъ бѣднѣлъ отъ истощенія, другой въ багровыхъ пятнахъ отъ заразы: вездѣ были скорбь и ужасъ. Жизнь — значило ожидать смерти, или присуществовать на погребеніи своихъ ближнихъ. Такова была тогда Генуа, Генуа некогда жилище изобилія и утѣхъ! Къ довершенію ея бѣднѣшій, всѣми сими спрадданіями не искупила она своей независимости.

Уныніе овладѣло всѣми. Одинъ Массена не вдался въ оное, и хотѣлъ, во что бы ни спало, способствовать намѣренію Консула, для себя же собственно сохранить безъ пятна славу свою, славу полководца непобѣденнаго. Наконецъ Кейтъ предложилъ ему честныя условія; у него оставалось уже шолько на два дни отврашительныхъ и вредоносныхъ жизненныхъ припасовъ; онъ согласился вступить въ переговоры, но болѣе какъ побѣдитель, нежели какъ побѣжденный. Массена хотѣлъ, чтобъ договоръ ихъ названъ былъ *конвенціей*, а не *капитуляціей*, и должно было на то согласиться.

Положено было, чтобъ Массена и прочіе, съ своими офицерами и солдатами, числомъ около 8000, вышли свободны лично и безъ всякаго обязательства; чтобъ они возвратились во Францію сухимъ путемъ; чтобъ тѣ, которые были не въ состояніи выдержать сего пути, перевезены были моремъ въ Англию или въ заливъ Жуанъ, на Англійскихъ корабляхъ; чтобъ военнопленные Австрійцы были отданы обратно; чтобъ никто изъ Лигурійцевъ не былъ преслѣдуемъ за прежнее свое политическое поведеніе, и чтобъ всѣ, кои пожелають оставитъ городъ, имѣли на то свободу; чтобъ жителямъ Генуи доставлены были съѣстные припасы; чтобъ больные были призрѣны, и чтобъ городъ былъ сданъ 4 Іюня, соединеннымъ Австро-Англійскимъ войскамъ.

Въ назначенный день, Австрійцы заняли вѣрота Фанарные, а Англичане устье прирости, послѣ чего Ошъ и Кейтъ вошли въ шоржествъ, одинъ со всѣмъ своимъ войскомъ, другой съ своею эскадрой. Завоеваніе сіе приобрѣли они по медленной и мелочной войнѣ, и скоро должныствовали пошерять въ быстрой войнѣ между большими воинскими силами. Самые явные демарши ушли съ Французами. Между ними замѣчены были: Морандо, Аббашъ Кунео,

Адвокатъ Ломбарди и братья Боккарди. Раздался гулъ колоколовъ; придерживавшіеся Австрійской стороны воспѣли благодарственные молишвы и зажгли пошѣнные огни; противники ихъ поже, и еще болѣе дѣлали оупъ страха: все это было въ обыкновенномъ порядкѣ. Хлѣбъ, мясо, зелень и всякіе съѣстные припасы снова появились въ изобиліи. Бѣда шому, кто безразсудно вдался первымъ порывамъ голода! Тотъ, кто усвоилъ въ недосаткѣ, гибнуть шеперь оупъ неузбрѣнности. Изъ алчности къ прибышку, продавцы съѣстныхъ припасовъ хотѣли возвысить цѣны на оныя; но народъ, разсвирѣпѣвъ, скоро далъ имъ почувствовать, что не должно раздражать голодныхъ. Съ своей стороны, бывшіе съ Азеретшо поселане вздумали было грабить. По словамъ ихъ, они хотѣли мшпшть шолько демократамъ, хопя и аристократамъ шакже досталось. Но Гогенцоллернъ, которому Оупшъ поручилъ военное начальство въ городѣ, скоро ихъ унял. Австрійскій Генералъ учредилъ правленіе, состоявшее изъ Пштра Паоло Челези, Карла Камбіазо, Августина Спинолы, Іоанна-Бершранда Паллавичини, Жеронима Дураццо, Франческа Спиголо, Іоанна Бапшиспа и Лудовика Ламбускини. Правленіе запрешло полиши-

ческія преслѣдованія, которые уже готовы были вспхнушь; мѣра весьма похвальная! Оно наложило контрибуцію: мѣра необходимая. Австрійскіе Генералы ни однимъ словомъ не подали надежды Генуэзцамъ къ возвращенію ихъ независимости и къ возобновленію первобытнаго ихъ Правительства. Со всемъ шѣмъ, аристократы кричали: да здравствуетъ Императоръ! изъ ненависти къ демократамъ, шакъ, какъ демократы прежде того кричали: да здравствуетъ Франція! изъ ненависти къ аристократамъ. Сіи люди не видѣли, что изъ ихъ междоусобныхъ раздоровъ выходило паденіе ихъ опчизны. (*)

(*) Сіе замѣчаніе относится къ смутнымъ временамъ Французской Республики и преобладанія Наполеона Бонапарте, который присоединилъ было Генуу къ Франціи. Прежде Герцогство Генуа составляло Республику, процвѣтавшую въ 12 и 13 столѣтіяхъ, но мятежную и безпокойную, и пошому нерѣдно бывшую добычею чужеземныхъ народовъ. Нынѣ Генуа, какъ извѣстно, принадлежитъ къ владѣніямъ Сардинскаго Короля, который въ 1796 году, насиліемъ Французовъ лишился всѣхъ земель своихъ въ Италіи; но въ 1815 году, по возобновленіи прежняго законнаго порядка,

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

О новой книгѣ: Du perfectionnement moral ou de l'éducation de soi-même, par M. Dégérando, membre de l'Institut de France.

(О нравственномъ усовершенствованіи, или о воспитаніи самого себя, соч. Г. Дежерандо).

(О к о н ч а н і е).

Предметъ шретьей книги составляетъ образованіе нравственныхъ способностей. Въ первомъ отдѣленіи разсуждается о порядкѣ или управленіи внутреннемъ (régime intérieur), способствующемъ развитію любви къ добру и самообладанія; второе отдѣленіе занимается управленіемъ вѣннчимъ (régime extérieur) препачислвями и пособіями.

Два общія условія пошребны для совокупнаго образованія любви къ добру и самообладанія: просшоша и упражненіе. Первая, составляющая необходимое качество

получиль обратно все старое, и, въ вознагражденіе прешерпвннхъ имъ потерь, приобрѣль новыя владѣнія.

великаго и прекраснаго, нераздѣльная съ истиною, откровенная сама съ собою, соблюдающая единство видовъ и чувствований, — есть свойсва совершенно сохранишельнаго и оберегаетъ наши способности въ ихъ первоначальномъ источникѣ; — второе, свойсва дѣяшельнаго и шворчскаго, способшествуетъ ихъ развитію. Можно весьма ошибаться въ разсужденіи свойсва полезныхъ упражненій, качества навывовъ и дѣйствій, производимыхъ ими. Есть родъ упражненій механическихъ, который соспоитъ въ повтореніи одинаковыхъ дѣяній, не восходя къ ихъ причинамъ, — и оный поражаетъ навывки спрадашельныя: они ограничиваютъ, стѣсняютъ и преимущественно господствуютъ во вѣнней организации. Другой родъ упражненій есть разсудительный, который всегда старается достигать побужденія нашихъ дѣяній: оный освобождаетъ, расширяетъ и воздвигаетъ престоль свой во глубинѣ души человѣческой. Между сими двумя родами упражненій должна существовать тѣсная связь; первый родъ, свойсва сохранишельнаго, пріемлетъ собираемое другимъ; но оный слышь, неспособенъ къ выбору; добро и зло равны для него; не радѣя о немъ, мы осуждаемъ себя на бесплодный трудъ наполнить сосудъ

бездонный, и, подобно чело́вѣку, лишенно-му памяти, беспрепятственно начинаемъ, никогда ничего не оканчивая; — а прельщаемъ легкостію и удобностію, имъ представляемыми, подвергаемъ себя нѣкотораго рода нравственному окаменѣнію; остаемся въ неподвижности, поработаемъ себя предразсудкамъ, спыдимся исправленій. Разсудительное упражненіе, которое свойства дѣятельнаго и преодолѣвающаго, должно надзирать за возниканіемъ нашихъ навыковъ, должно съ разборчивостію и осторожностію позволять имъ вкореняться; присоединять къ нимъ новые, и сообщать нашимъ способностямъ благосворное и постепенное движеніе.

Любовь къ добру развивается образованіемъ чувствительности, умозрѣніями, разумнѣемъ и употребленіемъ правилъ и усладовъ, аллегорій, наказаній и наградъ.

Нравственность не должна опдѣляться отъ душевныхъ наклонностей; и чувствительность, благоразумно направляемая, есть полезное и постепенное приутошовленіе къ выполненію долга. Она разрушается и измѣняется либо чрезъ внутреннее вліяніе личности, которая иссушаетъ ея источникъ, либо чрезъ вѣншія развлеченія, которые разсвываютъ, ослабляютъ, изглаживаютъ

ее. Она усовершеняется чувствованіями семейственной привязанности, созерцаніемъ природы, исполненной красоты, порядка и мудрости, и добрымъ направленіемъ, сообщаемымъ нашимъ душевнымъ наклонностямъ по чрезъ возбужденіе чувствительной признательности, которая спрашивается оскорбить, унижить, обезславить уважаемое, по чрезъ спосѣшествованіе сопращающей, которая благоговѣетъ предъ несчастіемъ, подавая ему помощь. Она поддерживается посподлинствомъ въ привязанностяхъ, которое есть честность сердца; навыкомъ уважать другихъ, себя, добродѣтель, долгъ. — Созерцаніе изслѣдываетъ нашу внутренность: оно пребуетъ отъ понятія яснаго и точнаго познанія долга, который открывающаго разумомъ, и на который невнимательность накладываютъ завѣсу; оно укрѣпляетъ волю въ чувствованіи покорности ко власти совѣсти. Дабы проникнуть въ глубину души, должно оно побуждать трудности, преодолевать развлеченія, наполнять пустоту скуки, и освобождаться отъ емяшенія и сомнѣній; оно приутошовляется торжествовать надъ сими препятствіями душевнымъ углубленіемъ въ себя (recueillement) которое состоить не столько въ безмолвіи и уединеніи,

мені (обстоятельствахъ внѣшнихъ и мѣстныхъ, коимъ не должно себя слишкомъ подчинять), сколько въ долговременномъ навыкѣ къ силѣ и свободѣ, въ частыхъ бесѣдахъ души съ собою, когда она шиха и покойна, или когда, не предаваясь нелѣпнымъ мечтаніямъ, она распредѣляетъ свои мысли съ методою, устремляетъ ихъ къ одной цѣли, содержитъ ихъ въ подчиненности и согласіи. Тогда только созерцаніе приноситъ плоды свои и обрѣтаетъ обильный родникъ нравственнаго богатства во внутренней силѣ, въ свободѣ, въ постоянствѣ, въ практическихъ примѣненіяхъ. Правила и уставы, не освобождая отъ изслѣдованія, напоминаютъ намъ обязанности наши, и въ сокращеніи повторяютъ идеи, собранныя умомъ. Аллегоріи, символы, апологи могутъ украшать и представлять правила; но они не должны утаивать и скрывать ихъ, и пріучать взоры наши не спараться проникать глубже, и не умѣть созерцать добра въ его наготѣ, важности, и чистосердечіи. Награды, приличествующія добру, не должны учиняться цѣлюю воды: ибо тогда добро было бы однимъ расчетомъ самолюбія; душа должна спараться заслужить, а не получить оныя. — Наказанія, приличествующія злу, должны быть избѣгаемы не

отъ страха испуганій, но отъ ужаса къ причинѣ онаго, которую изслѣзаніе должно безпрестанно напоминать и представлять во всей ея отвратительности.

Ушверждаясь на шакомъ внутреннемъ порядкѣ, любовь къ добру, спремющаяся безпрерывно къ лучшему, укрѣпляющаяся и усиливающаяся въ своемъ спремленіи, будетъ побуждать челоуѣка къ поспешенно большому улучшенію, покажетъ ему, что если для него и невозможно достигнуть совершенства, то по крайней мѣрѣ, ему повелѣно спараться болѣе и болѣе приблизиться къ оному.

Челоуѣкъ рождается властелиномъ надъ собою. Изученіемъ самого себя, внутреннею внимательностію, свѣдѣностію, которая хочешь по убѣжденію и опирается на обязанность, — порядкомъ, спокойствіемъ можешь отъ снискашь и соблюсти власть надъ собою, пріобрѣтая въ то же время навыкъ наблюдать за собою и побуждая себя. Изученію самого себя прошивополагаются великія затрудненія заблужденіями, происходящими отъ воображенія, отъ расположенія духа, отъ привычки, отъ невѣрныхъ опытовъ въ прошедшемъ, отъ дерзкихъ соспязаній, отъ неудачныхъ подражаній, отъ мнѣній другихъ, которое скрываетъ истину изъ

лестни или изъ ненависти, ошь спраспей, ошь щеславя, ошь безпорядка въ мысляхъ и чувствованіяхъ. Оймъ нашихъ собственныхъ погрѣшностей послужить въ пользу нашему усовершенствованію, коль скоро мы еще не вовсе утратили власти надъ собою, еще не оглушены, не упоены зломъ: онь пробудить насъ ко внимательности и бодрствованію; предохранить онь кичливости и обманчивой беззаботности, показывая сколь много мы подвержены погрѣшительности и являя ограниченность нашего естества. Раскаяніе наше, если оно чистосердечно и истинно, породить въ насъ неодолимое желаніе загладить дурное лучшими дѣлами; наши собственные погрѣшности будутъ служить намъ въ назиданіе для познанія людей; заспавяшь насъ убѣгать тѣхъ, которые увлекли бы насъ къ злу, искать подпоры добрыхъ, освѣщать, очищать душу нашу, ушьяая несчастныхъ и приводя къ добру тѣхъ, которые, подобно намъ, онь него уклонились.

Воспитаніе, которое человекъ даетъ себѣ въ теченіе всей жизни своей, не ограничивается однимъ внутреннимъ образованіемъ способностей: оно должно просираваться и на вѣшнія отношенія, въ которыхъ онь находится, и если, съ одной стороны,

онь весьма часто не въ состояніи измѣнить сдѣланія обстоительствъ, то съ другой всегда имѣеть власть управлять впечатлѣніями, которые они на него производяшь, предупреждая или отклоняя вредъ, кошорый они могли бы нанести его характеру, и пользоваться пособиями, ими представляемыми.

Подражаніе имѣеть много общаго съ навѣкомъ: иногда, спрадашешное и механическое, оно, видя примѣры, слѣдуетъ имъ по инстинкту, не обращая вниманія на побужденія, ихъ произведшія: оно счастливо, если побужденія благошворны; оно беззащитно, если они опасны; — иногда дѣятельное, свободное, разсудительное, плодотворное, оно размышляетъ о примѣрахъ, объясняетъ ихъ и слѣдуетъ имъ съ различіемъ и выборомъ. Для такого благоразумнаго подражанія примѣры бывають полезны: они просвѣщаютъ понятіе живыми опредѣленіями и наставительными сближеніями; чрезъ нихъ опытность увеличивается, созрѣваетъ, приобретающая положительныя познанія о средствахъ и способахъ для выполненія добра; при помощи благодѣтельной симпатіи, они сообщаютъ намъ чувствованія, которые ихъ произвели, и воспаляютъ въ насъ великодушное соревнованіе. Друзья будутъ тѣмъ

полезнѣе, чѣмъ прилежаніе мы будемъ спать, выбираешь ихъ выше себя. Потребность ихъ уваженія будетъ питать въ насъ любовь къ добру; въ снисходительной снотосности обращенія ихъ, найдемъ мы спасительныя осужденія и нѣжныя поощренія, если только сами предадимся имъ чистосердечно, и если они будутъ соотвѣтствовать намъ откровенно. Враги могутъ также быть полезны, ибо принуждаютъ насъ бодрствовать надъ самими собою, и укрѣпляютъ наше самообладаніе, научая предпочитать чуждому мнѣнію внутреннее свидѣтельство совѣсти. Жизнь свѣтская и уединенная имѣютъ свои выгоды и свои неудобства, но въ свѣтѣ должно сберечь для себя внутреннее уединеніе, которое дозволяло бы намъ жить самими съ собою, а въ уединеніи жить не для себя только, но быть всегда одушевляемому любовью къ добру, и стараться приносить пользу ближнимъ. Бывають обстоительствъ, которыми покоряемся мы принуждены необходимостію; бывають и такія, которыми мы можемъ измѣняться, или надъ которыми можемъ властвовать. Чѣмъ болѣе мы теряемъ господства надъ собою, тѣмъ слабѣе становится наша власть надъ внѣшними предметами, и то, что бы могло быть преодолаваемо сильною волею, превращаетъ

ся для насъ въ необходимость — Дабы снискать умнѣе хорошо располагать своею жизнью, надлежитъ напередъ начертать неизмѣнный образъ вседневныхъ поступковъ, приготовить и къ происшествіямъ непредвидимымъ и къ необходимымъ, присвоить себѣ оный, и, увеличивая число пособій и отвращая препятствія, согласишь его съ нашимъ положеніемъ въ обществѣ, съ нашею физическою организаціею, съ нашими способностями и качествами; надлежитъ измѣривъ могущество нашихъ внутреннихъ силъ, дабы постепенно приучить оныя къ перенесенію, сопротивленію и къ преодоленію силъ внѣшнихъ; надлежитъ распределять съ порядкомъ свое время, не принуждая впрочемъ ни себя, ни другихъ къ мелочной зависимости; надлежитъ научиться говорить кснати и слушать съ пользою, и такимъ образомъ разговоръ обращать въ средство къ усовершенствованію. Сіе искусство распределять свою жизнь должно измѣняться, смотря по различію общественныхъ состояній, которыми, пославля насъ въ разныя отношенія къ вещамъ и людямъ, иногда сопротивляющія нашему нравственному развѣтію, иногда же ему благоприятствующія. Трудъ есть общій законъ для всѣхъ званій: во всѣхъ онъ соотвѣтствуетъ назначенію

человѣка, которое состоить въ покореніи вещественности, и въ подчиненіи ея духовности; онъ помогаетъ спокойствію внутреннему, и онымъ вспомошествоуется; онъ предупреждаетъ беспорядокъ, поддерживаетъ дѣятельность, утверждаетъ господство надъ чувствами; напоминаетъ намъ нашу зависимость отъ другихъ, научаешь насъ уваженію къ собственности, любви къ общественному устройству, открываетъ намъ ежeminутно удивительный порядокъ законовъ естества и безконечную предусмотрительность Провидѣнія. Посади труда, отдохновеніе имѣешь большую цѣну: мы пріятнѣе вкушаемъ удовольствіе, которое природа намъ предлагаетъ, а не воспрещаетъ; но мы должны знать, что счастье только тогда истинно, когда оно законно; что беспорядокъ въ нравахъ плашитъ долговременнымъ раскаяніемъ за вредъ, причиненный себѣ и другимъ, для полученія нѣкоторыхъ наслажденій, невѣрныхъ и преходящихъ; что удовольствіе есть тогда только отдохновеніе, когда его не сопровождаетъ никакое нравственное безпокойство, и когда оно не разрушаетъ общестственности. Только при чистотѣ сердца, радости, которая исправляетъ и убѣждаетъ, служишь къ нашему усовершенствованію. Надобно умѣть употреблять, для своего

внутренняго воспитанія и отдохновенія, удовольствіе и тяжкія испытанія бѣдствій, коихъ неизбѣжное назиданіе возвышаетъ душу, умѣющую понимать оное, пробуждаетъ нашу нравственную жизнь, открываетъ намъ утѣшенія нашего безсмертнаго назначенія, научаешь насъ судить, дѣлаетъ насъ свободными, когда мы несчастіе приносимъ въ жертву долгу. Если душа слаба, если добродѣтели, которыми она мнитъ обладать, безсилны, привычны и поверхностны: то несчастіе ее унижитъ; боязнь уничижитъ, страхъ и слабость, — которыя все подчиняють эгоизму и не умѣють ни любить, ни хотѣть, — разрушатъ все ея средства.

Таковы главнѣйшіе способы къ нравственному усовершенствованію, которое для каждаго лица относительно, и различуется, смотря по возрасту и полу. Въ женщинахъ господствуетъ любовь къ добру, жизнь спростая, приверженность, чистота сердечная; въ мужчинахъ самообладаніе, жизнь умственная, сила, разумъ. Дѣши преимущественно живутъ жизнью чувственной; но они любятъ, понимаютъ, что сами любимы; и уже имѣють вѣрное чувство справедливости. Любовь къ добру является юности верховною нравственною силою; и она можетъ замѣнить недоснашокъ самообладанія

покорностію и уваженіемъ къ совѣщамъ. Зрѣлый возрастъ есть возрастъ силы, спокойствія, шердивія; онъ долженъ дѣятельно поддерживать въ себѣ любовь къ добру, чтобы защищать себя отъ опасностей, которыми подвергается, будучи необходимостію принужденъ вѣдаться въ расчеты вещественныхъ выгодъ, какъ для себя, такъ и для своего семейства. Старость обрѣтаетъ въ опытности и въ воспоминаніяхъ спокойствіе, ясность, которыми дѣлаются величественнѣе отъ ожиданія вѣчной будущности; доброта ея прогашельнѣе, великодушнѣе полнѣе, и только для тѣхъ, которые жизнь провели въ эгоизмѣ, старость есть разрушеніе и разслабленіе.

Какъ нравственное усовершенствованіе содѣйствуетъ умственному, такъ умственное усовершенствованіе содѣйствуетъ нравственному. Но Религія предпочтительно есть великое воспаніе человечества. Она есть мудрость младенчества и юности старца; она развивается, пишется, изощряется внутреннія способности, направляетъ ихъ къ дѣятельности, возвышаетъ душу, призываетъ ее къ проснопію и смиренію, исполняетъ ее признашельности, преданности и любви; она умиляетъ, и въ то же время обновляетъ ее; воспамятываетъ, и въ то

же время удерживаетъ ее; она облагороживаетъ и освящаетъ естественную нравственность; вмѣстѣ съ закономъ показываетъ Законодателя любящаго, утѣшающаго, ободряющаго и прощающаго. Безъ нее, жизнь перестаетъ быть пріугошвленіемъ къ великой будущности, и остается вещь безъ употребленія. Въ сей каршинѣ благотворныхъ дѣйствій Религіи, кто не узнаетъ Христіанства? Оно проникло шайны сердца каждаго человека; открыло всѣхъ ихъ назначеніе, основало общественное счастье. Объяснитъ совершенное согласіе истинной Философіи (*) и истинной Религіи, значитъ служить дѣлу шой и другой въ ихъ важнѣйшихъ частяхъ.

Обширность сего разбора, который я старался сдѣлать столь можно болѣе вѣрнымъ, освобождаетъ меня отъ обязанности выхвалять швореніе, въ которомъ такое множество высокихъ и обильныхъ мыслей столь тѣсно связано между собою, и въ которомъ Авторъ, оставляя несовершенныя

(*) Кто не знаетъ, что истинная Философія совершенно противоположна шой, отъ которой велики намъ беречься Апостоль въ Послани къ Колоссянамъ? Мудрованіе кичливаго разума, основанное на обманчивыхъ и разрушительныхъ началахъ, недоспойно называлось любовью и мудріемъ.

и устарѣлая сисгема, слишкомъ долго господствовавшая во Франціи, предлагаешь правоученіе, утвержденное на настоящемъ положеніи Философскихъ Наукъ. Впрочемъ я сдѣлаю нѣсколько критическихъ замѣчаній; ибо шотъ весьма дурно понималъ бы подобное сочиненіе, весьма мало соотвѣтствовавшее бы великодушнымъ чувствованіямъ Автора, кто не захошълъ бы откровенно объявить впечатлѣнія, въ немъ произведеннаго. Слогъ показался мнѣ не довольно легкимъ. Обогащая свое опечество столь плодовиыми и здравыми умозрѣніями, надлежало бы довершить услугу, спараясь всею возможною приманчивостію слога привлечь наибольшее число слушателей, и сдѣлаться полезнымъ даже и для тѣхъ, которыя слушаютъ только въ половиину, и которыя должно заснавить понимать почти прошивъ ихъ воли. Чрезвычайная ясность плана помрачается излишествомъ словъ. Метафоры, обращенія, сравненія разбросаны съ такимъ обиліемъ, что нѣкоторыя части шворенія имѣютъ видъ декламации; между тѣмъ, какъ на Французскомъ языкѣ, по части нравственной Философіи, существуетъ только весьма небольшое число произведеній, въ которыя господствовало бы столь неприворное чувство и столь истинное

убѣжденіе. Впрочемъ я могъ бы, если бы предѣлы сей спашьи мнѣ сего не воспрещали, привести въ примѣръ много мѣсшъ, въ которыя жаръ и возвышенность мыслей поддерживаютъ и украшаютъ слогъ, и если бы должно было выразить мое мнѣніе о семъ швореніи уподобленіемъ, то я сказалъ бы: это есть шканъ прекрасная и прочная, но она закрывается узорами, ее обременяющими, которыя во многомъ богаты и блестящи, но нѣдко нѣсколько шажелы и, кажешя, сдѣланы съ нѣкоторою пошьюшностію.

Ренуаръ.

Съ Франц. В. К—ій.

IV.

АНТИКРИТИКА.

Отвѣтъ Кн. В. Ѳ. Одобевскому.

Четвертая часть Мнемозины, покоившись около года, наконецъ вышла въ свѣтъ. Зная Гг. Издашелей Мнемозины, я увѣренъ былъ, что письмо мое къ Г. Булгарину, помещенное въ 21 и 22 Но Лип. Лисковъ, не останешя безъ грознаго отвѣта. Предчувствіе мое сбылось; только вмѣсто грознаго, я получилъ прекурьюзный отвѣтъ, которыя

долгомъ себя поставлю сообщить, съ нѣкоторыми замѣчаніями, читателямъ Сына Отечества.

У насъ жалуются на то, что либературнымъ спорамъ обыкновенно не бываетъ конца; но что же дѣлать? Писатель, увѣренный въ своей правотѣ, не хочетъ уступить такимъ людямъ, которые обвиняютъ его безъ доказательствъ, а сіи непременно хотѣли бы побѣдителями. Я думалъ, что полки о Мнемозинѣ кончатся еще въ 1824мъ году (*); не шутъ-то было! Въ концѣ 1825 года, обзавъ я принялся за старый споръ, и volens volens, ошвѣчалъ на привѣствіе К. Одоевскаго. Мнѣ скажутъ, что Аншикрипки, кошорыми удостоили меня Гг. Полевой (въ 14мъ Но. Моск. Тел.) и К. Одоевскій, въ 4й части Мнемозины, лучше всего доказываютъ правоту моего дѣла, ибо короткіе ошвѣсты, заключающіе въ себя ни слова о предметѣ спора, суть неоспоримые признаки безсилія моихъ противниковъ. Я съ эшимъ согласенъ и признаю, что еще десятокъ подобныхъ аншикрипкъ заспа-

(*) Въ эптомъ я не виждо Гг. Издашелей Мнемозины; мнѣ извѣсны *важныя* причины, кошорыя заспавили богиню Памяти, просидѣшь пакъ долго въ Театральной пипографіи. *Сог.*

види бы даже меня имѣшь высокое мнѣніе о талантахъ моихъ въ Полемику. И пакъ слѣдовало бы мнѣ оставишь безъ вниманія нѣсколько спрокъ, но я обзавъ оправдываешь передъ публикою, попому, что К. Одоевскій, выписавши изъ моей спашьи одну фразу, выдалъ ее за парадоксъ и, можеть быть, заспавил малое число своихъ читателей подумать, что я почю виноватъ. Вошь, что говоритъ Издашель Мнемозины:

„Онъ, Г. ий — *овъ* (ш. е. я нижеподписав, шійся), переважно доказываетъ, будшо бы давъ „но забытый Бутернекъ теперь въ великой „модѣ, спавишь его на одну доску съ Шлегельемъ, и сверхъ того говоритъ: *излишня* „*ученость едва ли не вредитъ полу-учено-* „*сти.*“ Въ выноскѣ сказано, что „сіи слова, „досшойныя Севернаго Архива и Лип. Лип. „спиковъ, выписаны съ дипломатическою „точностью.“

О Бутернекѣ и Шлегелѣ, выписано не съ дипломатическою точностью; сказашъ въ двухъ спроккахъ, что нѣкоторые Писатели наполняютъ свои спашьи читателями изъ новѣйшихъ законодательей вкуса, Бутернека и Шлегелей, совсѣмъ не значить *преважно доказывать*. При семъ замѣчу вамъ, Г. Одоевскій, что труды ученыхъ Писателей не забываются; что если сочиненія Бутернека,

не обратили на себя вашего вниманія, то не велика потеря для него; что вы, не зная Нѣмецкаго языка, не имѣете права ранжировать Германскихъ Писателей, и наконецъ, что ученый Бупервекъ можете спать на ряду, съ кѣмъ угодно. Что же касается до излишней учености, то должно помнить, что я говорилъ о Поэтахъ, и если бы вы поняли меня, то избавили бы оупъ непріятной обязанности спрашивать съ вами время, которое Г. Булгаринъ также хорошо опредѣлялъ въ NN^o 21—22 Л. Листковъ. Вошь въ чемъ дѣло:

Оспоривая мнѣніе Г. Кюхельбекера о направленіи нашей Поэзіи въ последнее десятилѣтіе (см. II ч. Мнем.), я сказала, что причинъ упадка оной должно искать въ образѣ жизни и мыслей нѣкопорохъ изъ нашихъ Писателей, коихъ и раздѣлила на два класса: во-первыхъ, на людей ничему неучившихся, которые пишутъ все то, что взбрѣдетъ въ умъ, и требованія свои на славу, основываятъ на переводѣ пусхаго Водевилья, или на дюжинѣ безполковыхъ Элегій, во-вторыхъ, на педаншовъ, которые, выпшвердивши правила, преподаваемые въ школахъ, смѣло увѣряютъ, что опрѣчь оныхъ нѣсть свѣта, т. е. просвѣщенія. Оставимъ первыхъ, и посподкуемъ о послѣднихъ.

Неоспоримо, что изящное имѣетъ свои законы; но они также необъяснны, какъ и законы природы. О тѣхъ и другихъ можемъ мы судить только по явленіямъ; соображая оныя, стараемся мы составить понятіе о первоначальной ихъ причинѣ или законѣ, и такимъ образомъ дѣлаемъ гипотезы, копорыя тѣмъ ближе къ истинѣ, чѣмъ удобнѣе объясняютъ предметы наблюденій. Предположенія сіи могутъ руководствоваться стремлягося къ изящному, но не могутъ называться непреложными законами; изъ сихъ-то гипотезъ, шакъ называемые Классики образуютъ тѣсный кругъ, и требуютъ, чтобы все хорошее не выходило изъ предѣловъ онаго. Не просиравя вдаль своихъ изысканій, они составляють какой-шо собственнѣйшій идеаль, приспособленный къ ограниченнѣмъ ихъ понятіямъ. Если какой-нибудь геній переступитъ за границы сего круга, и съ помощію вдохновенія созиждетъ изящное, въ которомъ заспавляетъ умозрителя искать новыхъ законовъ, тогда раболѣпные приверженцы школьныхъ правилъ, являюшыя съ миніашюрнымъ масштабомъ своимъ, и вида невозможность измѣрить помощію онаго вновь проложенный путь, предають осужденію всякое произведеніе, которое выходитъ изъ границъ посредствен-

ности, и не угождаешь скудному ихъ идеалу. Говоря о сихъ господахъ, я сказала, что излишняя ученость едвали не вреднѣе полу-учености. Мнѣ кажется, что это очень ясно: полу-ученый Стихотворецъ, одаренный природными способностями, можешь научиться тому, что нужно для Поэта: спойшь только захопѣвъ, и въ этомъ случаѣ: тап Капи тап тап will Г-на Подеваго будешь кешаши сказано; а человекъ обременившій духъ свой оковами еоріи, лишаешь его способности парить въ областяхъ изящнаго и заславляетъ пресмыкаться. Если бы я сказала, что ученость вредна, то былъ бы кругомъ виноватъ; но я говорилъ *объ излишествахъ*, которое вредно во всякомъ случаѣ. Человекъ, употребившій нѣсколько лѣтъ жизни своей на основательное изученіе кошорой нибудь изъ отраслей познаній человѣческихъ, ученъ не излишне, а именно столько, сколько нужно генію его для того, чтобы дѣлать новыя изысканія въ неопкрытыхъ областяхъ Наукъ. Онъ не сѣдуетъ рабски чужимъ мнѣніямъ, и извлекаешь изъ нихъ методу, кошорую съ пользою употребляешь. Вотъ, что говоришь по сему предмету одинъ изъ ученичшихъ мужей нашего времени, И. И. Давыдовъ: „Мы часно въ

„Наукахъ, выучивая наблюденія другихъ, делаемъ чрезъ это ко всему приговоришь себя, — и при всякомъ новомъ случаѣ, сомнѣваемся и бываемъ въ нерѣшимости; напротивъ, изученіе философическое, *не обременяя памяти бесполезными знаніями*, снабжаетъ умъ одною только методой — а это вѣрнѣйшій способъ наблюдать и познавать.“ (Нач. Осн. Логики, стр. 67).

Но и это средство не всегда бываетъ действительно, потому, что не всѣ головы устроены одинаково: что въ мѣру наполняешь одну, по нѣрѣдко обременяешь другую. Ученость есть богатый запасъ знаній, а глупому не въ помощь богатство, говоришь пословица. Для примѣра, возьмемъ Философію: она питаетъ душу умнаго человека, даетъ направленіе его разсудку, укрощаетъ спраски, и смиряешь его гордость, кошорая опъ начала міра и до сихъ поръ есть источникъ всѣхъ заблужденій. Истинный Философъ есть смиреннѣйшій изъ смертныхъ: обширныя свѣдѣнія не заславляютъ его превозносився: онъ такъ близко видѣлъ Премудрость вѣчную, что убѣдился въ ничтожности своихъ знаній; напротивъ того, у глупца та же самая Философія заводитъ умъ за разумъ, питаетъ его гордость и самонадѣянность, и дѣлаетъ изъ

него враля, сколько смѣшнаго, сполько и жалкаго. Послѣ этого, *излишиа* ученость не бываетъ ли вреднѣе полу-учености?

Теперь, чѣмъ познакомишь чшашелей С. О. съ учивостью моего прошивника, выписываю оспальную половину его спашейки:

„Увѣряю моего милаго и забавнаго Рецензента, (ш. е. меня, нижеподписавшагося) „что ни я и никшо, даже самъ Издатель „Свернаго Архива и Липерапурныхъ Диспковъ (что этого убѣдительно?) не подзрѣваюшъ его — *ий—ова* въ излишней учености — въ эпошъ спашномъ грѣхъ, а чшашелямъ моимъ объяснишь честь имѣю, „что я съ шакими учеными людьми, каковъ „— *ий—овъ*, никогда не спорю, а встрѣчаешъ съ ними, униженно кланяюшъ, и говорю: почно шакъ, М. Г., вы правы!“ —

Ошвѣчаешъ, какъ слѣдуешъ на эши комплименты — я не могу, ибо долгомъ себѣ поставилъ въ липерапурныхъ спорахъ соблюдать приличія. Замѣчу шолько шо, что К. Одоевскій, не будучи со мною знакомъ, ни объ учености, ни о невѣжествѣ моемъ судить не можешъ, и что онъ, К. Одоевскій, не имѣя никакихъ сношеній съ Г. Издателемъ Свернаго Архива, за мнѣнїе его обо мнѣ ручаешъ не долженъ.

Въ эпош часни Мнемозины много естѣ диковинокъ, но всего забавнѣе послѣдняя спашья, подъ заглавїемъ: *Нѣсколько словъ о Мнемозинѣ самихъ Издателей* (не одного ли изъ Издателей?) Вотъ, что называется *finis coronat opus!* Неестественно, чшобы такая самонадѣянность не была плодомъ чьихъ нибудъ внушеній! Будьте оспорожны, К. Одоевскій! неискреннїе друзья опасны, и для убѣжденія въ эпош истинѣ, совшую вамъ прочешъ, въ 19 No Дамскаго Журнала, Сказочку, сочиненную Г. У. У.

Теперь, если угодно, вы можете *ушженно поклониться* и сказашь мнѣ: почно шакъ, вы правы!“

Слуга вашъ
Василій Ушakovъ.

Москва.

V.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

Обозрѣнїе послѣднихъ происшествїй.

Великобританнїа. Война, предприняшая Англією въ Остп-Индїи, продолжается усшвно. Бришанскїе Генералы, побѣдивъ хра-

бръйшаго Бирманскаго Полководца Бундулу, взяли города Арраканъ и Донабевъ. Бирманы, какъ слышно, просятъ мира, и намѣрены заплашнть въсь издержки войны. — Въ Европѣ Англія, по прежнему, наблюдаетъ спрожайшій нейспралишетъ: неизвѣстно еще, какія послѣдствія будетъ имѣть объявленіе Грековъ, что они отдаются подъ защиту Англіи. Кажется, что Англія не намѣрена вмѣшиваться въ сіи дѣла безъ согласія прочихъ Державъ. — Намѣреніе Лорда Кокрена, отправишься съ значительною морскою силою на помощь Грекамъ, не получило, по видимому, одобренія Правительсва, которое обнародовало, напрошивъ того, преждее запрещеніе о подвозѣ пособій сражающимся спонанамъ. — Знамениый Капитанъ Парриъ возвратился съ шрешяго путешествія, предпринимаго для открьтія сѣверозападнаго пуши: и это покушеніе было безуспѣшно. Сколь велики были его усилія, явшивуешь изъ того, что онъ пожертвовалъ однимъ изъ своихъ кораблей. Между тѣмъ полагають, что Правительство Англійскае намѣрено отправишь четвершую экспедицію въ тѣ спраны.

Франція. Мореплаваніе и коммерціи Франціи получили новыя силы возобнове-

ніемъ сношеній съ спаринною Французскаго колонією, Сень-Домингомъ. Уже прибыли въ Парижъ Коммисары Правительсва сего оспрова для заключенія займа и уплаты положенной въ пракшахахъ суммы. По всему видно, что Французское Правительство желаетъ даровать подданнымъ своимъ участіе въ торговлѣ съ Южною Америкою, равнѣ съ Англичанами, кои пользуются несмѣнными отъ оной выгодами; для сего начаты переговоры съ Испанскимъ Правительсвомъ, но, сколько судить можно, оныя не будутъ имѣть успѣха, ибо Испанія не можетъ согласиться на признаніе независимости прежнихъ своихъ владній. — Дворъ Французскій обрадованъ былъ посѣщеніемъ Его Величества Короля Прусскаго, который, проводивъ сочетавшуюся бракомъ съ Принцемъ Нидерландскимъ Дочь свою въ Брюссель, самъ отправился въ Парижъ.

Испанія. Для приведенія въ порядокъ дѣлъ сего Государсва, для согласенія разныхъ прошивоборствующихъ партій, для поправленія Финансовъ и для ршенія дѣлъ Америки, учреждена была въ Сенябрь с. г. шакъ называемая Совѣщательная Юнта, составленная изъ особъ разныхъ сословій. Писали даже, что оной представлены были проекты о прекращеніи разгласій съ Американ-

скими владѣніями Испаніи, и о заведеніи съ ними торговыхъ сношеній; но сіи мѣры не имѣли успѣха. По новѣйшимъ извѣстіямъ изъ Мадрида, первый Министръ Короля, Г. Зеа-Бермудесъ, учредившій сію Юнну, и старавшійся найти среднюю спезю между роялистами и либералами, лишился мѣста своего, и замѣненъ Герцогомъ дель-Инфантадо. Сколько можно предвидѣть, послѣдствіемъ сего будетъ принятіе рѣшительныхъ мѣръ, особенно въ отношеніи къ Америкѣ. — Снаряженная въ Гаванну экспедиція благополучно шуда отправилась.

Въ Пресбургѣ совершенно торжественное коронованіе *Императрицы Австрійской*, въ званіи Венгерской Королевы, и вслѣдъ за тѣмъ открытъ Сеймъ *Венгерскаго Королевства*.

13 Октября, скончался добродѣтельный *Король Баварскій, Максимилианъ Юсифъ*, къ крайнему огорченію вѣрныхъ его подданныхъ, коимъ онъ былъ оцемъ и благошлюбителемъ: они съ надеждою обращаютъ взоръ на достойнаго его преемника.

Состояніе Европы вообще мирно и благополучно. Государи оной обезпеченные твердымъ миромъ, стараются о благосостояніи своихъ подданныхъ. *Король Нидерландскій* открылъ засѣданія Сейма своего Государ-

ства въ Гаггѣ. *Король Шведскій* посѣтилъ Норвегію. *Король Виртембергскій* объѣзжаетъ разныя области своего Государства.

Но въ юговосточномъ краю нашей части Свѣта, свирѣпствуетъ ужаснѣйшая борьба, подстрекаемая всеми противоположными страстями. Ибрагимъ-Паша, не успѣвъ взявъ Наполи ди Романіи, обратился сперва къ Триполицу, и попомъ къ Майнѣ, и опустошилъ всю пройденную имъ страну огнемъ и мечемъ. Греки, при помощи вѣкопородныхъ Европейцевъ, сопротивлялись ему мужественно, но принуждены были уступитьъ превосходству силъ, и ошсупили въ горы. Свирѣпство его, по видимому, раздражило всѣхъ обитателей Мореи. Уже носится слухи, что они, напавъ на него всѣми силами, одержали совершенную побѣду, но извѣстія сіи преобладаютъ подвѣрженія.

Капашанъ-Паша былъ принятъ Пашею Египетскимъ Мегметомъ-Али въ Александріи съ великими почестями, и какъ слышно, получилъ главное начальство надъ всѣми Турецкими силами, дѣйствующими противъ Грековъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, вышелъ онъ опшуда съ новыми войсками. Неустрашимый Канари едва не превратилъ сего торжественнаго приѣма въ ужаснѣйшую сцену. Гонимъ за Капашанъ-Пашею, онъ

подошелъ къ гавани Александрійской, и съ тремя брандерами вошелъ въ оную; гоповилася уже зажечь споявнїе шамъ корабли, и однимъ ударомъ испребишь грозныя силы, но прошивнїй въпръ, возспавшїй въ минупу исполненїя сего подвига, спасъ Турокъ ошь грозившей имъ гибели.

Миссолонги держишя. Тщешны всѣ нападенїя Решида-Паши; тщешны написки многочисленныхъ Турокъ. Греки пребываюшъ шверды на валахъ подъ знаменемъ Крестна, несущъ гибель и смершь въ шанъ осаждающихъ. Пишущъ, что осада, послѣ многокрашнихъ тщешныхъ приступовъ, снята совершенно, и что войны Решида ошешупили во всѣхъ пунктахъ, прешерпѣвъ величайшїя пошери.

Ошпрровъ Кандїа, усмиренный силами Египшянъ, снова возспалъ на своихъ припѣсцишелей. Греческое знамя развѣвасешъ въ разныхъ спранахъ его.

Посреди сихъ грозныхъ, но не рѣшительныхъ собышїй, появилася на водахъ Архипелага сильная Сѣверо-Американская эскадра. Сначала было неизвѣстно ея назначенїе. Помощъ узнали, что началъшвующїй оною Командоръ Роджерсъ, именемъ своего Правительсшва, шребуешъ у Поршы संबоднаго пропуска кораблямъ Сѣверо-Амери-

канскимъ въ Черное море. Порша, какъ слышно, на сіе не соглашасешя.

H. Г.

VI.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ
БИБЛЮГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И

1 8 2 5.

70. *Наставленїе о смиренїи, необходимо нужномъ для всѣхъ вообще Христїанъ, съ присовокупленїемъ духовныхъ и благочестивыхъ мыслей. Переведено съ иностраннаго М. Г. П. И. Друговымъ.* М. 1825, въ Синод. шп., въ 8, 66 стр.
71. *Основанїя Права частнаго Гражданскаго, изданнїя въ пользу учащихся.* М. 1825 въ Унив. шп., въ 12, 156 стр.
72. *Начертанїе теорїи Законовъ, изданное для употребленїя учащихся.* М. 1825, въ Унив. шп., въ 12, 82 стр.
- (См. Но 128 Сѣв. Пчелы.)

73. *Калужскіе вечера, или отрывки изъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ военныхъ Литераторовъ, собранные А. Писаревымъ.* 2 части. М. 1825, въ Унив. шип., въ 8, въ 1 ч. 181, во 2й 234 стр.

(См. No 129 Сѣв. Пчелы.)

74. *Эдинбургская темница. Романъ Вальтера Скотта, переведенный съ Французскаго А. З.* 4 части. М. 1825, въ шип. С. Седивановскаго.

(См. No 130 Сѣв. Пчелы.)

При сей книжкѣ раздается Прибавленіе къ Сынъ Отечества No 2.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1825. No XXII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

РИПЪ ФАНЪ - ВИНКЛЬ.

(Изъ книги: *The Sketch book.*)

Кто путешествовалъ по Гудсоновой рѣкѣ, ночь долженъ помнить горы Кашкиль; онѣ составляютъ опсѣченную въшью большой Апалашской цѣпи, и протягиваясь вдоль рѣки къ западу, возвышаются и владычествуютъ величественно надъ всею окрестною спраною. Каждая перемена времени года, каждая перемена погоды, и даже каждый часъ дня производятъ перемену въ магическихъ краскахъ и формахъ горъ сихъ, почитаемыхъ всеми окрестными и отдаленными ворожеями за совершенный барометръ. При ясной и постоянной погодѣ, синій и пурпуровый цвѣтъ горъ обрисовывается на дѣшнемъ небѣ, смѣлыми окраеніями; въ другое время, когда небо и горы представляютъ свѣтлый ландшафтъ, около ихъ вершинъ собираются сѣдыя испаренія, образуя родъ

поязки, и освѣщаясь послѣдними лучами заходящаго солнца, воспламеняюся и свѣтятся подобно вѣнцу славы.

Путешественнику примѣненъ, у подошвы горъ, свѣшлый дымъ, завивающійся клубами надъ селеніемъ, котораго черепичныя крыши сквозятъ между деревъ, въ то же время, какъ синяя опдаленность горъ опдалается отъ живой зелени ближняго ландшафта. Это небольшое и древнее селеніе, основанное Голландскими колонистами въ первыя времена населенія области, около начала управленія оною добрымъ Петромъ Спюй Весаптомъ (миръ праху его), и состоящее изъ самыхъ первыхъ основателей, построившихся лишь въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ домами изъ маленькихъ желтыхъ кирпичиковъ, изъ Голландіи привезенныхъ, съ прямыми, подъ самой князецъ крыши, фасадами, и столбами надъ ними флюгерами.

Въ этомъ селеніи, въ одномъ изъ сихъ домовъ (который, правду сказать, не былъ пощаженъ временемъ), жилъ простой сынъ природы, по имени Рипъ фанъ-Винклъ. Онъ былъ попомокъ тѣхъ фанъ-Винклей, которые отличались храбростію въ рыцарскія времена Петра Спюй Весапта, и помогали ему въ осаду Форсъ Кришны; но Рипъ не

много наследовалъ мужественнаго свойства своихъ предковъ; я сказалъ уже, что онъ былъ простой, незаштѣливый человекъ, но со всемъ тѣмъ самымъ добрымъ сердцемъ, покорнымъ и послушнымъ мужемъ. Въ самомъ дѣлѣ, симъ качествамъ, обучающимъ крошески, обязанъ онъ былъ всеобщю любовью. Тѣ люди вообще снисходительны и услужливы вѣдъ своего дома, которые въ семействѣ бывающъ подъ наукою домашней Мегеры; угрюмость и несговорчивость ихъ обращается въ гибкость и уклончивость, расплачиваясь въ горнилахъ домашнихъ ссоръ, и одна хорошая побранка спонитъ всѣхъ наставленій въ свѣтъ, для наученія добродѣтелямъ: крошески и долгошерпвнню; въ шакомъ случаѣ, если можно назвать бранчивую жену полезною наставницею, то Рипъ фанъ-Винклъ былъ весьма счастливъ ею.

Со всемъ тѣмъ онъ былъ любимцемъ кумушекъ селенія, которыя любили брать участіе въ семейныхъ сплетняхъ; ничто не мѣшало имъ, разбирая дѣла сего рода на вечернихъ пересудахъ, взваливать всю вину на Госпожу фанъ-Винклъ. Деревенскіе мальчишки кричали отъ радости, когда приходилъ Рипъ. Онъ присутствовалъ при ихъ забавахъ, учреждалъ играми, спускалъ имъ бумажные змѣи, обшачивалъ игральные ка-

меншки, рассказывалъ сказки о черпяхъ, домовыхъ и Индѣйцахъ — и едва показывался въ концѣ деревни, цѣлая толпа ребятишекъ окружали его, вѣшали за полы, вѣзали на спину, и дѣлали надъ нимъ ненаказанно всякія шалости; не было ни одной собаки въ деревнѣ, которая бы лаяла на Рипа.

Величайшій недостатокъ въ Риповомъ сложеніи было его неодолимое отвращеніе оупъ всякаго рода полезныхъ занятій, не поэтому, чтооубъ у него недоставало шерпвнїа, или наспойчивости: онъ часто сиживалъ по цѣлому дню на мокромъ камнѣ съ удою, длинною и шпжелою, какъ Ташарское копье, и ждалъ, чтооубы рыбка клюнула хошъ одишъ разъ. Онъ могъ шаскашьяся съ ружьемъ по цѣлымъ часамъ, лѣсами и болопами, по горамъ и долинамъ, толькo чтооубъ заспръшлишъ какую нибудь бѣлку, или дикаго голубя. Никогда не опказывался онъ помогашъ сосѣдямъ въ шруднѣйшихъ работахъ, былъ первый на веселыхъ жашвахъ Индѣйской шпеницы, или при переноскѣ шпжелыхъ шроевыхъ каменьевъ; всѣ женщины въ селѣ упошребляли его на побѣгушкахъ, за всякими мелочными надобностями, въ чемъ опказывали имъ неснисходительные ихъ супруги; одишъ словомъ, Рипъ гошовъ былъ помогашъ нуждамъ всякаго, кромѣ своихъ; испра-

вляшъ же семейныя надобности и содержашъ свой домъ въ порядкѣ, онъ находилъ выше силъ своихъ.

Въ самомъ дѣлѣ онъ объявилъ, что не можешъ ничего сдѣлашъ со своимъ участкомъ, который былъ обрабoпанъ хуже всѣхъ въ цѣлой области; все въ немъ или было въ беспорядкѣ, или приходило въ беспорядокъ прошивъ его воли; стѣны дома разваливались; коровы бродили по полямъ, гдѣ имъ было угодно, а если были дома, то шопшали грады съ капуестою; репейникъ и другія негодныя расшенїа росли въ полной безопасности на его поляхъ; и такимъ образомъ наслѣдіе Рипово приходило въ упадокъ; оупъ нерадивости, его земля одичала до того, что едва можно было на ней кой-гдѣ собрать нѣсколько горстей Индѣйскаго шпшена и немного каршофелю; одишъ словомъ не было плоше участка во всемъ околodкѣ.

Дѣшп Риповы были шакъ дики и обoрваны, какъ будшо никому не принадлежали. Сынъ его, Рипъ, уродился весь въ опца, и казалось, подавалъ надежду наслѣдовать со старымъ опцовскимъ плашьемъ его и обшчай; онъ пршшался обшкновенно какъ цыцленокъ за спину матери, спеленанный въ доскушья шшараго опцовскаго кафшана, кошорый ему надобно было поддерживать ру-

ками, будто наряженной дамѣ хвостъ своего плаща въ дурную погоду.

Со всемъ шѣмъ Рипъ фанъ-Винкль былъ одинъ изъ шѣхъ счастливыхъ смертныхъ, беззаботнаго и неразборчиваго характера, кошорымъ вездѣ на свѣшъ хорошо, — все равно, вѣдять ли они бѣлый или черныи хлѣбъ, лишь бы онъ доставался имъ безъ малѣйшаго труда и попеченія, и кошорые лучше спануть голодашь съ однимъ пенни(*) нежели работать для фунта. Чшо касается до Рипа, онъ одинъ жилъ бы припѣваючи; но злодѣйка жена безпреспанно гремѣла ему въ уши о лѣноши, безпечности, и о разореніи, до кошораго довелъ онъ свое семейство. Упро, поддень, вечеръ, языкъ ея шрещаль безпрерывно, и чшо бы ни сдѣлалъ, чшо бы ни сказалъ бѣдный Рипъ, за все про все онъ уже вѣрно попадался подъ водопадъ супружнаго краснорѣчія. У Рипа былъ одинъ способъ отвѣчать на всѣ эти поученія добродѣтели, и эшотъ способъ, онъ часнаго упошребленія, вошелъ совершенно въ его привычку: онъ подымалъ плечи, качалъ головою, косилъ глаза, — и не говорилъ ничего. Эшо обыкновенно привлекало новый залъ ругательствъ жениныхъ, и шогда ему должно было, собрав-

(*) Мелкая монеша Англійская и Американская.

нись съ духомъ, ишши изъ дому — одно средство, по ишшииъ, кошорое вообще оснаешся послушнымъ мужьямъ въ шакое случай.

Единственныи Риповъ поварищъ въ домѣ былъ Вольфъ, его собака, шшоль же послушная, какъ сама онъ. Не менѣ шого и хозяйка Рипова почитала Вольфа шоварищемъ мужу въ лѣноши, а пошому глядѣла на него не очень благосклонно, какъ на причину частныхъ мужнинныхъ оплучекъ. Хотя, правду сказать, и не было собаки безшраштите Вольфа въ лѣсныхъ проискахъ; но какое мужество ушопишь проишву безпрерывнаго и всеокрушающаго грома языка женскаго? Только входилъ Вольфъ въ компанію, разомъ падалъ ницъ, опускалъ хвостъ, колошничалъ имъ по землѣ, или поджавъ его, и взглядывая умилно, подпалзывалъ къ своей госпожѣ шочно какъ осужденныи, наконецъ, получивъ нѣсколькo колошущекъ мешлою или уполовникомъ, съ визгомъ бросался изъ дверей, какъ угорѣлый.

Рипу спановилось хуже время онъ времени, шшшря по шому, какъ годы супружешва шекли одинъ за другимъ. Крупой правъ не размягачешся лѣшами, и восшрой языкъ ешпъ единственныи въ свѣшъ инструментъ, кошорый почится онъ безпреспаннаго упо-

преленія. Но Рипъ привыкъ упышать себя, уходя из дому, и посѣщая нѣкоторый родъ клуба Философовъ, Полишниковъ, и другихъ подобныхъ имъ лѣншазевъ селенія, собиравшихся для застѣданія на лавочкахъ, пославденныхъ около небольшого шинка. Тамъ обыкновенно, въ пѣвнѣ, въ продолженіе длинныхъ лѣнвивыхъ лѣнннихъ дней, полковали они о спленялахъ сосѣдей, или рассказывали безконечныя испоріи о помѣ, о семь и ни о чемъ. Часто полишника заступала ихъ мѣсто, и глубокія разсужденія слышны были со всѣхъ сторонъ, ежели случай доспавлялъ имъ, оныя какого нибудь провзгаго, спарыя газешы. — Съ какимъ шоржешвеннымъ вниманіемъ слушали они содержаніе оныхъ, громогласно перечисываемое школьнымъ училелемъ, Деррикомъ Фанъ-Буммелемъ, маленькимъ, плоснымъ человѣчкомъ. Какъ умно и премудро судили они, чему бышь и чего не миновашъ, о помѣ, что прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Общее мнѣніе сей Юншы обыкновенно ожидало приговора Николая Веддера, патріарха селенія, хозяина шинка, близъ дверей котораго оныя обыкновенно сиживалъ оныя ранняго утра, до поздняго вечера, избѣгая поспоянно солнечнаго свѣта, и двигаясь за

пѣвню споявшаго передъ шинкомъ густаго дерева.

Эшо движеніе было такъ правильно, что глядя на него, можно было угадать часъ, также вѣрно, какъ по солнечному квадранту. Рѣдко, правда слышали, чшобъ Веддеръ говорилъ, за шо шрубка его замѣняла всѣ рѣчи, и наперсники его, кошорыхъ всегда довольно у всѣхъ великихъ людей, умѣла совершенно заключашъ по ней о его мнѣніи. Если рассказываемое или чшпанное не нравилось Николаю, оныя сильно раскуривалъ шрубку свою, и пускалъ далеко чашыя, густыя облака дыму; когда же сказанное получало одобреніе, оныя вшягивалъ дымъ тихо и спокойно; выпускалъ его свѣшлыми, ровными струями, и временно, вынимая шрубку изорша и предспавляя благовонному куренію свободно извивашъся около носа, кивалъ головою, въ знакъ совершеннаго одобренія.

Наконецъ и въ эшомъ спешенномъ сообществѣ пошревоженъ былъ бѣднѣйшій Рипъ своею сварливою женою, кошорая часто нарушала спокойствіе собранія, величая членовъ онаго безпущными лѣншазями. Даже самому важному Николаю Веддеру доспавлялось оныя языка эшой ужасной мужашницы, кошорая, безъ зазрвнія, называла его шоварищемъ и причиною мужниной лѣншости.

Бѣдный Рипъ былъ доведенъ почти до отчаянія; одно средство, избѣгать домашней работы и женной свары, было, брать ружье и пашкашся съ нимъ по лѣсамъ. Часто садился онъ подъ деревомъ и раздвѣлялъ запасъ своей сумки съ вѣрнымъ Вольфомъ, кошорый почти сроднился съ нимъ, какъ товарищъ спрэданиа и гоненій. „Бѣдный Вольфъ!“ говаривалъ онъ: „тебѣ пришла опъ хозяйки швоей наспопщая собачья жизнь: но не бойся, бѣдняжка, покуда я живъ, у тебѣ еспь по крайней мѣрѣ вѣрный другъ!“ Вольфъ махалъ хвостомъ, внимательно и ласково глядѣлъ въ глаза господину, — и, ежели у собакъ еспь сочувствіе, то можно бышь увѣрену, что онъ опвѣчалъ Рипу опъ всего собачьяго сердца. —

Бродивъ однажды въ продолженіе цѣлаго яснаго осеняго дня, Рипъ взобрадся непримѣшно на одну изъ высочайшихъ горъ хребта Капскаль, забавляясь любимою охотою за бѣлками. Тишина сихъ мѣстъ прерывалась и опзыбалась безпрестанно звуками его выпсрѣловъ. Успалый, добрался онъ до горной вершины, покрышой зеленымъ дерномъ, вѣчавшимъ навѣсь горы надъ пропастью; съ сей высоты, можно было видѣть между деревъ пониженіе всей лѣсистой Гудсонской стороны на многія мили. Ему видѣнь былъ

въ опдаленіи великолѣпный Гудсонъ, капшійся шикимъ, но величественнымъ шокомъ, и опражающій или свѣшлый пурпуръ неба или бѣлые паруса судовъ, будшо спящихъ на зеркальной его поверхности, перяющей-ся между синихъ возвышенностей горъ.

Съ другой спороны внизу, видна была долина дикая, уединенная, усвѣнная обломками свисшихъ надъ нею скалъ, и мало освѣщенная опражаемыми лучами садяцагося солнца. Покуда Рипъ любовался сими видами, вечеръ приблизился постепенно: опъ горъ прошпанулись уже долгія синія шѣни по долинамъ, а ему еще надобно было долго ишши, чшобы добратся до деревни; онъ шяжело вздохнулъ, вспомнивъ, чшо вскорѣ опляшъ начнушся его мученія.

Когда онъ гошовъ былъ спускашся, вдругъ услышалъ въ нѣкошоромъ разспошнїи голосъ, кошорый звалъ его. Онъ опмапривался кругомъ, но не видалъ никого, кромѣ ворона, лепѣвшяго своєю уединенною дорогою чрезъ горы. Рипъ думалъ, чшо воображеніе обмануло его, и гошовился снова спускашся, какъ пошъ же самый голосъ повшорилъ въ вечернемъ воздухѣ: „Рипъ фанъ-Винклъ! Рипъ фанъ-Винклъ!“ Въ эпо время Вольфъ опченился, заворчалъ глухо, прижался къ

хозяину, и испуганный, смотрѣлъ дико внизъ по долинь.

Тогда Рипъ испугался самъ, и смотря по шому же направленію, увидѣлъ спранныю человѣческую фигуру, двигающуюся попи-хоньку по скаламъ, и согбенную подъ какою-то ношею. Рипъ изумился, увидѣвъ челоуѣка въ этой уединенной и непроходимой долинь; но полагая, что это кто нибудь изъ сосѣдей пребуешь его помощи, онъ побѣждалъ къ нему на подмогу.

Съ приближеніемъ, онъ удивился еще больше спранный наружности незнакомца: то былъ небольшой плечистый старичокъ съ густыми курчавыми волосами и съдою бороною; плашь на немъ было спаромодное Голландское — суконная фуфайка, поясъ по камзолу, двое штановъ, изъ коихъ верхніе, удивительной ширины, унизаны были по бокамъ рядами пуговокъ, и съ прилжками на колънахъ. Онъ несъ на плечахъ огромный, и какъ казалось, полный боченокъ, дѣлая Рипу знакъ приблизиться и помочь нести его.

Хотя не съ большою довѣренностью къ новому своему знакомцу, но съ обыкновеннымъ усердіемъ, Рипъ исполнилъ его просьбу, и шакъ, пособляя одинъ другому, пошли они по узкой лощинѣ, вѣроашно, образованной высохшимъ горнымъ источникомъ. Когда же

сошли внизъ, Рипу слышался время отъ времени гулъ долгихъ перекашовъ, будто опдаленнаго грома, который, казалось, выходилъ изъ узкаго междугорья, куда вела неровная и дурная ихъ дорога. Онъ оспановился, чтобы прислушашься, но полагая, что эшопъ шумъ происходящаго въ горныхъ вершинахъ, пошелъ далье. Прошедши ущелье, они очутились въ долинь, подобной амфитеатру, окруженному отвѣсными пропащами, на краю которыхъ нависшія деревья такъ густо сплелись своими вѣтвями, что видно было только сверху одно небо и свѣшлыя вечернія облака. Въ продолженіе всего времени, Рипъ и его товарищъ шли шихомолкомъ, и первому довольно было времени дивиться, зачѣмъ эшопъ незнакомецъ несетъ полный боченокъ въ такія пустыя мѣста: спраннысть и непоняшность его дѣйствій внушили Рипу какой-то страхъ и недоувѣрчивость.

При входѣ въ амфитеатръ, представились ему новые и спранные предметы: по срединѣ, на ровномъ мѣстѣ, было общество пожилыхъ людей, игравшихъ въ кегли; они были одѣты въ какіе-то иностранные наряды: итькошорые въ камзолахъ, другіе въ курткахъ, съ подвѣшенными длинными кор-

пиками; многіе изъ нихъ наряжены были въ огромно-широкіе шпаны, наподобіе бывшихъ на его вожакомъ. Лица ихъ были не меньше того спиранны: у одного была большая голова, широкое лице, и маленькіе свинные глаза; лице другаго, казалось, совершенно состояло изъ одного носа, кошорый выглядывалъ изъ подъ шляпы, похожей на сахарную голову и украшенной краснымъ пѣшущимъ перомъ. У всѣхъ были бороды разныхъ фигуръ и цвѣтовъ; одинъ изъ нихъ казался начальникомъ, и былъ невысокій, согбенный подъ бременемъ дѣшъ шаричокъ, одѣтый въ камзолъ со шнурками, въ широкомъ поясъ съ коршикомъ, въ высокой съ загнутыми полями шляпѣ съ перомъ, въ красныхъ чулкахъ, въ башмакахъ на высокихъ каблукахъ и съ баншами. — Все это обществю казалось Рипу фигурами со старой Фламанской каршины, споявшей въ большой компанш Доминика фанъ-Шека, одного изъ жителей селенія, привезенной имъ изъ Голландіи еще во время перваго основанія колоніи. —

Особенно спраино казалось Рипу, что всѣ сіи люди, которые видимо находили большую забаву въ игрѣ, сохраняли важность лицъ, наивеличайшее молчаніе, и вѣроятно, были самымъ печальнымъ обществомъ игроковъ, имъ когда либо виданныхъ; ничшо

не прерывало молчанія, кромѣ перекаша шаровъ, кошорый, повпоряясъ ахомъ горъ, ошывался, подобно глухому рокошу грома.

Когда Рипъ и шоварищъ его приблизились къ нимъ, они вдругъ перестали играть, и смотрѣли на него такими оцѣнительными глазами, съ такимъ дикимъ и безжизненнымъ видомъ, что у бѣднаго Рипа перевернулось сердце и колѣни заспучали одно о другое; шоварищъ его разлилъ изъ боченка жидкости въ большія фляги, и сдѣлалъ знакъ Рипу, чтобы онъ выпилъ съ прочими; онъ повиновался со страхомъ и шрепешомъ: они же выпили свои доли въ глубочайшемъ молчаніи, и возвратились къ своей игрѣ.

Постепенно страхъ и недовѣрчивость Риповы уменьшились; онъ даже, когда на него не смотрѣли, началъ прикушивашъ пшьеца, кошорое показалось ему превосходнымъ дшиномъ. Онъ былъ сложенія склоннаго къ жаждѣ, и пошому, необходимо и часшо надобно ему было промачивашъ горло, а въ этомъ случаѣ, одинъ глошокъ притлашаетъ другой, и Рипъ началъ такъ часто цѣловашъся съ флягою, что наконецъ чувства его ошуманились, глаза какъ будшо плавали во всѣ стороны, голова мало по малу склонилась, и вскорѣ Рипъ заснулъ глубокимъ сномъ.

Проснувшись, онъ нашель себя на той же лужайкѣ, съ которой въ первые увидель стараго человека въ долинь; — онъ прошеръ глаза — осмопрълся — это было прекрасное солнечное утро; пшцы пѣли и вились между кустами свѣжаго горнаго вѣтра. —

„Вѣрно,“ думаль Рипъ: „и не всю ночь здѣсь проспаль.“ Онъ припоминаль всѣ обстоятельства передь своимъ сномъ: страннаго человека съ боченкомъ джину, горное ущелье, дикое и уединенное мѣсто между скаль, несчастную игру въ кегли — флагу. — „Охъ, эта флага, злая флага!“ думаль Рипъ: „чѣмъ и оправдаюсь передь женою?“

Онъ хвашился ружья, — но вмѣсто свѣтлаго и исправнаго охотничьяго дробовика, нашель подль себя какую-то старую фузею съ продыравленнымъ ошь ржавчины своломъ, съ опвалившимся замкомъ, и почти вовсе съѣденнымъ червями шомполомъ. Онъ началъ подозрѣвать, что важные горные игроки, сыграли съ нимъ шушку и, подпоивъ джиномъ, сшибрили у него ружье. Вольфъ пропаль шакже, — но онъ могъ убѣжать за какою нибудь бѣлкою или куропашкою; Рипъ свиспаль, звалъ его по имени, напрасно: эхо вшорило свисту и голосу, — но никакая собака не показывалась.

Онъ рѣшился снова осмопрѣть мѣсто, куда вчера ходиль, и если вспрѣшится съ кѣмъ нибудь изъ игроковъ, шо потребовать ошь нихъ своего ружья и собаки. Вставши, чшобъ ипши, онъ почувствоваль, что всѣ соспавы его будшо окрѣпли, и члены лишились своей обыкновенной живоспи. „Горная постела не очень здорова для меня“ думаль Рипъ, „и если эша шушка заспавишь меня просидѣть нѣсколько супокъ дома, шо въ это время придетъ мнѣ довольно послушать увѣщаній ошь моей женушки.“ Съ трудомъ сошелъ онъ въ долину, — увидель русло, по кошорому они съ шоварищемъ сходили вчерашией вечеръ, но къ великому его удивленію, горный источникъ клубился по руслу, и низпадая съ рокошомъ со скалы на скалу, слышенъ былъ по всей долинь. Со всѣмъ пѣмъ Рипъ сползъ до самаго берега источника, карабкаясь шрудною дорогою сквозь кустарники березняка, сасфрасу и орѣшнику, временно осшупаясь, или запущиваясь въ ошрасляхъ дикаго виноградника, кошорый, заплесая свои вѣшви ошь дерева до дерева, перехватываль вездѣ Рипу дорогу, на подобіе съши.

Наконецъ достигъ онъ до шото мѣста, гдѣ надобно было рышвинѣ расшворишья ущельемъ, между скаль къ амфишешру: но не было никакой примѣшпы ни ущелья, ни

дороги; лощина вдруг оканчивалась глубоким обрубом вниз, через копорый поток стремился водопадомъ, разбиваясь сноподобной пеною, и падалъ въ обширный водоёмъ, черной ошъ пшней окружнаго лса, — и такъ, бдному Рипу пришлось шуть осановишься. Онъ снова засвиспалъ и спалъ зашь свою собаку; ошвшомъ было шолько карканье снаи безпечныхъ сорокъ, взлетвшихъ съ сухаго дерева, нависага надъ освщенною солнечными лучами пропастью; пшиды сии въ безопасной высотъ, казалосъ, смотрли внизъ забавляясь, надъ горемъ бднаго Рипа. — Чшо было шуть дашь? ушро пришло, и Рипу очень хотълось позавпракашь. Онъ жаллъ и ружья и собаки, и вишь боялся жениной грозы; со всъмъ шъмъ, голодашь между скалъ было невыгодно: онъ покачалъ головою, взбросилъ на плечо ржавое ружьишко, и съ сердцемъ, исполненнымъ горести — поворошилъ домой. —

Приближаяся къ селенію, онъ видлъ много людей, но вовсе незнакомыхъ; это его очень удивляло, пошому, что не было челоька во всей округъ, котораго бы не зналъ онъ. — Одежда ихъ была также другаго покрою, нежели та, которую привыкъ онъ видшь. Всъ они безъ исключенія, при взглядъ на него, хватали себя за бороду; такое по-

стеланное движеніе рукъ невольню застави-ло Рипа сдълать шо же, и вдругъ, къ величайшему удивленію, нашель онъ, что борода его опросла почти на цълый фушь!

Наконецъ вступилъ онъ въ самое селеніе, и шолна незнакомыхъ мальчишекъ погналась по его пятамъ съ крикомъ, издваяся надъ сьдою бородою; собаки, въ копорыхъ онъ не узнавалъ своихъ спарыхъ знакомыхъ, лаяли на него по всъмъ улицамъ, да и самое селеніе перемънилось: оно стало гораздо больше и многлюднѣе; ряды повыхъ, невиданныхъ имъ доселъ домовъ спояли на мшь стъхъ, копорые онъ привыкъ видть; со всъмъ незнакомыя имена написаны были надъ дверями; совсъмъ незнакомыя лица въ окнахъ: все было незнакомо, — все было чудно. Бдный Рипъ потерялъ разсудокъ; онъ началъ думашь, что онъ и все около него было околдовано. Это почно было его родное селеніе, оставленное имъ за сушки: здъсь же возвышались горы Кашкиль, серебристый Гудсонъ кашился въ помъ же ошдаленіи; каждый холмъ и пригорокъ шуть же, гдъ былъ прежде. Рипъ съ горя не зналъ, что дълать. — „Эша фляга,“ думашь онъ: „прошедшую ночь сьиграла со мной прокляшую шушку!“

Съ шрудомъ опысавъ дорогу къ собшвенному дому, приближался къ нему съ

спайнымъ страхомъ, ожидая каждую минуту услышать прескучій голосъ Мисприсъ Фанъ-Винкль. Чшо же онъ нашель? домъ въ развалинахъ; упавшую крышу; выбитыя окна; двери, сорванныя съ петель. — Тоцая собака, подобіе Вольфа, лежала на порогъ: Рипъ назвалъ ее по имени, но ша заворчала, оскалила зубы и убѣжала прочь. Эшо уже было заѣшшее несчастье. „И добрая моя собака,“ сказала съ вздохомъ Рипъ: „забыла меня!“

Вошедъ въ домъ, который, по правдѣ сказать, жена его всегда содержала въ порядкѣ, онъ нашель его пустымъ, заваленнымъ обломками и, по видимому, освавленнымъ совершенно. Рипово изумленіе, произведенное такимъ опустошеніемъ, превозмогло супружескій страхъ: онъ громко позвалъ жену и дѣшей: пустыя комнаты опознались его голосу, но въ шу же минушу молчаніе опять водворилось повсюду.

Онъ вышелъ, и поцелелъ къ спарому своему утѣшенію, къ шинку — и пошь пропалъ также! — На помъ мѣстѣ стояло большое деревянное строеніе съ широкими окнами; нѣкоторые разбиныя стекла были заткнуты старыми шляпами, или изодранными юбками, а надъ дверью было написано *Трактиръ Союза: содержитъ Джонатанъ Дулитль*; вмѣсто большого дерева, освящавшаго преж-

ній Голландскій шинокъ, стояла вошкнушая длинная палка, на верху которой было чшо по похожее на спальный красный колпакъ, и изъ подъ него разбѣвался флагъ съ изображенными въ немъ какими-шо звѣздами и волосами; все эшо было спранно и непонячно для Рипа; онъ узналъ однако жъ вывѣску, подъ сѣнію которой онъ сполько разъ куривалъ свою мирную трубку — но все эшо было спраннымъ образомъ искажено: и внизу было подписано крупными буквами: *Генераль Вашингтонъ*.

Тамъ, какъ и прежде было много народу около дверей; но Рипъ не зналъ изъ нихъ ни одного. — Самый даже характеръ народный измѣнился. — Тушь слышался жаркій спорный голосъ, вмѣсто привычной флегмы и сонливаго спокойствія. Напрасно Рипъ смонрѣлъ во всѣ стороны, не увидишь ли премудраго Николая Веддера, съ широкой рожей, съ двухъ-яруснымъ подбородкомъ и длинною красивою трубкою, пускающаго дымныя облака вмѣсто пустыхъ разговоровъ, или школьнаго учителя Фанъ-Буммеля, надувающаго легкія для прочшенія спарой Газеты; вмѣсто ихъ, пощій желшый человекъ съ карманами, полными реляцій, жарко проповѣдывалъ: о правахъ гражданъ, о выборахъ, — о Членахъ Конгреса — о по-

бдителяхъ семьдесятъ-шестого полка — и о другихъ словахъ, которыя были совершенно Вавилонскимъ языкомъ для одичавшаго фанъ-Випкла.

Появленіе съдородаго Рипа, со ржа-вымъ ружьишкомъ, въ изодранномъ плащѣ, преслѣдуемаго по пятамъ войскомъ бабъ и ребятишъ, привлекло вниманіе шрактириыхъ полишниковъ: они собрались въ кругъ, и осматривали его съ ногъ до головы съ чрезвычайнымъ любопытствомъ. — Орапоръ полпы, опшведши его на сторону, спросилъ по-пихоньку, — какой споронъ онъ принадле-житъ. — Рипъ вытаращилъ глаза на эшошъ вопросъ.

Другой малорослый мужиченко, взявъ его за руку, и привставъ на цыпочки, сдѣ-лалъ ему на ухо вопросъ: „Кто онъ шаконъ, демократъ или федератъ?“ Эшо еще болѣе изумило Рипа; онъ совершенно не зналъ, что опшвѣчать, какъ вдругъ одинъ пожилой чело-вѣкъ въ оспроугольной шляпѣ, распахивая лапшьями на право и на лѣво шолпу, про-браася и спалъ съ вапничаньемъ прямъ пропшвъ Рипа, подбочасъ одною рукою, и опершился другою на палку. — Восшрый уголъ шляпы и восшрые глаза хошѣли, казалось, проник-нушъ въ душу Рипову; неознакомецъ спро-силъ его суровымъ голосомъ, почему онъ при-

шелъ на выборы съ ружьемъ, и привелъ за собою шолпу народа, какъ будто для шого, чтошбъ сдѣлать возмущеніе въ селеніи. „Ахъ, сударь!“ воскликнулъ болзливо Рипъ: „я бдѣ-ный и миролюбивый челошкъ, дѣвшій уро-женецъ, и вѣрно-подданный Короля, дай Богъ ему здоровья!“

Тушъ поднялся общій крикъ: „шпюнь! вонъ его, выгоните его!“ — Наконецъ вап-никъ въ преугольной шляпѣ, съ большимъ шрудомъ возшановилъ спокойствіе въ шол-пѣ, и, принявъ опашъ свой суровый видъ, васупя брови, снова спросилъ обвиняемаго, опшкуда онъ, и кого здѣсь ищешь. Бдѣнякъ уавѣрялъ покорно, что онъ и не думалъ заво-дять никакой шревоги, а пришелъ шолько провѣдать кого нибудь изъ сосѣдей, соби-равшихся въ шрактириѣ. — „Хорошо. Кшо дѣ они шакіе, назови ихъ.“ — Рипъ подумалъ не-много, и спросилъ: гдѣ Николай Веддеръ? —

Нѣскольکو времени продолжалось молча-ніе, но вскорѣ одинъ спарикъ опшвѣчалъ рѣз-кимъ голосомъ: „какой тебѣ Веддеръ! онъ умеръ и схороненъ шому осмнадцать лѣшъ. Тамъ на кладбищѣ, была надъ нимъ деревян-ная доска, на которой про него было напи-сано, но и ша уже сгнила и развалилась. — А гдѣ Бромъ Голландецъ? . . .

„О! онъ пошелъ въ солданы при началѣ войны; говоряшь, что онъ убишь при осадѣ Спонецъ-Пойнша; а другіе сказывають, будто бы онъ упонуль во время шкваа у мыса Аншонія. Навѣрно же не знаю, — онъ никогда не возвращался.“ — „Ну шакъ гдѣ училель фанъ-Буммель?“ — „Онъ пошелъ шакже на войну; былъ славнымъ Генераломъ въ милиціи, и шеперь еще находился въ Конгресѣ.“

Рипово сердце замерло при шакихъ перемѣнахъ въ его домѣ и въ знакомыхъ. — И шакъ онъ оспавался одинъ въ цѣломъ мірѣ. Каждый опивѣшь изумлялъ его, напоминая о шакомъ большомъ промежуткѣ времени и содержа въ себѣ шакія вещи, кошорыхъ онъ никакъ не могъ поникмашъ: война — Конгресъ — Спонецъ-Пойншъ; — у него недоспавало духа спросимъ еще о комъ нибудь изъ друзей; наконецъ почши въ опчаяніи, онъ проговорилъ: „знаешь ли кто нибудь здѣсь Рипъ фанъ-Винкля?“

— „О! Рипъ фанъ-Винкля!“ вскричали двое или шрое, — „конечно, какъ не знаешь; вошь онъ сидишь шамъ подѣ деревомъ.“

Рипъ оглянудся, и увидѣль точно свое изображеніе, какъ онъ былъ въ шо время, когда ушелъ въ горы, по видимому, сполько же лѣнивое и шакже оборванное. Бѣднякъ по-

терялся совершенно. Онъ началъ сомнѣваться, существуешь ли онъ, и не спалъ ли другимъ человекомъ.

Въ эту самую минушу, важный человекъ въ преугольной шляпѣ началъ опять свои вопросы:

— „Кшо же ты шаккой, и какъ швое имя?“

„А Богъ знаетъ“ воскликнулъ Рипъ: — „што дѣло Его премудрости; я уже не я; я кшо-шо другой; — шамъ кшо-шо я; — нѣшь, шамъ кшо-шо другой, полько въ моемъ видѣ. — Я былъ я прошедшую ночь, да заснулъ на горахъ; мнѣ перемѣнили ружье — и перемѣнилось все: я перемѣнился самъ, и не знаю, какъ мое имя, и кшо я шаккой.“

Зрители начали поглядывашъ другъ на друга, кивашъ головами, перемигивашъ значительно; многіе приспавили пальцы ко лбу. Поднялось шушуканье, какимъ образомъ овладевъ ружьемъ, чшобы спарикъ не надѣлалъ съ нимъ какой нибудь бѣды, и при этомъ предположеніи, важникъ въ шреугольной шляпѣ, проворно убрался сквозъ толпу. Въ сію кришическую минушу съ другой стороны, здоровая и плошная женшина, прошискалаась посмошрѣшь на съдородога человека; она держала на рукахъ грязнаго мальчишку, кошорый началъ кричашъ изо всей

мочи, испугавшись при видѣ старика. — „Замолчи, Рипъ!“ кричала женщина: „молчи, дурачокъ — а шо старикъ тебѣ ушацишь.“ Имя ребенка, видѣ матери, звонъ ея голоса, все возбудило въ Риповомъ воображеніи рядъ воспоминаній. „Какъ швое имя, добрая женщина?“ — спросилъ онъ ее.

— „Юдиша Гарденіеръ.“

„А имя отца швоего?“

— „Ахъ, бѣдный человекъ! имя ему Рипъ-фанъ-Винкль; шому уже двадцать лѣтъ, какъ онъ ушелъ съ ружьемъ въ горы, и объ немъ съ шой поры ни слуху, ни духу — собака его прибѣжала одна; и Богъ въспѣ, застрѣдилъ онъ самъ себя, или былъ уведень Индѣйцами, никто не знаетъ; я была тогда еще маленькою дѣвочкою.“ —

У Рипа еще былъ вопросъ: онъ выговорилъ его дрожащимъ голосомъ:

„Гдѣ же мать швоя?“

— „О! она вскорѣ послѣ шого умерла, разсердившись на одного Ново-Ангайскаго разнощика. — У ней съ сердцовъ лопнула кровяная жила.“ —

Эшо была наконецъ капля ушѣшенія между всѣми печальными новостями. — Добрый Рипъ не могъ болѣе себя воздерживашь, схватилъ дочь и ея ребенка въ объятія — „Я отецъ вашъ!“ — вскричалъ онъ: — „вре-

жде молодой Рипъ-фанъ-Винкль, а шеперь старикъ; — знаетъ ли кто нибудь Рипъ-фанъ-Винкля?“

Всѣ стояли въ изумленіи; одна старуха, протершись сквозь толпу, и пошморгнувъ на него изъ подъ руки, пошчасъ его узнала и вскрикнула: — „конечно, конечно, эшо Рипъ-фанъ-Винкль — эшо онъ самъ; добро пожаловать, старый сосѣдь! — да гдѣ же ты пропадалъ эши двадцать лѣтъ?“

Рипова исторія пошчасъ была рассказана, какимъ образомъ двадцать лѣтъ показались ему одною только ночью.

Сосѣди слушали его съ изумленіемъ; инокшорые перемигивались, выпячивая щеку языкомъ, и сомнишельно усмѣхались; да и самъ важный человекъ въ оспроугольной шляпѣ, возвратившійся на сцену, когда опасность миновалась, пошчерявъ важное выраженіе своей физиономіи, улыбнулся, кивнулъ головою — и, слѣдуя ему, кивнулъ каждый изъ общешва въ свою очередь.

Рѣшено было однако жъ, узнать мнѣніе стараго Пешера Фандердонка, которій показался вдали по дорогѣ, и пошхоньку пошдвигался къ народу. Онъ былъ пошмонокъ Ишпорика сего же имени, которій писалъ о первѣйшихъ происшествіяхъ области. Пешерь былъ старѣйшій, обшпатель селенія, и

швердо зналъ всѣ происшествія и преданія околоска; онъ узналъ Рипа съ разу, и подтвердилъ его исторію самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Онъ удостоверилъ все общество, что это была истина; что горы Капскихъ обитаемы чудными существами; что нельзя сомнѣваться въ истинѣ преданія, которое говоришь (*), что духъ великаго Генриха Гудсона, перваго обрѣшателя рѣки и страны сей, каждыя двадцать лѣтъ, въ полнолуніе, содержишь въ горахъ, съ экипажемъ своего судна родъ спражи, имѣя позволеніе посѣщать мѣста своихъ онкрышій и наблюдашь попечительнымъ окомъ за рѣкою и великимъ городомъ, названнымъ по его имени; что отецъ его Фандердонка видѣлъ однажды Гудсона и его людей, въ спаринныхъ Голландскихъ плащяхъ, играющихъ въ кегли въ горной долині; и что самъ онъ, Фандердонкъ, слышалъ однимъ лѣтнимъ вечеромъ, казанье шаровъ, совершенно похожее на дальній громъ.

Обсудивъ Рипово похождение со всѣхъ сторонъ, собраніе разошлось, и возвратилось къ важнѣйшимъ занятіямъ выборовъ. — Рипова дочь взяла къ себѣ опца на жишье;

(*) Преданіе повторено въ обществѣ людей, по видимому, склонныхъ къ суевѣрію.

у нее былъ укромный и заводный домикъ, а въ мужъ ея Рипъ узналъ одного изъ тѣхъ маленькихъ проказниковъ, которые чаще всѣхъ карабкались къ нему на закоршочки. Что жъ до Рипова сына и наследника, словно вылипаго въ башюнику, и о кошоромъ сказано было выше, какъ онъ лежалъ подъ деревомъ, онъ хопя и обрабатывалъ у сепры своей землю, но получилъ въ наследство опъ опца своего то же расположеніе, работашъ на всѣхъ, кромѣ себя.

Рипъ принялся опянь за спарыя прогулки и привычки; вскорѣ нашель многихъ спарыхъ друзей, но уже извешшавшихъ и обиженныхъ временемъ, а пошому онъ преимущественнѣе дружилъ съ людьми новаго поколѣнія, у котораго вскорѣ пріобрѣлъ большую довѣренность. —

Не дѣлая ничего дома, и достигши тѣхъ лѣтъ, когда можно дѣлать все невозбранно, онъ завоевалъ себѣ мѣспечко на скамѣ у пракширныхъ дверей, и былъ почитаемъ за старшаго въ селеніи и живую хроникою давнихъ временъ прежде войны. Много однако же времени прошло, пока онъ могъ принять участіе въ общихъ занятіямъ и разговорахъ: шакъ они были чужды его понятиямъ, неслѣдовавшимъ общему ходу вещей, въ продолженіе его долгаго усыпленія. Какимъ

образомъ возгорѣлась война, посредствомъ которой Америка сдѣлалась независимой отъ старой Англіи, и какъ онъ, вмѣсто подданнаго Королю Георгію III, сталъ называться гражданиномъ Соединенныхъ Штатовъ: — объ этомъ Рипъ не много разсуждалъ. Такіе перемѣны въ гражданскихъ обществахъ мало дѣйствовали на его политическія понятія; одинъ только родъ управленія, на которое онъ долго ропсалъ, было женою владычество, и то по счастью, уже кончилось; онъ освободился отъ ярма супружества, и могъ гулять свободно, гдѣ ему хотѣлось, не боясь грозы отъ Госпожи Фанъ-Винкль. Когда вспоминали при немъ ея имя, онъ, по старой привычкѣ, кивалъ головою, пожималъ плечами и косилъ глаза; одни считали это выраженіемъ покорности судьбѣ своей; другимъ казалось, что это была радость объ освобожденіи. —

Онъ разсказывалъ исторію свою каждому иностранцу, посѣщавшему практику Дулилля. Сначала перемѣнялъ каждый разъ нѣкоторыя обстоятельства въ этомъ походе: можешь быть отъ этого, что былъ еще съ просонья; наконецъ основался на томъ что передано въ этой повѣсти, и что знали наизусть всѣ жители, бабы, и дѣти въ окрестности. Нѣкоторые сомнѣ-

вались въ справедливости происшествія, утверждая, что Рипъ сумасшедшій, и помышлялъ именно на этомъ предметѣ, однако жъ всѣ Голландскіе колонисты вѣрили по му отъ чистаго сердца, по свойственному прослоюдинамъ легковѣрію.

Съ Англійскаго Н. Б.

II.

С Л О В Е С Н О С Т Ъ .

Нѣсколько мыслей о Поэзій.

(Отрывокъ изъ письма къ Н. Н.)

Споръ о романтической и классической Поэзійхъ давно уже занимаетъ всю просвѣщенную Европу, а недавно начался и у насъ. Жаръ, съ которымъ споръ сей продолжается, не только отъ времени не протѣываетъ, но еще болѣе и болѣе увеличивается. Не смотря однако жъ на это, ни Романтики, ни Классики не могутъ похвалиться побѣдою. Причины сему, мнѣ кажется, тѣ, что объ споры спорять, какъ обыкновенно случается, болѣе о словахъ, нежели о существѣ предмета, придають

слишкомъ много важности формамъ , и что на самомъ дѣлѣ нѣтъ ни классической , ни романтической Поэзіи , а была , есть и будетъ одна истинная , самобытная Поэзія , кою правила всегда были и будутъ одни и тѣ же.

Присупимъ къ дѣлу.

Въ средніе вѣки , когда заря просвѣщенія уже начинала занимать въ Европѣ , нѣкоторые ученые люди , избранныхъ ими Авторъ для чтенія въ классахъ и образца ученикамъ , назвали классическими , т. е. образцовыми. Такимъ образомъ , Гомеръ , Софокль , Вергилій , Гораций и другіе древніе Поэты наименованы Поэтами классическими. Училиши и ученики ошъ души вѣрили , что только слѣдно подражанію Древнимъ и въ формахъ и въ духѣ Поэзіи ихъ , можно достигнуть до той высоты , до кою они достигли , и сіе-то несчастное предубѣжденіе , сдѣлавшееся общимъ , было причиною ничтожности произведеній бѣльшей части новѣйшихъ Поэтовъ. Образцовыя шворенія древнихъ , долженствовашія служить только поощреніемъ для Поэтовъ нашего времени , замѣняли у нихъ самыя идеалы Поэзіи. Подражатели никогда не могли сравниться съ образцами , и кромѣ того они сами лишали себя силъ своихъ и оригинальности ,

а если и производили что либо превосходящее , то , такъ сказать , случайно , и всегда почти только тогда , когда предметы швореній ихъ взяты были изъ Древней Исторіи , и преимущественно изъ Греческой , ибо цупь подражаніе древнему замѣняло изученіе духа времени , просвѣщеніе вѣка ; гражданственности и мѣстности страны того событія , кою Поэтъ желалъ представить въ своемъ сочиненіи. Вотъ почему Метропъ , Эсфиръ , Митридатъ и нѣкоторые другіе шворенія Расина ; Корнеля и Вольтера превосходны. Вотъ , почему все швореніе сихъ же или другихъ Писателей , предметы швореній которыхъ почерпнуты изъ новѣйшей Исторіи , а вылиты въ формы древней Драмы , почти всегда далеки совершенства.

Наименованіе Классиками безъ различія нѣкоторыхъ древнихъ Поэтовъ неодинаковаго достоинства , принесло ошущительный вредъ новѣйшей Поэзіи , и понынѣ служитъ одною изъ главнѣйшихъ причинъ сбивчивости понятій нашихъ о Поэзіи вообще , о Поэтахъ въ особенностіи. Мы часто ставимъ на одну доску Поэша оригинальнаго съ подражателемъ : Гомера съ Вергиліемъ , Эшила съ Вольтеромъ. Опутавъ себя веригами чужихъ мнѣній , и обезкрививъ подражаніемъ генія Поэзіи , мы влеклись къ той цѣли , кою указывала намъ ферула

Аристошеля и бездарныхъ его послѣдова-
телей. Одна только необычайная сила генія
изрѣдка прокладывала себѣ новый путь, и
облекая цѣль, указанную педантами, рвалась
къ собственному идеалу. Когда же явилось
нѣсколько шаковыхъ Поэшовъ, которые, слѣ-
дуя внушенію своего генія, не подражая ни
духу, ни формамъ древней Поэзіи, подарили
Европу своими оригинальными произведеніи-
ми, тогда потребовалось классическую Поэ-
зію отличить отъ новѣйшей, и Нѣмцы на-
звали сію послѣднюю Поэзією романтической,
вмѣсто того, чтобъ назвать просто новою
Поэзією. Дантъ, Тассъ, Шекспиръ, Аріостъ,
Кальдеронъ, Шиллеръ, Гёте наименованы
Романшиками. Къ сему прибавить должно,
что самое названіе романтической взято
изъ того нарѣчія, на которомъ явились пер-
вые оригинальные произведенія Трубадуровъ.
Сии пѣвцы не подражали и не могли подра-
жать Древнимъ, ибо тогда уже, отъ смѣше-
нія съ разными варварскими языками, языкъ
Греческій былъ искаженъ, Латинскій развѣ-
щився, и Литература обоихъ сдѣлалась
мертвою для народовъ Европы. Такимъ об-
разомъ Поэзією романтической назвали По-
эзію оригинальную, самобытную, а въ эпичесъ
смыслъ Гомеръ, Эсхилъ, Пиндаръ, словомъ
всѣ лучшіе Греческіе Поэты — Романшики,

равно какъ и превосходившія произведенія
новѣйшихъ Поэшовъ, написанныя по прави-
ламъ древнихъ, но предметы коихъ взяты
изъ древней Истории, суть произведенія ро-
мантическія, хотя ни стѣхъ, ни другихъ и не
признають шаковыми. Изъ всего вышеска-
заннаго не выходитъ ли, что ни романши-
ческой, ни классической Поэзіи не суще-
ствуетъ? Истинная Поэзія въ существѣ
своемъ всегда была одна и та же, равно
какъ и правила оной. Она различается толь-
ко по существу и формамъ, которыя въ
разныхъ вѣкахъ приданы ей духомъ времени,
степеню просвѣщенія и мѣстностію той
страны, гдѣ она появлялась. Вообще можно
раздѣлить Поэзію на древнюю и новую. Это
будетъ основательнѣе. Наша Поэзія болѣе
содержательная, нежели вещественная: вошь
почему у насъ болѣе мыслей, у древнихъ бо-
лѣ картинъ; у насъ болѣе общаго, у нихъ
частности. Новая Поэзія имѣетъ еще свои
подраздѣленія, смотря по понятіямъ и духу
вѣковъ, въ коихъ появлялись ея геніи. Тако-
вы: Divina Comedia Данта, чародѣйство въ
Поэмѣ Тасса, Мильдонъ, Клопштокъ съ
своими высокими религіозными понятіями,
и наконецъ въ наше время Поэмы и Траге-
діи Шиллера, Гёте и особенно Байрона, въ
коихъ живописуются страсти людей, ихъ

срокровенныя побужденія, вѣчная борьба страстей съ шайнымъ стремленіемъ къ чему-то высокому, къ чему-то безконечному.

Я сказалъ выше, что формамъ Поэзіи вообще придають слишкомъ много важности. Это также важная причина сбивчивости понятій нашего времени о Поэзіи вообще. Тѣ, которые почищаютъ себя Класиками, пребываютъ слѣпаго подражанія Древнимъ, и утверждаютъ, что всякое отступленіе отъ формъ ихъ есть непростительная ошибка. Напримѣръ, при единствѣ въ сочиненіи драматическомъ у нихъ есть непремѣнный законъ, нарушеніе коего ничѣмъ не можешь быть оправдано. Романики напротивъ, ошвергая сіе условіе, какъ стѣсняющее свободу генія, полагають достаточнымъ для Драмъ единство цѣли. Романики въ этомъ случаѣ имѣють нѣкопное основаніе. Формы древней Драмъ, почти какъ формы древнихъ Республикъ, намъ не въ пору. Для Аѳинъ, для Спарты и другихъ Республикъ древняго міра чистое народоправленіе было удобно, ибо въ ономъ все граждане безъ изысканія могли участвовать. И сія форма правленія ихъ не нарочно была выдуманна, не насильно введена, а происпекла изъ природы вещей, была необходимостью того положенія, въ какомъ находились тогда гражд-

данскія общества. Точно такимъ же образомъ три единства Греческой Драмъ въ ихъ твореніяхъ, гдѣ оныя встрѣчаются, не избрѣнены нарочно древними Поэтами, а были естественнымъ послѣдствіемъ существа предметовъ ихъ твореній: Все починдвѣнія происходили тогда въ одномъ городѣ, или въ одномъ мѣстѣ; это самое опредѣляло и быспрошу и единство дѣйствія. Многолюдность и неизмѣримость Государствъ новыхъ, степень просвѣщенія народовъ, духъ времени, словомъ, все физическія и нравственныя обстоятельствова новаго міра опредѣляютъ и въ Полицикъ и въ Поэзіи поприще, болѣе обширное. Въ Драмъ три единства уже не должны и не могутъ быть для насъ непремѣннымъ закономъ, ибо театромъ дѣяній нашихъ служить не одинъ городъ, а все Государство, и по болѣеи часи такъ, что въ одномъ мѣстѣ бываешь начало дѣянія, въ другомъ продолженіе, а въ иршемъ видяшь конецъ его. Я не хочу эшимъ сказать, что мы вовсе должны изгнать три единствя изъ Драмъ своихъ. Когда событіе, которое Поэтъ хочеть предспаивить въ своемъ твореніи, безъ всякихъ усилій вливается въ формы древней Драмъ, то разумѣется, что и три единства не только тогда не лишнее, но иногда даже необходи-

мое условіе. Нарочно только не надобно искажать историческаго событія для соблюденія прехъ единствъ, ибо въ семь случаевъ всякая вѣроятность нарушается. Въ такомъ бышу нашихъ гражданскихъ обществъ, намъ остается полная свобода, смотря по свойству предмета, соблюдаши при единствѣ, или довольствоваться однимъ, ш. е. единствомъ происшествія или цѣли. Это освобождаетъ насъ отъ веригъ, наложенныхъ на Поэзію Аристотелемъ. Замѣшимъ однако жъ, что свобода сія, точно какъ наша гражданская свобода, налагаетъ на насъ обязанно сти труднѣйшія шѣхъ, которыхъ пребывали отъ древнихъ при единствѣ. Труднѣе соединишь въ одно цѣлое разныя происшествія такъ, чтобы они гармонировали въ стремленіи къ цѣли и составляли совершенную Дразу, нежели написать Дразу съ соблюденіемъ прехъ единствъ, разумѣется, съ предметами, равномерно благодарными. Много также вредитъ Поэзіи суешное желаніе сдѣлать опредѣленіе оной, и мнѣ кажется, что шъ справедливы, которые утверждаютъ, что Поэзіи вообще не должно опредѣлять. По крайней мѣрѣ, по сю пору никто еще не опредѣлялъ ея удовлетворительнымъ образомъ: всѣ опредѣленія были или частныя, относящіяся до Поэзіи какого нибудь вѣка, какого

нибудь народа или Поэта, или общія со всеми Словесными Науками, какъ Ансильоново (*). Идеаль Поэзіи, какъ идеалы всѣхъ другихъ предметовъ, которые духъ человѣческой спремится объять, безконечны и не достигимы, а потому и опредѣленіе Поэзіи невозможно, да, мнѣ кажется, и бесполезно. Если бы было можно опредѣлить, что такое Поэзія, то можно бы было достигнуть и до высочайшаго идеала оной, а когда бы въ какомъ нибудь вѣкѣ достигли до него,

(*) По мнѣнію Ансильона: „Поэзія есть сила выражать идеи посредствомъ слова, или свободная сила представлять, помощію языка, безконечное подъ формами конечными и опредѣленными, которые бы въ гармонической дѣятельности говорили чувствомъ сообщенію и сужденію.“ — Но сіе опредѣленіе идетъ и къ Философіи, идетъ и ко всѣмъ человѣческимъ знаніямъ, которые выражаются словомъ. Многие также (см. В. Евр. 1825, No 17, стр. 26), соображаясь съ ученіемъ новой Философіи Нѣмецкой, говорятъ, что сущность *романтической* (по нашему истинной) Поэзіи, состоитъ въ стремленіи души къ совершенному, ей самой неизвѣстному, но для нее необходимому стремленію, которое владѣетъ всякимъ чувствомъ истинныхъ Поэтовъ сего рода. Но не въ эпоху ли состоитъ сущность и Философія всѣхъ Изящныхъ Наукъ?

что что бы тогда осталось грядущимъ поколѣніямъ? Куда бы дѣвалось regretium totius?

Великіе труды и превосходныя творенія нѣкоторыхъ древнихъ и новыхъ Поэтовъ должны внушать въ насъ уваженіе къ нимъ; но ошнудь не блгоговѣніе, ибо это противно законамъ чистойшей нравственности, унижаетъ достоинства чловѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ вселяетъ въ него какой-то страхъ, препятствующій приблизиться къ превозносимому Поэту, и даже видѣть въ немъ недосадки. И такъ, будемъ почитать высоко Поэзію, а не жрецовъ ея, и, оставивъ бесполезный споръ о романтизмѣ и классицизмѣ, будемъ стараться уничтожить въ себѣ духъ рабскаго подражанія и, обратясь къ источникъ истинной Поэзіи, употребимъ всѣ усилія осуществить въ своихъ писаніяхъ идеалы высокыхъ чувствъ, мыслей и вѣчныхъ истинъ, всегда близкихъ чловѣку, и всегда недовольно ему извѣстныхъ.

Рылеев.

III.

АНТИКРИТИКА.

I.

О Французско-Россійскомъ Словарѣ, изд. Г. Глазуновымъ. (*)

Всякое новое предпріятіе, хотя и посредственно способствующее успѣхамъ просвѣщенія, заслуживаетъ уже вниманіе и достойно уваженія. Впрочемъ одно это обстоятельство должно ли удерживать насъ отъ справедливой оцѣнки качества подобнаго творенія? — Ни мало; мнѣ кажется, гораздо пріятнѣе увѣриться *дѣйствительно* въ полезности вещи, нежели *безусловно* почитать ее такою. Вотъ отъ чего библиографическая статья, помѣщенная въ III No *Сѣврной Пчелы*, о книгѣ: *Полный Фран-*

(*) Написавшій въ III номерѣ Сѣв. Пч. *объявленіе* о семь Лексиконѣ, Издатель сей Газеты, не считая своихъ мнѣній безошибочными, съ благодарностію принимаетъ основательныя возраженія; но въ семь случаевъ имѣетъ честь замѣтить, что онъ писалъ не рецензію, и послѣ сего возраженія повторять сказанное имъ, что лучшаго Лексикона до сихъ поръ у насъ нѣтъ.

цузско-Россійскій Словарь, сочиненный по 5 изданію Словаря Академіи Французской, изданіе третіе, противу втораго изд. Г. Ст. Сов. И. Татищева исправленное и во многомъ дополненное, намъ показалась нѣсколько неудовлетворительною, и мы надѣемся, что почтенный Сочинитель оной опиюдь не найдешь для себя оскорбительнымъ, ежели мы, будучи относительно доспоиснвъ сей книги не во всемъ съ нимъ согласны, изложимъ о ней откровенно свои мнѣнія.

Одинъ изъ старшихъ нашихъ книгопродавцевъ, Ив. Петр. Глазуновъ, предпринявшій изданіе Словаря сего, безъ всякаго сомнѣнія, заслуживаетъ всю нашу благодарность; но почему, вычисляя рачительно достоинства изданія, не скажешь ни слова о его недостаткахъ, которыхъ весьма много, и припомъ довольно важныхъ? Такая откровенность Рецензента никакъ не послужила бы ко вреду книгъ, но напрошивъ принесла бы существенную ей пользу, доставивъ средство, при повпорительномъ изданіи, обратишь вниманіе на благіе и безпристрастные совѣты. Такъ мы думаемъ, а пошому и скажемъ рѣшительно, что единственное преимущество сего Словаря предъ всеми, ему предшествовавшими, состоитъ —

въ большемъ количествѣ словъ, преимущественно, не совсемъ удовлетворительное и короткое, по мнѣнію нашему, гораздо справедливѣе можно назвать средствомъ, а не цѣлію къ достиженію совершенства при составленіи книгъ такого рода: ибо Словарь, одного языка или нѣсколькихъ не есть простой сборникъ словъ, но точный, вѣрный, ясный истолкователь и объяснитель оныхъ, а пошому оны, нѣкопоримъ образомъ, должны бытъ пвореніемъ полнымъ, систематическимъ. Ежели въ существующіе у насъ иностранные Словари не въ полной мѣрѣ обладаютъ сими качествами, то сей послѣдній Г. Глазунова, будучи въ впомъ отношеніи съ ними совершенно одинаковъ, недалеко оставилъ ихъ за собою, и едва ли чьмъ нибудь лучше другихъ соотвѣтствуетъ своему предназначенію. Но оставимъ въ спорѣ сей, такъ скажешь, общій онаго съ прочими недостаткомъ и посмотримъ, болѣе ли удовлетворителенъ оны въ другихъ отношеніяхъ.

Чувствующіе недостатки первыхъ двухъ изданій Словаря Татищева напрасно спанушь прибѣгать къ помощи сего, такъ называемаго, третьяго; ибо они узнають въ немъ стараго своего знакома, (т. е. послѣднее изданіе Словаря Стат. Сов. И. П. Тати-

щевс, М. 1816), отъ слова до слова перепечатаннаго, и даже со всеми его ошибками, недосмотрами, грамматическими и типографическими неисправностями: *одинъ взглядъ достаточенъ къ совершенной въ томъ увѣренности.* Не буда впрочемъ, по крайней мѣрѣ для насъ, людей постороннихъ, что Словарь Г. Ташицева переписанъ: онъ заслуживаетъ такое предпочтеніе; но почему, при перепискѣ, не избгали его ошибокъ, не поправили недосмотровъ и безпрекословно вѣрили Г. Ташицеву въ шакихъ вещахъ, въ которыхъ и самъ онъ, конечно, не могъ оцѣнить вѣрнаго себѣ оцѣта? — Возьмемъ для примѣра *техническіе термины* (вообще всѣхъ родовъ), которые, безъ сомнѣнія, составляютъ часть Словаря довольно важную, пребывающую точности и вниманія: — они всѣ перепечатаны здѣсь безъ малѣйшей погрѣшки и съ значительными неисправностями, а особливо *термины ботаническіе*, втроленно заимствованные Г-мъ Ташицевымъ изъ Ботаническаго Словаря и часто *Латинскіе*, не получившіе во Француз. языкъ никакого права на гражданство. Но Г-ну Ташицеву, не имѣвшему гововыхъ матеріаловъ въ пакомъ совершенствѣ, въ какомъ оныя находятъ нынѣ, руководствовавшемуся болѣе собственными прудами и, смѣло скажемъ,

желаніемъ общей пользы, простительными подобными упущеніями; — жаль, очень жаль, что, боясь пристрастія, мы не рѣшимся сказать здѣсь того же самаго и въ оправданіе Словаря Г-на Глазунова.

Таковъ недостатокъ Словаря сего въ отношеніи къ той части его состава, которая принадлежитъ собственно Г-ну Ташицеву. Что же касается до сдѣланнаго къ нему вновь прибавленія (*), то оное, своею непочтностію въ переводѣ словъ (во многихъ случаяхъ), отчасти совершенною неправильностію и превращенностію смысла, ощутительно усупая въ достоинствѣ *старому заимствованному*, вовсе не удовлетворяетъ требованію, которое всякій въ правѣ имѣть при руководствѣ книгою такого рода. Да и предисловіе Издашеля, украшенное авторитетомъ Словаря Боаснова, вопреки намѣренію, съ которымъ писано, ни мало не придаетъ цѣны сему изданію, а напротивъ заставляетъ насъ сожалѣть, не столько о напрасномъ употребленіи здѣсь имени сего Филолога, сколько о томъ, что при поподненіи и исправленіи сего Словаря недоспадно руководствовались знаменитымъ его твореніемъ.

(*) Говорятъ, будто оно составлено болѣе нежели изъ 1800 страницъ мелкой печати. *Сог.*

Сказанное нами мы готовы подтвердить множеством примѣровъ, но опасаясь утомить читателя однообразіемъ, а больше сухостію такого предмета, ограничиваемъ себя только весьма немногими показаніями изъ первой части (*); для пѣхъ же, которые пожелають сдѣлать повѣрку мнѣній нашихъ собственнымъ опытомъ, предоставляемъ себѣ удовольствіе назначить замѣчательнѣйшія страницы.

Стр. 766. Chaulage — приготовленіе съ известкою сѣмянъ для посѣва. Объясненіе, природѣ прошивное; если бы справлялись съ Боасомъ, то сказали бы: моченіе сѣмянъ въ известковой водѣ предъ посѣвомъ, а это маленькая разница оу предвѣдущаго. — Стр. 1022. Хорошая страница! разсмотримъ ее со вниманіемъ. Cardilocarpes — родъ растений. Прекрасное толкованіе! растенія бывають многихъ родовъ, а шунъ сдѣлано бы написать: булавникъ, родъ кресто-

(*) По нашему мнѣнію, эта часть изъ всѣхъ чешырехъ лучшая и самая исправная. Нельзя не удивиться такой спрраниости; работа, вначалѣ пріятная, можетъ быть, въ послѣдствіи показалась скучною: впрочемъ подписавшимся не всѣ части вдругъ выданы, а постепенно одна за другою. Сох.

образныхъ растений. Coré — выписано изъ Ташица, который сдѣлалъ ошибку, ибо должно писать не coré, а corée, и выспавивъ, какъ у Боаспа, два значенія сего слова. Corégones — родъ рыбъ. Опять родъ; смѣемъ спросить, какой? Coréope и Coréopsis — первое сдѣлало бы послѣдствіе во множествѣ числѣ, а послѣднее вовсе не Французское слово, а Лашинское, помѣщенное у Ташицева неправильно, и сюда переселенное безъ поправки. Cori — необьяснено, и даже сказано: „изъ растений Евфорбій,“ когда извѣстно, что euphorbe по Русски молочай. Coriaire — что можно употребить на кожевиномъ заводѣ. Забавное объясненіе! На этомъ заводѣ употребляются многія вещи, а Словарь не книга Сивиллы: почему бы не намѣкнуть здѣсь прямо о дубильной коркѣ? Замѣшимъ къшаши, что такого рода загадочные переводы словъ вспрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ; спрашивается: годятся ли они для Лексикона? — Coridale — здѣсь ссылака на Fumeterre, и ссылака неправильная; ибо fumeterre (дымянка) соспавляетъ особый родъ оу corid le, который извѣстенъ подъ названіемъ клубучника.

Стр. 1028. Coriua — морская рыба, похожая на веселую или бѣшеную рыбу. Это объясненіе годится подъ пару къ по-

добнымъ предъидущимъ, хотя и весьма оригинально. *Cornu-copia*, слово Латинское, взято у Ташицева, который его испортилъ, а у Боасша его нѣтъ. Непосредственно за симъ слѣдовало бы поставишь слово *Cornide* — оно пропущено, ѣакакъ какъ и многія другія, весьма легкія для перевода и находящіяся у Боасша; но и ихъ нѣтъ. Доказательство невниманія, съ какимъ руководствовались Словаремъ сего Автора, и какъ неоспорочно списанъ Словарь Г. Ташицева! — Стр. 1090. *Cousin, cousine* и *cousin*. Что за подраздѣленія въ словахъ *cousin* и *cousine*? Къ чему дѣлать изъ нихъ два слова, и почему въ такомъ случаѣ *cousin* (комарь) не предшествуетъ слову *cousine* (двоюродная сестра)? — Знакъ, что не согласовались съ Боасшомъ, и это тѣмъ очевиднѣе, что *cousson* и *coustillier* вовсе пропущены, такъ точно, какъ *coutel* не переведено: вѣрно отъ того, что и у Ташицева оно безъ перевода. — Стр. 1098. *Coyers* — здѣсь ссылка на *coier*. Вотъ новое и довольно разительное свидѣтельство, какъ мало справлялись съ Боасшомъ: въ противномъ случаѣ, не написали бы *coyers*, а *coyer*, перевели бы два разныхъ значенія словъ сихъ, у него поставленные, и не сослались бы ошибочно на *coier*, такъ какъ это сдѣлано у Ташицева, гдѣ по же

значеніе, что и здѣсь, но неправильное. *Crabe* — животное морское, паукомъ называемое — родъ рака и т. д. Что за чудо? паукъ изъ рода раковъ! Откуда взяли Гг. пополнители Словаря сего такое объясненіе? У Боасша оно совсѣмъ иначе; у него нѣтъ ни *морскихъ пауковъ*, ни *заятичныхъ пауковъ* и проч., переведенныхъ сюда, какъ жется, съ 510 стр. Слов. Ташицева. Боасшъ ссылается на Латинское слово *cancer* (ракъ), что видно изъ опредѣленія, на стр. 339, ч. 1-й Словаря его, *crustacée*, къ коему принадлежатъ раки, а паукъ составляетъ особый классъ, называемый *arachnoides*; отъ того слово *crabe* слѣдовало бы перевести просто: *морской ракъ*. Вслѣдъ за симъ, у Боасша поставлено *crabe* — *Американское дерево*; его вовсе нѣтъ въ нашемъ Лексиконѣ; за то есть *crabier*, обнаруживающее, что одна ошибка влечетъ за собою другую: ежели бы знали, что Боасшъ разумѣетъ подъ предъидущимъ словомъ *crabe*, то *crabier* по Русски не означало бы *рачника, Американской цапли, питающейся морскими пауками*, какъ здѣсь написано. Слова: *crabiles* (окаменѣлыя раки) и *crabrons* (шершень) пропущены, конечно, по незнанію значенія оныхъ, или потому, что Ташицевъ, вѣроятно, не имѣя Боасша, не могъ у себя ихъ встрѣишь. Но

довольно! Оканчиваемъ наши показанія еще только однимъ замѣчаніемъ. Спрашивается: почему не удостоили *Боаста* равной чести съ *Г. Татищевымъ*, и не заимствовали у него множеству такихъ словъ, которыхъ недостаетъ у послѣдняго, и которыхъ однако же весьма употребительны, для всякаго Словаря важны, а примомъ и для перевода ни мало не трудны? Для примѣра укажемъ только на одну, вышепомянутую нами 339 стр. Словаря его, которая могла бы доставить цѣлыхъ двѣнадцать новыхъ словъ, а именно: *couvre-plat, covenant, covenanteur, co-verse, corcalum, coxal, crab, crabe, crabites, crabrons, crabronites* и *crachat* (послѣднее въ значеніи орденской звѣзды). Воистинное очевидное свидѣтельство того невниманія, съ какимъ руководствовались Словаремъ сего Писателя!

Замѣчательнѣйшія страницы: Ч. 2, стр. 101—2—3, 377—8, 380, 388, 394, 675—6, 721, 724, 726, 926, 1077 и м. д.; Ч. 3, стр. 25, 42, 46, 78, 123—4, 299, 478—9, 481—2—3—4, 567, 569, 573, 825, 827, 903, 907 и м. д.; Ч. 4, стр. 238—9, 464, 564, 646, 758, 834, 970 и м. д.

И такъ, воистинное достоинство Словаря *Г. Глазунова!* Не споримъ, что пріятнѣе сіе похвально, даже достойно ува-

женія; но исполненіе оного такъ еще несовершенно, такъ мало удовлетворительно при настоящемъ отношеніи нашей Имперіи къ Французской, что мы, вопреки мнѣнію Сочинителя упомянутой нами библіографической статьи, не только не назовемъ сего изданія *единственнымъ у насъ въ своемъ родѣ твореніемъ*, но напротивъ должны рѣшительно объявить, что у насъ еще нѣтъ хорошаго, во всякъ часъхъ поднаго и совершеннаго Французскаго Лексикона.... Читатели конечно будутъ согласны, что мы, послѣ того, что сказали, имѣемъ все право на такое объявленіе, и примомъ не безъ доказательствъ. Правда, самъ Издашитель говоритъ намъ въ Предисловіи, что, *не смотря на всѣ употребленныя старанія, издѣніе (!?) и время для содѣланія сего новаго Словаря (?) сколько возможно полнымъ и исправнымъ, нельзя ласкаться надеждою, чтобы не изшло въ немъ еще нѣкоторыхъ недостатковъ и несовершенствъ; но что въ семъ надѣется (онъ) на снисхожденіе.... особенно тѣхъ, кои довольное имѣютъ понятіе о многотрудномъ дѣлѣ составляющихъ Лексиконъ.* Но на это скажемъ ему, что мы не говорили о нѣкоторыхъ только его недостаткахъ, а имѣли въ виду изъ нихъ одни важныя; и

не виноваты, если их нашлось много; знаем также, что *составлять вновь Лексиконы* дѣло весьма *многотрудное*, но списывать *готовое* и при избыткѣ въ матеріалахъ дѣлать *къ нему* дополненіе — *совсѣмъ не трудно*, особенно когда позволяешь время, какъ-то случилось съ нашимъ Лексикономъ. За то въ послѣднемъ случаѣ менѣе проспихательны ошибки, и болѣе за нихъ възыскательности. Намъ оспасаеся еще прибавить, что мы почти бы себя счастливыми, когда бы благонамѣренныя замѣчанія наши послужили въ пользу, и оправдались въ послѣдствіи на самомъ дѣлѣ. Между тѣмъ однако же, говоря откровенно, должны признаться, въ заключеніе, что исполненія сей надежды, для пользы общей, скорѣе всего можемъ ожидать отъ самого Г. Ташицева: его обширныя филологическія свѣдѣнія неоспоримо доказанныя, долговременныя по сей части упражненія и опытность, ругающіяся въ непремѣнномъ успѣхѣ. Весьма желательна, чтобы онъ обратился на сіе вниманіе, и подарилъ насъ книгою, которую справедливо можно было бы назвать *единственными въ своемъ родѣ твореніемъ*.

Москва.

В.

Мое послѣднее слово къ Господину С.

Долго продолжалось ваше безмолвіе! (*) Наконецъ вы онкликнулись мнѣ въ XX кн. С. О., съ обыкновенною своею привѣтливостію — радуюсь вашему появленію. Только знаете ли что? причина долговременнаго молчанія вашего очевидна: это хищность побѣжденнаго Рецензента, который жертвуетъ всякою разборчивостію при выборѣ средствъ къ своему защищенію. Но не въ понадь, М. Г., эта уловка! Я васъ понимаю, а потому, не входя въ дальнѣйшія изъясненія, долгомъ считаю объявить, что прекращаю съ моей стороны всякіе съ вами споры, и это ради слѣдующихъ причинъ: *Первое*. Вы избрали *нелитературный способъ защиты*, предоставивъ себѣ право произвольно толковать слова мои. Опъ чего, напримѣръ, вздумалось вамъ утверждать, будто я сказалъ, что *Художникъ творитъ безусловно свою идею*

(*) Долгомъ поставляемъ замѣтить, что мы, Издатели Сына Отечества, одни виновны въ семь замедленій. Опъзвъль Г. С. былъ написанъ и доставленъ намъ давно: мы не могли напечатать снаго ранѣе, по недоспапкку мѣсна. И. Г., О. Б.

красоты, и какое мѣсто спашьи моей подало вамъ поводъ на такое обвиненіе? Никто, прочитавъ спашью мою въ XVI кн. С. О., не сдѣлалъ бы такого *антилогическаго* о ней заключенія. Сюда же принадлежить и учиненное вами полкованіе смысла одного изъ моихъ періодовъ, выписаннаго въ спашь вачей опъ слова до слова: при этомъ случаѣ вы, конечно, забыли извѣстное правило, что *последующая* часть періода всегда естъ слѣдствіе или причина *предыдущей*, а, кажется, я спарался вамъ о семъ напомнить, хотя посильно, *знаками* препинанія.

Второе. Ежели бы я захотѣлъ прилежно слѣдовать за страннымъ *сцѣпленіемъ* вашихъ идей и умозаключеній, *во* все неумѣстныхъ и *неидущихъ* къ дѣлу, и *опровергать* притомъ ошибочныя понятія ваши о многихъ предметахъ; то мнѣ пришлось бы написать нѣсколько *толстыхъ* фоліантовъ; на это нужно время, а я дорожу имъ. Такъ въ последней спашь своей, вы принимаете *воображеніе* за одно съ *фантазією* или *творческимъ даромъ* Художника; смѣшиваете красоту *относительную* или понятіе о красотѣ *мѣстное*, съ *красотою общією* или съ тѣмъ, что мы называемъ въ Искусствахъ *изящнымъ*; полкуете нексшаци и превращаю о формахъ,

какъ о *законахъ въ мѣрѣ умственномъ* (умозрительномъ?); осязаете *разумніемъ*, ощущаете *слухомъ* и, что всего важнѣе, неосторожно приводите слова мои о *формѣ* вообще въ *Изящныхъ Искусствахъ*, и такимъ *прошиворѣчіемъ* сами же уничтожаете все, прилежно вами выведенное, изъ прикинушаго мнѣ положенія: *Художникъ творитъ безусловно свою идею красоты!*

Третье. Я достигъ своей *цѣли*: на замѣчанія мои, опносительно опзыва вашего объ *опрывкѣ* изъ Тассова Иерусалима Г. Раича, вы не рѣшились сдѣлать мнѣ ни одного возраженія, основаннаго на *доказательствахъ*; — слѣдовательно вы сознали въ своей несправедливости, и я хорошо сдѣлалъ, что напомнилъ вамъ объ оной.

Четвертое. Объ спашьи свои *прошивъ* меня вы называете *отвѣтами*; но въ нихъ нѣтъ ни одного слова, кошорое давало бы имъ право на такое названіе. *Господствующія* же въ оныхъ *сбивчивость* понятій, спараніе *зашемнить* существо самаго дѣла и характеръ *безопчетности*, гораздо справедливѣе дають мнѣ поводъ думать, что вы желаете чему нибудь у меня *понаучиться*. Желаніе, конечно, похвальное; но я не имѣю охоты бытъ вашимъ *учителемъ*; довольно съ васъ и того, что я уже сказалъ: *можетъ*

быть, вы и из этого извлечете для себя пользу.

Наконец еще замѣчаніе. Напрасно думаете, будто я намѣками и догадками хотѣлъ дать знать, что вы мнѣ не безызвѣстны; смѣю, М. Г., увѣрить васъ въ противномъ. Смотри на Крипнику съ возвышенной точки зрѣнія, я никогда не употреблю ея орудіемъ личнаго приписанія, и пишу болѣе въ отношеніи лица, мнѣ неизвѣстнаго. Для меня все равно, Господинъ С..., кто бы вы ни были: подпиши настоящаго имени не придава бы вѣсу вашимъ мнѣніямъ, а я прошивъ ихъ только и вооружаюсь. Что же касается до тона бесѣдъ моихъ съ вами, то въ этомъ случаѣ, напомнивъ вамъ Лашинское *Smith critique*, я совершенно сформировался съ собственною вашею манерою изъясняться, которой образчики вы явили мнѣ въ Свѣрной Пчелѣ и въ двухъ книжкахъ Сына Ошечества.

В.

Москва.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

О СОСТОЯНІИ ГРЕКОВЪ.

(Переведено сокращенно изъ Rev. Encyclop.)

Каково теперь и каково будешь впредь Правленіе Греціи? Въсь вопросы, безпрестанно возникающіе въ Европѣ. По моему, пусть пропущенъ самый важнѣйшій. Будешь ли у Грековъ Правленіе, и какъ успѣешь они его устроить? Зао, неразлучное со всякимъ переворотомъ, есть разрушеніе машины Правленія, и содѣланіе всякаго послушанія невозможнымъ. Когда народъ разрываетъ цѣпи чужеземныхъ угнетителей — по дѣйствительная сила находилась пока только въ народѣ, который ихъ разорвалъ. Когда Султаны правили Греціею, силы Грековъ удерживаемы были Турецкимъ войскомъ; но чтобы управлять Греціею Греческими силами, такимъ образомъ, чтобы ихъ шало и на покореніе гражданъ власши и на защиту ошечества, должно управлять ею народно; развѣ обстоятельствомъ Греціи совершенно переменить какая нибудь чуждая власшь. Теперешнее же Правительство Грековъ

есть не что другое, как Совѣтъ папріоновъ, болѣе или менѣе искусныхъ, копорые, разными уловками, спараюшся направишь шѣхъ, копорые произвели возстаніе, или на полезное народу, или на выгодное самимъ себѣ.

Ошпоръ начался въ Греціи ошъ меньшей часпи народа, привычной къ оружію, къ опасности, и державшей на бишву. Вошь, гдѣ находилась сила; вошь, гдѣ должно прежде всего основаться Правительство. Въ нѣкошорыхъ нагорныхъ областяхъ, способныхъ къ засадамъ, всѣ жипели привычны къ оружію. Каждый умбешъ шамъ владѣшь заспуномъ и винчовкою; каждый зналъ, что онъ тогда нолько могъ названъ свою ниву, хижину, жену своею, когда умѣлъ защищать оныя. Такъ образовались Сульшны, Маньшны, Спашішны, посреди геройскихъ боевъ и равенства. Правленіе сихъ удѣловъ было въ рукахъ вооруженнаго поколѣнія, и оно не могло бышь индѣ. Другія горы также служили убѣжищемъ ошъ ушѣсенія, но ихъ ущелія, болѣе доступныя, или климашъ болѣе суровый не допускали поспояннаго земледѣлія. Тамъ Клефшы привыкли къ оружію, не знаясь съ пріяшностями домашней жизни. По-переменно шо герои, шо воины и разбойники, они имѣли вождей, но не имѣли зако-

новъ. Призыванные часто въ Турецкое войско, подъ именемъ *Арматоловъ*, они научились шамъ веспи войну, но не уважашъ правленіе. Между ими-шо образовались люди, шеперь извъспные подъ именемъ Капишановъ. Сіи ошважнѣйшіе защитники Греціи, суть и опаснѣйшіе ея мятежники. Каждый имбешъ свою шайку удалыхъ *паликаровъ*, копорые неразлучны съ его счастьемъ, копорые возносянъ своихъ вождей шакъ, что они могутъ надѣяшь на ихъ преданность, никогда на ихъ покорность. Сіи Капишаны своею чрезвычайною храбростію, спасали нѣсколько разъ Грецію, когда спасеніе казалось вовсе невозможнымъ, но безпрестанно вредяшь ей своимъ соперничествомъ, непослушаніемъ, грабежемъ, всѣми неправдами, копорымъ предаюшся.

Съ другой стороны, на островахъ Идрѣ, Спеціи и Иисартѣ, небольшое число семействъ, обогатилось шорговлею. Они владѣли кораблями, они давали способы жизни мапросамъ, и при Туркахъ, имѣли почти владычество. Они удержали его за собою и во время возстанія, копорому давали ходъ. Довѣріе къ нимъ огромно, какъ ихъ богатства. Однако же они не повельваюшь. — Ваддингшонъ увѣряешъ, что въ Греческомъ флотѣ онъ не могъ замѣнить никакой чиношепенности. Правда, Ад-

мираль имѣлъ именно командованіе, но у него не было почти никакого средства заславить себя слушашься, и Адмираль сей принадлежишь не Греціи, а армашорамъ съ Идры и Спеціи. Ипсара уже покорена и покинуша.

Наконецъ еще кой-какія власишь находилъ въ рукахъ Примашовъ. Ими Примашовъ даешся во всей Греціи начальникамъ народа, съ кошорыми сперва Турки имѣли дѣло, и кошорыхъ часто обращали они въ орудія угнетенія бѣдныхъ за извѣстныя преимуществва. Но почти повсюду по твердой землѣ, Примашы шеперь обобраяная знать. — Возстаніе посреди народа земледѣльческаго и робкаго всыхнуло противъ ихъ воли по призванію Епископовъ; но Епископы вообще не могли ими предводительствовашь. Ихъ отряды предавалися часто пустому страху, и не разъ это вводило въ гибель Грецію. Тогда явились Клефшы; Капитаны. Они научили, какъ битъ Турокъ. Ихъ храбрость привлекала народъ, и одушевляла его во время опасности. Такимъ-то образомъ успроилось отраженіе Турокъ, хотя у Греціи нѣшь ни флота, ибо корабли ея принадлежатъ армашорамъ, ни войска, ибо ея солдаты принадлежатъ Капитанамъ, ни правленія (въ нашемъ смыслѣ) ибо ея вожди совѣщуютъ и не повелѣваютъ. Сколь же несправед-

ливо укорять сихъ вождей въ ошибкахъ, въ насиліяхъ, даже въ злодѣйствахъ (каково напр. побоище Турокъ въ Аѣинахъ), запящавшихъ возстаніе. Они удерживаютъ, укрощаютъ, но не могутъ наказывашь. — Они имѣютъ еще большую заслугу, что не покидаютъ въ бѣдѣ виновныхъ и осужденныхъ ими согражданъ.

Къ счастью, Греческая нація чувствуетъ, что ей надобно чего-то послѣднѣе совѣтниковъ. Она желаетъ правленія, которое бы могло соединить и направить ея усилія. — Но Греки чувствуютъ также, что ихъ положеніе слишкомъ опасно, для надежды на защиту Правительства. Имъ нужно шеперь, чтобы общее дѣло было дѣло каждаго. Имъ нужно помогашь Правленію, какъ они помогаютъ войнѣ, и жертвовашь всеми силами души и шѣла, чтобы существовашь.

Почти во всѣхъ Правленіяхъ существуетъ нѣкоторое бореніе властей и дѣйствительная сила каждой: состояніе Греціи совсемъ противоположно. Тамъ въ народѣ есть все средство къ сопротивленію. Они въ его рукахъ. За то Правительству недостаетъ власишь, заславить себя повиновашься, даже для самой важнѣйшей цѣли: для защиты народной. — Стало бытъ все усилія Грековъ должны стремиться къ тому, чтобы дать своему Правительству правешенную власть,

увлекающую народъ и силу вещественную, которая бы могла при нуждѣ заспавить паршія усунуть общей волю.

Сид физическая сила можетъ найтись только въ земскомъ ополченіи (milices). Только оно можетъ народу и Правительству дать войско, войско, которое не подается ни своимъ честолюбцамъ, ни чужеземнымъ коварствамъ, которое необходимо Правительству для опоры прошиву всѣхъ частныхъ расчешовъ, прошиву всѣхъ личныхъ насильствъ. Спроси Грековъ отвергаютъ земское ополченіе, какъ заведеніе, слишкомъ сильное. — Поселяне въ Греціи не могутъ вообразить отечества за горизонтомъ ихъ зрѣнія. Они ужасаются при мысли, что ихъ заспавляшъ ишии далеко, для защиты мѣстъ или незнакомыхъ, или враждебныхъ — за пусыки. Капшаны чувствуютъ, что устройство земскаго войска лишитъ ихъ прежней важности, и положитъ конецъ ихъ власти и грабешамъ. Паликары смѣются надъ Европейскими приемами, надо всѣмъ, что ново, что не по ихъ, а всего болѣе масса народа отказываешася отъ послушанія. Однако же въ Греціи довольно смышленности, гибкости и ко всему сноровки, чтообъ эша перемена не скоро исполнялась.

Но до устройства этой земщины, нельзя безъ содроганія вздумать объ опасности острововъ. Большая часть изъ нихъ въ Архипелагѣ не имѣетъ ни баштарей для защиты береговъ, ни крѣпости, куда бы жителя могли укрыться, ни одного рашника для опоры. Они надѣются на прикрытіе флота Идры и Спеціи, но удали его въперъ, но раздѣлись Турецкая эскадра на части, побѣди она Грековъ на морѣ — и всѣ островитяне въ волю Капшана-Паши, а воля Капшана-Паши — смерть. — Но всѣ острова были бы въ состояніи защищаться — если бы ополчили свою милицію, выучили ее дѣйствовать по Европейски, и поправили бы замки свои. Одишь Самось при началѣ возстанія сдѣлалъ это, и его шеститысячное земское войско, пріобрѣтшее опытъ на твердой землѣ, часто заспавляло препешашъ софѣднихъ Турокъ. Сира, значительная складка поваровъ, гдѣ всѣ жителя Римскіе Каполики; Тимось и Наксія, гдѣ всѣ разновѣрцы вмѣстѣ, гораздо бы лучше сдѣлали, если бы, примирясь, соединили свои силы въ успроенное войско; ибо расположеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ пользу Турціи не спасетъ ни отъ грабежа, ни отъ убійствъ въ случаѣ высадки. Миконіось, Саншорія, Парось, Папмось открыты первому прихожему; Мешелинъ под-

вержень жестокой войны — рѣшеніе копто-рой намъ неизвѣстно. Кажется, что война Критская кончилась ко вреду Христіанъ, и что Спакионы покорились, но все еще занимають горы. Кипръ и Родось видѣли побоище Грековъ, не битвы — и крѣпости Эвбеи въ рукахъ Турокъ. Кто не видитъ нужды дать болѣе совокупности сопротивленію и невозможности въ шомъ успѣть безъ общей силы? А намъ кажется, что существованіе Правительства въ Греціи зависить отъ учрежденія земскаго войска.

Греческое Правительство хошѣло дать себѣ весь другаго рода — учрежденіемъ нѣсколькихъ баталіоновъ линійныхъ войскъ. Мы опиюдь не хошимъ оспаривать ихъ пользы. Греки пошому только въ шеченіе сполькихъ льшь не взяли крѣпостей, каковы Патрасъ, Лепаншь и города Эвбеи, немогущихъ выдержатъ двухъ недѣль правильной ашаки, что у нихъ нѣтъ ни арміи, ни арсеналовъ. Но линійныя войска еще болѣе земскихъ возбуждають недовѣрчивость Капитановъ. При шомъ же они сами по себѣ не безопасны, взявъ въ разсужденіе, что ихъ должно сосзавить изъ Клефшовъ и Албанцевъ. Развъ держатъ ихъ въ уздѣ земскимъ войскомъ?

Когда Правительство будетъ въ состояніи управлять волею всѣхъ прошиву внѣшнихъ враговъ или внутреннихъ мятежниковъ — Греція будетъ имѣть шогда финансы, и граждане получатъ защиту законовъ. Но до шѣхъ поръ царствовать будетъ одна сила. Безразсудно упрекать Грековъ въ насиліяхъ, которыми они испытываютъ, и пѣврдить имъ, что они, вмѣсто внѣшнихъ, нажили домашнихъ тирановъ. Побѣда естѣ дѣло силы; и народъ, освободившійся отъ ига, счастливъ уже и шѣмъ, что въ немъ нашлась сила, въ чьихъ бы рукахъ она ни была. До сихъ поръ Греки не плашатъ иной подаши, кроме плашмой прежде Туркамъ, и, какъ прежде, податъ сія бременить только бѣдныхъ. Подъ Турецкимъ Правленіемъ, богатые избѣгали конпрібуцій, или скрывая свои сокровища, или подкупая сборщиковъ. На дѣлъ только опала и опись въ казну постигали ихъ. Пашъ приходилось, почти по необходимости, брать все, пошому, что съ нимъ нехошѣли дѣлаться. Теперь же, какъ увѣряють, Армагоры и Капитаны собрали несмѣнный богатства. Передъ войною, братья Кондуриоти имѣли, полагають, 14 миліоновъ шаларей (70 мил. рублей). Колокошрони, Пешро-Бей и славная Бубулина споль же богаты. Армагоры щедро помогали въ издержкахъ войны. Но они

оглядывались назадъ, ибо завтра очень невѣрно въ шой споронъ. Содержаніе флота не разорило ихъ. По счету Ваддингтона, морская кампанія 1823 года одной Идръ стоила 30,000 паларей, но и подъ Турецкимъ Правленіемъ она издерживала 20,000 для Турецкаго флота.

Напрошивъ, Капшаны всѣмъ обвиняются въ низкомъ корыстолюбіи; но подивимся ли мы тому, раскудивъ, какое получили они воспитаніе, какимъ подвергаются опасностямъ, и что слова *власть* и *богатство* у нихъ равнозначительны. Надобно, чтобы Правительство было довольно сильно для принужденія ихъ посильно участвовашъ въ народныхъ расходахъ. Они сами бы черезъ это выиграли, пошому, что если спанушъ взимаешь десятину съ ихъ доходовъ, капиталы ихъ останушя неприкосновенны. Турки виноваты въ томъ, что Греческое земледіе въ младенчествѣ, исключая округовъ, недоступныхъ Туркамъ. Впрочемъ Греки привыкли къ войнѣ, и сполько же боялся впаденія Мусульманъ, какъ сперва прохода войскъ: они работаютъ даже въ виду непріятеля. Вездѣ видна бѣдность, но не лѣнь и не уныніе. Наибольшая часть земли обработана, и жатва посвящается для *безсмертныхъ*, хотя никто не знаетъ, кто со-

жнеть ее. Оливки и виноградныя лозы убраны, какъ будто во время глубокаго мира.

И такъ даже шеперь воины Эллады не нуждаются въ хлѣбѣ, и когда небывалая увѣренность будетъ дана ей, какъ Моревъ и островамъ, и произведетъ свое дѣйствіе, земледіе возвысится — пому порукой прекраснѣйшій климатъ и плодосная почва Греціи. Капиталы, накопленные жадною скупостію и грабежами, очиснятся, давъ плодородіе нивамъ и довольноя работникамъ. Торговля, пишасемая въ Левантѣ наиболее prominently земныхъ произведеній вновь пойдетъ дѣятельно, и, не смогря на продолженіе войны, Греки найдушъ средство, перемашишь въ свои руки по прежнему и Турецкую торговлю, какъ Голландцы при Филиппѣ II захватили Испанскую. Съ большею дѣятельностію, проицательностію, съ совершеннымъ знаніемъ языковъ и обычаевъ, съ бережливостію и огромными капиталами, Греки, безъ сомнѣній, не упустишь сосѣднихъ сѣдокъ. Впрочемъ война пишасеть войну: каждая экспедиція Турокъ, которая отправилась хоронить себя въ Грецію, приноситъ спуда значительныя суммы денегъ, снарядовъ, оружія, одежды и шоваровъ. Добыча была важна, и выкупъ плѣнныхъ обогатилъ многихъ солдатъ-поселянъ, такъ, что

Греки радуются высадкѣ Египтянъ, хотя окрѹги, гдѣ она произведена была, очень пошерпыли. Правда, война съѣдаешь много, но она менѣе стоить Грекамъ, нежели всякому другому народу, пошому, что увѣренность не быль посажену на кодь замѣняетъ солдатамъ жалованье. Припомъ же вся нація шеперь скромна по неволь. Не только издѣшяго, даже необходимаго нигдѣ не найдешь. Эша общая бѣдность разорила бы городскую промышленность, если бы въ Греціи было что разорять. Но какъ ни мало потребление Греціи, все таки оно далеко превосходитъ рукодѣля. Вездѣ нуждаются въ ремесленникахъ и, можешь быль, скоро настанеть время, въ которое кузнецы, колѣсники, сѣдельники Германіи найдуть выгоду работашь въ Аѣинахъ, Аргосѣ, Спартѣ.

Въ ожиданіи сбора податей, которыхъ Греція въ состояніи заплашшь, война ведется займами, которыхъ получены шеперь только задатки, но полное внесеніе дастъ весь Правительству, а Правительство употребитъ ихъ на устройство нѣсколькихъ линейныхъ полковъ. Довѣріе, которое поставило его въ возможность сражаться, дастъ ему и возможность управлять: и шакъ поддержаніе сего довѣрія должно быль важнѣйшимъ его занашемъ. Залогъ имъ стоящъ

конечно больше, чѣмъ Хили, Перу, Мексикѣ. Пусть же они стараются ввести ихъ въ настоящую цѣну. Пусть Греція пошлетъ первую экспедицію въ Англію. Да и видно по Газетамъ, что отправляется шуда грузъ коринки, масла, кожи, льну, шелку, для уплаты проценшвъ съ долгу Правительшва, не касаясь резерва. И на будущій годъ, вѣшно займа по 12 проц. оно будеть занимать по 7 проц.

Когда все это исполнись, когда вся нація будеть вооружена и устроена на военную ногу, когда она развернетъ все свои силы, когда она будеть имѣть Правленіе для распоряженія сими силами, Правленіе, которое употребитъ какъ можно полезнѣе ея средства, призоветъ посильное богатштво каждаго на общую защиту, найдетъ довѣріе — равносильное его средствамъ, наконецъ свяжетъ все части Греціи въ одно цѣлое — тогда должно положиться на время, на обстоятельство, на связи съ иностранцами, на крѣпкое воспитаніе войны. — Это все, вѣроятно, приведетъ Грековъ къ просвѣщенію, разлишому по всей Европѣ — и содѣлаетъ ихъ доспойными своихъ воспоминаний и надеждъ въ бышу политическомъ и правительшвомъ.

Война есть ужасное бѣдствіе, но, можетъ спастись, бѣдствіе необходимое для Греціи. Только общею опасностію Греки научатся, что у нихъ общая родина. — Война спираетъ слѣды цѣпей, носимыхъ прежде Раями. Она смываетъ пороки рабства. Она, развертывая всѣ роды душевнаго мужества, призываетъ каждого показаться, чѣмъ онъ бытъ можетъ, — Война возвышаетъ народный характеръ.

Война произведетъ также медленное перемѣщеніе обоихъ народовъ, и кончится, когда каждый изъ нихъ будетъ самъ у себя господиномъ. Между просвѣщенными націями одинъ народъ можетъ властвовать надъ другимъ, пошому, что просвѣщеніе научаетъ уважать характеръ челоѣка, признавать права, всѣмъ общія, цѣль въ законахъ, въ обязанностяхъ и снисхожденіе, служащее нѣкоторымъ залогомъ слабѣйшему. Но въ народахъ варварскихъ, которые принимаютъ свою ненависть за доблесть, и обиды за победы, сожительство невозможно. Сосѣдство для нихъ есть безпрестанное злоупотребленіе права войны.

Война стремишь каждого къ одноплеменикамъ, одновѣрцамъ, однорѣчникамъ, и тогда только, какъ сіи племена соберутся, можно будетъ предвидѣть, какаѧ сторона ко-

му достанется. Нынѣ оба народа занимають болѣе пространства, нежели имъ нужно. Тотъ и другой владють пустырями, и могутъ принять всѣхъ выходцевъ и бѣглецовъ. Сошны, тысячи Турокъ обитають еще посреди Грековъ, въ областяхъ еще не возмавшихъ. Покуда мятежи, война и опасности были повсюду, переселеніе не могло начаться ни съ той, ни съ другой стороны. Да и спомнитъ ли перемѣнить сѣановища когда нельзя нигдѣ найти ни безопасности, ни покоя? Но по мѣрѣ, какъ иныя области сѣановятся чисто Греческія и чисто Турецкія, новые перебѣжчики являються и множась ихъ людность. Скоро тѣ, которые оспались, успраняются своего одиночества, и спѣшатъ слѣдовать за первыми выселенцами: тогда уже перемѣненіе породъ идетъ быстро. Каждая изъ двухъ націй осѣдаетъ въ границы. Причины раздраженія уменьшаются, когда выгоды не часто спалкиваються, и миръ, котораго нельзя еще надеяться, и миръ, котораго нельзя еще куешь челоѣчество, миръ водворился въ Левантѣ, точно также, какъ онъ водворился въ Нидерландахъ, когда, послѣ битвы и раздоровъ, иновѣрцы прошивники, прежде сѣшанные — опадѣлисъ другъ отъ друга.

Сисмонди.

V.
С М Ъ С Ъ.

I.

Письмо къ Г. Полевому.

Милосливый Государь Николай Алексѣевич!

Въ 20 книжкѣ издаваемаго вами Московскаго Телеграфа, на страницѣ 407, вы извѣляете готовность свою напечатать выписки изъ двухъ моихъ писемъ къ вамъ (ошъ 3 Февраля и 7 Юня сего года). — Желая освободить васъ ошъ сей необходимости, пишу къ вамъ шрешье письмо, и печатаю оное. Въ немъ намѣренъ я изложитъ испорію прежнихъ писемъ, повшоритъ сказанное въ нихъ, и дополнитъ оное поясненіемъ въ которыхъ, наспунившихъ послѣ шого обшюяшетьсшвъ.

Въ началѣ Юня сего года, зашелъ я мшходомъ въ книжную лавку И. В. С., и увидѣлъ у него ваше къ нему письмо съ слѣдующею припискою: „Неужели и . . . Гречъ принадлежитъ къ числу моихъ враговъ? Неужели и онъ вооружается противъ меня? Послѣ штого вѣрь людямъ!“ Я въ шу же мшдушу потребовалъ бумаги и пера, и написала къ вамъ письмо, въ коемъ сказала, что никогда не былъ ващимъ врагомъ, что не писала

на васъ ни шпроки, и писать не намѣренъ; и въ шу же время напомнилъ вамъ, что вы возставили на себя шоварища моего, О. В. Булгарина, неумѣсною выходкою на его шпашьи о нравахъ, въ 1^й книжкѣ Телеграфа. — Письмо сіе оканчивалось благодареніемъ за лестный опшвъ въ вашъ о печатающейся Грамматикѣ моей, съ шупочнымъ вопросомъ, не начало ли эшо крипики на мою книгу. Такъ ли? спрашиваю васъ. — Я не помню шочныхъ словъ моихъ, но мысли, кажешся, были сіи, а не иныя (*). Опшвчали ль вы на эшо письмо? — Ни словомъ. — Но непосредшвенно за симъ, появилася въ Телеграфѣ (въ 11 книжкѣ, вышедшей 15 Юня) выходка на Издашелей Сшверной Пчелы съ незванымъ зашщненіемъ Сея, а въ 12^й (вышедшей 25 Юня) замѣчаніе о дурныхъ повадкахъ Журналистовъ, съ указаніемъ на 1824 годъ Сына Отчештва, издававшягося въ шу время однимъ мною. — Замѣшьте, что и на эшу послѣднюю выходку не опшвчалъ ни слова; на первую же помѣщенъ былъ опшвъ въ 82 номерѣ Сшверной Пчелы, ошъ имени Издашелей. Вслѣдъ за симъ вы обнаружители все свое неудовольствіе въ 13 книж-

(*). Почши шу же самое, сколько помнишся, писала я къ вамъ и ошъ 3 Февраля.

къ Телеграфа, преимущественно на О. В. Булгарина, а въ 14й вообще на Издателя Сына Отечества, Свѣрнаго Архива и Свѣрной Пчелы, и на соудниковъ ихъ. На первую изъ сихъ спашей отвѣчалъ въ 16мъ номеръ Свѣрнаго Архива Г. Булгаринъ ошъ себя, а на вторую напечатана въ пошй же книжкѣ спашья, подписанная нами обоими. Многіе наши соудники и постороннія особы, коихъ вы задыли въ своихъ антикришикахъ, доставили намъ возраженія; мы напшли принужденными напечатать оныя съ особыхъ книжкахъ, чшобъ не обременяшь нашихъ Журналовъ липерашурною полемикою, кошорая не всѣмъ нравилъся. Въ концѣ первой книжки сихъ Прибавленій должны мы были объявить о томъ, что выйдешъ вторая книжка, и при семъ случаѣ, отвѣчали на спашью 18й книжки Телеграфа. Эшо *полъсловіе* подписано нами обоими: я ошъ содержания онаго ни мало не опрекаюсь.

Вы хошѣли меня ввести въ затруднительное положеніе дилеммоу: Гречь доужень оппереться или ошъ писемъ своихъ, или ошъ спашей, имъ написанныхъ. Не оппиралюсь ни ошъ шого, ни ошъ другаго: письма мои были отвѣсами на ваши письменные опшзывы; печатными спашья на печат-

ными же выходы. Теперь всенародно повторяю сказанное мною въ письмахъ.

Я истинно уважаю васъ за благородную вашу любовь къ Наукамъ и Липерашурѣ; искренне хвалю почтенныя ваши занятія; съ удовольствіемъ признаю ошачныя ваши способности, и увѣренъ, что если бѣ вы занялись исключительно какимъ либо *отдѣльнымъ* предметомъ по части Наукъ, то могли бы принести отечественной Славности важную пользу, и снискали бы себѣ почетное имя въ Испоріи нашего просвѣщенія. Я никогда не былъ вашимъ врагомъ и прошивникомъ, всегда былъ гошовъ и нынѣ гошовъ служишь вамъ, чѣмъ могу, никогда не писалъ на васъ, не отвѣчалъ на выходы ваши, касавшіяся меня лично, но обязанъ былъ вступаться за новарища и соудниковъ моихъ, обязанъ былъ опражать несправедливыя нападенія на изданія наши, обязанъ былъ давать мѣшо антикришикамъ — и впредь постараюсь исполнять сн обязанности.

Позвольте еще сдѣлать нѣсколько замѣчаній на спашью вашу въ 20 книжкѣ Телеграфа.

1. Вы напрасно ищете повсюду имени и спашей О. В. Булгарина. Могу васъ увѣрить, что и онъ ни мало не намѣренъ оскорб-

мать или преслѣдовать васъ: онъ только защищается. Попытайтесь оставить его въ покоѣ; попытайтесь, напримѣръ, въ двухъ книжкахъ Телеграфа не задѣвать его, и я увѣрю васъ, что онъ ничего на васъ не напишетъ. Вы сами первый напали на него въ книжкѣ М. Т., осудивъ намбрѣние составлялъ Журналъ изъ однихъ оригинальныхъ спашей (спр. 10), и напечатавъ насмѣшку надъ спашьями о нравахъ въ Журналахъ нашихъ (спр. 1 приб. къ Моск. Тел.), между тѣмъ, какъ онъ одинъ пишетъ спашьи въ семь родѣ. Вы открыли поприще свое эми ашшаками и шакъ не удивляйтесь, встрѣчая на каждомъ шагу противниковъ. — Опъ васъ зависитъ прекратитъ эти сшибки. — Что, напримѣръ, сказать о выноскѣ на стр. 389^я этой же 20 книжки Телеграфа? Вы въ ней всенародно утверждаете, будто О. В. Булгаринъ, въ 87 номерѣ Сѣв. Пчелы, назвалъ книгу: Ueber die Wohnsitze der ältesten Russen, сочиненіемъ Эверса, между тѣмъ какъ оно есть сочиненіе Эрдмана. Тушъ у васъ *дѣло* ошибки: во-первыхъ, Булгаринъ, въ 87 нум. Сѣвер. Пчелы, опинюдь не называлъ Эверса Сочинителемъ сей книжки, а привелъ его въ числѣ другихъ Авторовъ, коими пользовался Г. Погодинъ; во-вторыхъ книга эта писана не Эрдманомъ, а Дерптскимъ Про-

фессоромъ Нейманомъ, коего Г. Булгаринъ во всей этой спашѣ именуешь *неизвестнымъ Дерптскимъ Ученымъ*, а не Эверсомъ. — Далѣе, вы говорите, что называющіе Русь *Шведами* не противорѣчаютъ тѣмъ, кои именуютъ ихъ *Норманнами*. Знайте же сами, что великая разница производитъ Русь вообще отъ Норманновъ, населявшихъ Данію, Норвегію и Швецію, и перешедшихъ къ намъ, какъ нѣкоторые полагаютъ, даже изъ Фрисландіи, или отъ Шведовъ въ особенноти, именно изъ *Рослагена*. — Далѣе, вы утверждаете, что Булгаринъ ошмыскалъ новое изданіе *Сагъ* съ объясненіями, которое еще печатается. Нѣтъ! Булгаринъ просто говоритъ: жаль, что Г. Погодинъ не прибѣгнулъ къ *новымъ изданіямъ Сагъ* вообще. Всѣ сіи несправедливыя ссылки, кривыя полки и пустыя привязки приправлены учтивыми выраженіями: „забавно слушать, когда Булгаринъ судитъ объ Исторіи; онъ помышляетъ въ своемъ Журналѣ сказки, подъ названіемъ Исторіи, Географіи и Путешествій; съ важностью разсуждаетъ, и не понимаетъ; не понимаетъ, какъ осмѣливается Г. Булгаринъ говорить о томъ, чего не понимаетъ.“ и проч. И послѣ этого вы удивляетесь неудовольствію Г. Булгарина!

2. Вы говорите, что мы напали на извѣстнѣйшихъ Литераторовъ иностран-ныхъ и на лучшихъ отечественныхъ. Гдѣ? позвольте спросить. Нигдѣ и никогда кри-пика или разборъ швореній извѣстныхъ Пи-сателей не назывался нападеніемъ и оскор-бленіемъ. Общее же сужденіе о Литературѣ никакимъ благомыслящимъ Литераторомъ не можетъ быть описано или принято къ одному лицу. И хорошо ли вы поступа-ете, спараясь сими несправедливыми по-казаніями, обратиться на насъ неудовольствіе почтенныхъ Литераторовъ?

3. Вы спрашиваете: „чѣмъ возбудилъ негодованіе ихъ Телеграфъ?“ Позвольте: вы, вѣроятно, хотѣли сказать: „чѣмъ Телеграфъ возбудилъ ихъ негодованіе?“ Вошь чѣмъ: не-правильными сужденіями Г. Издашеля; слиш-комъ смѣлыми и несправедливыми приговора-ми, незнаніемъ вещей самыхъ необходимыхъ въ *ремесль* Писателя. Вы говорите, что негодованіе на Телеграфъ возбуждено благо-склоннымъ принятіемъ сего Журнала публи-кою, вниманіемъ къ нему первоклассныхъ Писателей. Но отъ чего никакой другой Журналъ (напр. Журналъ Изящныхъ Искусствъ Г. Григоровича, Библиографическіе Листы Г. Кеппена и др.) не возбуждалъ сего него-дованія? Отъ того, что Издашеля оныхъ не

брались учить другихъ тому, чего сами не знаютъ. Не говорите, что въ опроверже-ніе чужихъ сужденій о нашихъ трудахъ, мы не смѣемъ высказывать ошибокъ нашего судьи: при производствѣ всякаго суда должно сна-чала опредѣлить *достаточность* (compe-tentiam) судьи, и подсудность ему судима-го: это одно изъ начальныхъ основанийъ Пра-ва. — Вы упоминаете о правѣ, пріобрѣщен-номъ вами, участвовать въ трудахъ прехъ Ученыхъ Обществъ. Вспомните, что въ одно изъ оныхъ (С. П. б. Общество Лю-бителей Рос. Словесности) открытъ вамъ входъ *нами*, но что вы и понынѣ сами не оправдали сего вниманія, ибо не доставили въ оное (на основаніи его Устава) ни одной статьи, и не подтвердили шѣмъ своего пра-ва засѣдать въ немъ.

4. Вы говорите, что О. В. Булгаринъ (отъ 27 Октября 1824 года) предлагалъ вамъ быть *участникомъ* въ изданіи нашихъ Жур-наловъ. Тутъ маленькая описка: вмѣсто *участникомъ*, надлежало бы сказать *сотруд-никомъ*. — Жалю, что долженъ оскорбить вашу скромность, но увѣряю васъ, что вы, при надлежащемъ присмотрѣ, были бы намъ весьма полезнымъ и хорошимъ сотрудни-комъ. Мы не пропустили бы въ вашихъ спашьяхъ ни *Грипусе*, ни *Сирог* Барскихъ,

не позволяли бы посуду назвать *бальемъ*, а *Мусульманина* *благочестивымъ*, не заставляли бы васъ переводить съ языковъ, которыхъ вы не понимаете, и судить о вещахъ, которыя вамъ неизвѣстны; съ удовольствіемъ сжали бы поправляяшь ваши грамматическія и другія ошибки. Знаете ли что? Мы и теперь повторяемъ сіе предложеніе, и можемъ васъ увѣрить, что года въ два успѣемъ поправить вашу литературную репутацию.

5. Вы объявляете (стр. 407): „Они съ какимъ-то поржешствомъ, возглашаютъ, что Издашель Телеграфа купецъ — купецъ — и, не краснѣя своего званія, объявляешь объ этомъ.“ — Просимъ васъ, укажете, гдѣ въ нашихъ Журналахъ нашли вы это возглашеніе. Г. Булгаринъ однажды только (въ 3 книж. Сѣверн. Архива на стр. 289) упомянулъ, что вы происходите изъ купеческаго званія, и это было имъ сдѣлано опшюдь не въ насмѣшку: онъ поставилъ васъ на ряду съ однимъ изъ почтеннѣйшихъ мужей вашего сословія, *Иваномъ Давыдовичемъ Ертовымъ*, который своими умомъ, познаніями, скромностію и общепользными трудами облагородилъ бы всякое званіе, если бъ какое либо званіе въ

Государствѣ могло быть неблагороднымъ (*). Когда бы мы употребили этою ничтожный способъ для подтвержденія своихъ мнѣній, то всенародно признались бы пѣмъ въ невозможности защищаться иными средствами. Вспомнимъ, что одинъ изъ безсмертныхъ освободителей отечества нашего, въ 1612 году, былъ купецъ; вспомнимъ, что сіе сословіе никогда не успунало другимъ въ любви къ отечеству, въ преданности къ Государямъ, въ благошворительности къ ближнимъ и въ самомъ просвѣщеніи. Крещининъ, Голиковъ, Зубчиновъ, Лебедевъ, Социковъ, — были купцы и Либераторы. Купецъ Кулибинъ не находилъ равнаго себѣ въ знаніи Механики. Купецъ Яковлевъ былъ однимъ изъ первыхъ Архисшовъ драматическихъ въ Европѣ. Но если бъ сіи мужи, увлекшись самоидьявностію и совѣсами ложныхъ друзей,

(*) Можетъ быть, вамъ вздумалось примѣнить къ своему лицу яѣкоторыя мѣсла въ опшѣтѣ на статью 14 кн. М. Т. (см. 16 кн. Сѣв. Ар.); но мы говорили тамъ о книгопродавцахъ, которые, перепечашиваніемъ чужихъ трудовъ, лишаютъ Писателей законной собственности. Вы же, сколько намъ извѣстно, не книгами торгуете. Исчисленіе объявленій вашихъ (на стр. 379 той же книжки) было необходимымъ послѣдствіемъ провозглашенія вашего, что вы знаете съ наше. Н. Г.

вмѣсто образованія, даннаго имъ природою таланта, вмѣсто употребленія своихъ способностей на занятія соразмѣрныя съ ихъ силами, вздумали объявить себя полигисторами, вздумали судить и рѣдить о предметахъ, имъ неизвѣстныхъ, вздумали всенародно нападать на людей, которые имъ показались бы совмѣстниками, по мы не могли бы говорить о нихъ съ какимъ уваженіемъ. — Увѣряю васъ, что антикриштики и возраженія наши были бы писаны не иначе, если бы вы были Княземъ или Графомъ; и что мы не осмѣлились бы по совѣсти нападать на купца, отличающагося познаніями, и скромностію.

Вошь, Милосливый Государь Николай Алексѣевичъ, повтореніе сказаннаго и въ письмахъ и въ печатныхъ статьяхъ моихъ! Опъ васъ, единственно, опъ васъ завенить прекратить непріятныя перепалки. — Но, скажу еще разъ, мы, Издатели Сына Отечества, Сѣвернаго Архива и Сѣверной Пчелы, не имѣемъ права отказывать постороннимъ особамъ въ помѣщеніи критическихъ статей ихъ, сообразныхъ съ цѣлю нашихъ Журналовъ, и написанныхъ не вопреки правизначъ литературнымъ. Исполненіе же обязанности ни вами, ни читателями нашими не можетъ намъ причестся въ вину.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію, честь имѣю пребыть

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Николай Гречъ.

Санктпетербургъ.

18 Нолбря 1825.

2.

Праздникъ въ селѣ Городнѣ,
26 Августа сего года.

Письмо къ Издателямъ изъ Калуги.

Ваши Журналы не разъ были оглосками веселія народнаго и радости частной. Такъ и должно. Многіе изъ читателей Журналовъ, позабывая собственное горе и заботы, часно радушяся чужимъ веселіемъ; это для нихъ какъ бы отдыхъ послѣ упоминельнаго спрансшвованія. Съ симъ намѣреніемъ сообщу вамъ описаніе праздника, котораго я былъ случайнымъ зрителемъ. Праздникъ былъ данъ въ честь благошворительной и достойно всѣми уважаемой Спачсъ-Дамы, Княгини Напальи Петровны Голицыной, которая въ день именинъ своихъ (26 Августа), при многочисленномъ семействѣ родныхъ ея, была окружена единодушною семьею

особь, ею благодѣтельствованныхъ и ей душевно преданныхъ.

Мѣстомъ дѣйствія было прелестное село Городня, принадлежащее Ея Сіятельству, и находящееся въ 7 верстахъ отъ Калуги. Въ это время обыкновенно бываетъ здѣсь ярманка, на которую посѣщители и начали собираться. Княгиня, дочери ея, Екатерина Владиміровна Апраксина съ супругомъ, и Графиня Софья Владиміровна Строганова; сынъ Княгини, Г. Московскій Военный Генераль-Губернаторъ Кн. Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ съ супругою Княгинею Татьяною Васильевною и дѣтьми, и нѣсколько особь изъ высшаго круга Московскихъ жителей, прогулявшись на ярманкѣ передъ обѣдомъ, снова возвратились шуда вечеромъ. На возвратномъ пути пошли ярманки къ дому, Княгиня съ гостями должна была провззать мимо рощи, досшойной замѣчанія шѣмъ, что одна половина оной насажена была ея прабабкой, а другая попененіемъ самой Княгини. Въ сей-то рощѣ ожидалъ ее первый сюрпризъ. По великолѣпно освѣщенной аллеѣ, повели Княгиню въ нарочно усроенный кофейный домъ. Въ лавкахъ, открытыхъ по обѣимъ сторонамъ аллеи, сидѣли внучки Княгини и другія дѣвцы, принадлежащія къ семейству, и представляла шорговокъ: одна продавала цвѣшъ, другая

держала форпунку и ш. п. Каждая, съ приближеніемъ Княгини, чинала куплеты, различные приняшой ею роль, и обращенные къ знаменитой хозяйкѣ. Напримеръ: одна внучка Княгини, Княжна Н. Д. Голицына, подавая букетъ разныхъ цвѣшовъ, говорила:

La fleur, qui naît avec l'aurore,
Avec le jour, hélas! doit se flétrir;
Moins fragile que ces présens de Flore,
Ma tendresse pour vous ne doit jamais finir.

Другая внучка Княгини, Графиня Е. П. Строганова, поднеса корзину розъ, произнесла слѣдующіе стихи:

Le tems, qui change toutes choses
Perd son pouvoir en ce séjour;
Il peut d'un rien faner ces roses,
Il ne peut rien sur mon amour.

Княжна В. Д. Голицына, поднеса сердце, сплетенное изъ цвѣшовъ:

Esprit, talens, grace, opulence,
Rien ne vous parle en ma faveur;
Pour marquer ma reconnaissance,
Je ne puis vous offrir que mon coeur.

Дѣвица П. С. Тиличеева:

Le Ciel, vous distinguant de tant de mortelles,
A, de toutes vertus, composé votre dot;
Distribuez ces bagatelles,
Vous possédez le plus beau lot.

У входа въ кофейный домъ, встрѣшилъ Княгиню содержатель ея Monsieur Glacé

(это лице представляла одинъ изъ гостей, П. С. Я.). Тутъ началась небольшая Французская пьеска, нарочно для сего сочиненная. Monsieur Raslefa, спраншвующій капельмейстеръ (котораго роль игралъ другой гость А. А. Б.), обрадовавшись такой посѣщительницѣ, пригласилъ ее послушать музыки его сочиненія, и привелъ хоръ пѣвицъ (состоявшій изъ двухъ Княжёнъ Голицыныхъ, молодой Графини Спрогановой, двѣицъ С. Ф. Пушкиной и П. С. Тиличевой). Вошь Французскіе куплеты, пѣны при семь случаевъ:

1) Княжною Н. Д. Голицыною :

Nous consacrons cette journée
A vous fêter en ce séjour ;
Mais à chaque instant de l'année,
Maman, croyez à notre amour.
Nous n'avons qu'un même langage,
En tous les lieux, en tous les tems :
Vous chérir et vous rendre hommage
Est le bonheur de vos enfans.

2) Графиню Е. П. Спрогановою :

Vous qu'en ces lieux chacun révère,
Comment vous prouver mon amour ?
Je vous dois la plus tendre mère :
C'est vous devoir plus que le jour,
Ah! daignez accepter l'hommage
De mes vœux, de mes sentimens ;
La tendresse n'a qu'un langage,
Et c'est celui de vos enfans.

3) Княжною В. Д. Голицыною :
Le sentiment tendre et sublime
Que j'éprouve, est plein de douceur;
Mais faiblement ma bouche exprime
Ce qui se passe dans mon coeur.
Croyez donc moins à mon langage
Qu' à mes vœux, à mes sentimens ;
Daignez accueillir mon hommage
Avec celui de vos enfans.

4) Двѣицею С. Ф. Пушкиною :
Toujours au sein d'une famille
Qui s'occupe de mon bonheur,
Je puis me croire votre fille,
Car vos filles m'aiment en soeur.
Nous n'avons qu'un même langage,
Mêmes vœux, mêmes sentimens . . .
Daignez accueillir mon hommage
Avec celui de vos enfans.

5) Двѣицею П. С. Тиличевою :
Vous, dont la bonté généreuse
A veillé sur mes jeunes ans,
Ah! combien je me trouve heureuse
De publier vos soins touchans !
Croyez, que mon tendre langage
Est dicté par mes sentimens ;
Daignez accueillir mon hommage
Avec celui de vos enfans.

6) Однимъ посѣстителемъ П. С. Я.
Le spectacle de la tendresse,
Dont retentissent les accens,
Fait naître dans nos coeur l'ivresse
Qui doit pénétrer tous vos sens.

Vos amis ont même langage,
Mêmes vœux, mêmes sentimens:
Daignez accueillir leur hommage
Avec celui de vos enfans.

Последній куплетъ повторенъ былъ всѣмъ хоромъ. Послѣ чаю, кошорый поданъ былъ въ семь кофейномъ домѣ, всѣ отправились смотрѣть великолѣпный фейерверкъ, устроенный на прудѣ. Отсюда снова пошли въ большой домъ, гдѣ въ залъ приготовленъ былъ Русскій Театръ. Директоръ (Ө. Ө. К.) являсь на сцену, досадовалъ, что всѣ его актеры въ оплучкѣ, и что онъ для такого радостнаго дня, не можетъ угостить Княгиню Русскихъ спектаклемъ. Савельичъ, суфлеръ его Театра (А. А. Б.), вызываетъ замѣнить Акшеровъ; шумъ оба они превосходно сыиграли сцену изъ *Мизантропа*; является одинъ провинцiаль — любитель Театра, Замѣинъ (это былъ гость П. С. Я) и чтобы помочь Директору въ его горѣ, представляешь съ нимъ два явленiя изъ Хвасуна. Роль Простодума была мастерски сыиграна Г-мъ Я***. Между пѣвцъ, молодой пѣвецъ Арфинскiй (извѣстный своими шаданшами въ музыкѣ Г-нъ Кубишца), изъявивъ желанiе вступить въ шруппу Директора, является съ хоромъ пѣвцевъ и пѣвицъ — Русскихъ крещенскихъ дѣвушекъ, и для

опыта, поешь Русскую пѣсню¹,² попомъ съ С. Ф. Пушкиной Дуэшъ изъ Водевила: Женщина дунашикъ, а наконецъ всѣ пѣвцы и пѣвицы закладываютъ зрѣлище купле-нами, въ слѣдующемъ порядкѣ:

С у ф л е р ь.

И я веселiя участникъ!
Хошь роль моя и не легка,
Но мнѣ послужить въ эпошь праздникъ
Усердье вмѣсто языка.
Именъ и званiй разнородность
Забывъ для радостнаго дня,
Княгинѣ машущкѣ въ угодность,
Мы будемъ всѣ одна семья.

З а т ѣ и н ь.

Я вѣкъ съ сосѣдями шягался,
И пропасть денегъ раздарилъ,
На правосудье разорался
Да и сосѣдей разорилъ.
Но шяжки наши все бы длились...
Какъ вдругъ, для вынѣшняго дня,
Мы всѣ въ минушу помѣрились,
И спали всѣ одна семья.

Княжна Н. Д. Голицына.

Когда сегодня и чужие
Любовью къ вамъ оживлены;
Такъ что же, Бабушка, родные
Къ вамъ нынче чувствовашь должны?
Но все, что я скажу словами,
Все будетъ мало для меня...
Дай Богъ, чтобы долго — долго вами
Родная красилась семья.

Графиня Е. П. Строганова.

И я васъ, Бабушка, куплешомъ
Хотѣла бь шакже подарить;
Но не родившихся Поэшомъ,
Могу ль стихами говоришь?
И можно ль выразишь словами,
Что въ сердцѣ чувствую къ вамъ я?
Къ чему слова, когда сердцанъ
Васъ уважаешь вся семья?

П. С. Тилгеева.

И я Книгинѣ не чужая —
На цѣлый свѣтъ ссылаюсь въ шомъ:
Благотворительность прямая
Съ любовью связана родствомъ.
Благотворишь — въ шомъ ваше счастье;
Бышь благодарной — часть моя...
Коль въ чувстввахъ нашихъ ешь согласье,
Такъ шало мы одна семья!

Княжна В. Д. Голицына и С. Ф. Пушкина.

Дай Богъ вамъ въ жизни рвать лишь розы,
О тернїяхъ по слуху знашь;
Лишь только радостныя слезы,
А слезъ печали не видашь.
Дай Богъ, чтобы благотвореньемъ
Вы долго всѣхъ къ себѣ влекли,
И долго были украшеньемъ
И радостью своей семьи.

С. Ф. Пушкина.

Книгинѣ сдѣлать поздравленье,
Признаться, мудренѣй всего;
Чѣмъ легче чувствовашь почтенье,
Тѣмъ выразишь шруднѣй его.

Хоть, къ сожалѣнїю, мы знаешь,
Что мы Книгинѣ не родня;
Но всѣ однако жь уважаешь
И любимъ, какъ своя семья.

Арфинскій.

Поэшь Позвїей гордишся,
Гордишся пнїемъ музыкантъ:
Одинъ другаго спрахъ дичишя
И хвалишь только свой шамантъ.
Но гдѣ касается до чувства
И уваженья и любви, —
Тамъ несогласныя искушва
Сущь члены всѣ одной семьи (*).

Всѣ восхищены были пнїемъ, особливо превосходнаго пнвца Арфинскаго. И было чѣмъ восхищаться: никогда слухъ и сердце мои не были поражены столь разнообразными, прїятными впечатлѣнїями, какъ въ шое время, когда я его слушалъ.

Послѣ куплешовъ, внучка хозяйки, Книгиня А. П. Голицына (урожденная Графиня Строганова) подвела маленькаго сына своего съ двумя малолѣтними сыновьями Князя Д. В. Голицына къ вманинницѣ, проговорила слѣдующіе стихи:

(*) Пьеса, подъ заглавіемъ: *Праздникъ въ Городкѣ*, сочинена Ф. Ф. Кокошкинымъ; куплешы Гг. Писарева и Пинскаго; музыка Г. Кубишпы.

Съ младенцемъ милымъ на рукахъ,
 Къ дню вашему дѣла я душою,
 Съ любовью нѣжною въ сердцахъ;
 И онъ считалъ минуны всѣ со мною,
 Чтобъ съ Бабушкой увидѣться родной!

Пропѣшь не можемъ мы куплеша
 Такъ скажемъ съ радостной семьей:
 Дай Богъ, чтобъ долги, долги лѣша
 Вы насъ счастливили собой!
 Чтобъ внучашъ, правнучашъ полною,
 Семействомъ всѣхъ окружены,
 Всегда цвѣтущею спезею,
 Все ясныя дѣя вѣсь смѣнялись дни.

Прелестная картина! съ какимъ чувствомъ умиленія всякой смотрѣлъ на почтенную Имьяниницу, окруженную своими дѣтьми, внуками и правнуками, которые, кажется, пѣли и дышали, чтобы доставить ей утѣшеніе!.. Вошь еще куплешь, сочиненный и произнесенный дѣвицею А. И. Гренкевичъ:

А мнѣ куплеша не давали:
 Боались, спросите, меня?
 Тогда бъ сюрпризъ вы ошгадали,
 Сему бъ была виною я.
 Но мнѣ ль не пѣть тебя, родная!
 Мое ты счастье, машь вторая!
 Живи ты съ нами много лѣтъ....
 Желанье сердца — мой куплешь.

Послѣдовавшіе за шѣмъ панцы, въ сей же самой залѣ, замѣнили прежнія, пріятныя

впечатлѣнія новыми. Пышный ужинъ окончилъ этою привлекательный семейный праздникъ, который надолго останешся въ памяти неравнодушныхъ его свидѣтелей.

К.

VI.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ
 БИБЛЮГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И

1 8 2 5.

75. *Басни В. Маслявича, Доктора Излицкихъ Наукъ и Члена Харьковского Общества Наукъ. Изданіе второе, исправленное и умноженное.* Харьковъ, 1825, въ Унив. шип., въ 8, 207 стр.
 (См. No 133 Свѣ. Пчелы.)
76. *Шекспировы Души, драматическая шутка, въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. В. Кюхельбекера.* С. П. б. 1825, въ шип. Н. Греча, въ 8, X и 32 стр.
77. *Невѣста Трирмена, или долина Св. Иоанна. Пѣзма въ трехъ пѣсняхъ Вальтера Скотта. Переводъ съ Французскаго.* М. 1825, въ Театр. шип., въ 12, 106 стр.
 (См. No 136 Свѣ. Пчелы.)

78. *Постановленія и правила внутренняго управления Императорскою Театральною Дирекціею, кои Имлянымъ Его Императорскаго Величества Указомъ, даннымъ Комитету Г. Министровъ въ 3 день Мая 1825 года, Высочайше повелѣнно привести въ дѣйствіе.* С. П. 6. 1825, въ шип. Императорскихъ Театровъ, въ 8, 142 стр.

(См. No 132 Свв. Пчелы.)

П О П Р А В К И.

Въ сей 22й книжкѣ на страницѣ 191, послѣ слова *вообще* (въ 17 строкѣ) пропущено внизу слѣдующе *примѣчаніе*: „Вы даете знаніе, будто нѣтъ новыхъ изданій Сагъ съ примѣчаніями. Попрудитесь заглянуть въ *Nouvelles Annales de Voyages*, tome XXIV, стр. 257 и XXVII, стр. 97: тамъ найдете въ Мальшъ-бруновъ разборъ Саги, изданной въ Копенгагенѣ 1824 года, и въ началѣ вспорой изъ сихъ списаней прочитаете слѣдующее: „Мы вновь займемся сею опраслію Кришники и Липературы исторической, когда успѣемъ на досугѣ разсмотрѣть многочисленныя шворенія въ семь родѣ, копорыя мы получили и еще получимъ изъ Копенгагена.“ Такъ и Мальшъ-брунъ вымыслили новое изданіе Сагъ?

Въ 19 кн. С. О. на 380 стр. въ 10-й строкѣ:

Нап.: Какъ иго *тяжкое* Нерона,

Чит.: Какъ иго *Кромсела*-Нерона.

Въ 22 кн. спр. 188. строк. 25:

Нап.: написаннымъ; *Чит.*: подписаннымъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Издаваемые нами Журналы будутъ продолжаться и въ наступающему 1826 году, на нынѣшнемъ основаніи, по прежнему плану, а именно:

1) Сынъ Отечества, Журналъ Липературы, Полиники и Современной Исторіи. будутъ заключать въ себѣ слѣдующія списанья: 1) Русская Словесность. 2) Иностранная Словесность. 3) Изящная Словесность. Повѣсти, Сказки, Разговоры, опрѣвки изъ лучшихъ новыхъ Романовъ и п. п. 4) Кришика. 5) Позвія. 6) Науки и Изящныя Искусства. 7) Современная Исторія и Полиника Европы. Сей Журналъ будетъ выходить по два раза въ мѣсяцъ, 1 и 15 числа, книжками въ шесть и болѣе печатныхъ листовъ.

II) Сѣверный Архивъ, Журналъ древностей и новостей, по части Исторіи, Спанишики, Пушешествій и Нравовъ, будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣленій: 1) Всеобщая Исторія. 2) Россійская Исторія. 3) Спанишика и Полиническая Экономія. 4) Пушешествія. 5) Правовѣдніе. 6) Нравы. 7) Перечень новыхъ извѣстій и открытій по части Исторіи, Спанишики и Географіи. 8) Смѣсь. Извѣстія о новыхъ книгахъ, картинахъ, планахъ и пр. Къ сему Журналу прилагаемы будутъ каршы, виды, планы и портреты Россійскихъ Писателей, преимущественно современныхъ. Сей Журналъ будетъ выходить дважды въ мѣсяцъ 8 и 15 числа, книжками въ шесть и болѣе печатныхъ листовъ.

III) Сѣверная Пчела, Журналъ новостей по части Исторіи, Полиники, Липературы и Нравовъ, или новая полиническая и липературная Газета. Въ сей Газетѣ будутъ содержаться: 1) Новостии полиническія заграничныя. 2) Новостии внутреннія. 3) Новостии неполиническія. О новыхъ изданіяхъ и предпріятіяхъ; о произведеніяхъ Наукъ, Художествъ и ремесль. 4) Извѣстія обо всѣхъ, выходящихъ въ свѣтъ Русскихъ книгахъ. 5) Нравы. Небольшія списанья о нравахъ; кришическія и правоучительныя замѣчанія.

6) Словесность. Легкія стихотворенія и разныя спашы въ прозѣ. 7) Смѣсь. 8) Извѣстія о новѣйшихъ модахъ. Сія Газета будетъ выходить листками, прижды въ недѣлю, по Вторникамъ, Четвершкамъ и Субботаамъ.

Съ будущаго 1826 года присовокупится къ симъ премъ изданіямъ чешверное: *Дѣтскій Собесѣдникъ*, которое будетъ соснодано изъ чешырехъ часней въ годъ, и раздаваться безденежно особамъ, подписавшимся на шри прѣжніе Журнала. Въ соснавъ онаго входяшь: 1) Ошечешвенная Исторія, въ видѣ уроковъ или въ особенномъ повѣспованіи о важныхъ проишешствіяхъ и подвигахъ, достойныхъ удивленія и подражанія попомшва. 2) Ошечешвенная Географія, также въ видѣ уроковъ или расказовъ о малоизвѣстныхъ спранахъ обширной Россіи. 3) Русскій языкъ. Грамматическіе уроки. Примѣры чешшошы и правильности языка, которымъ должно подражать, и неправильности, коихъ должно избѣгашъ. 4) Уроки Физики, Химіи, Естешвенной Исторія, Технологіи, въ видѣ писемъ, бесѣдъ и пр., вообще изложенные легко и понятно. 5) Словесность: нравоучительныя Повѣштіи и любопышныя анекдоты. Стихотворенія, приноравенныя къ понятію дѣшей.

Цѣна сихъ Журнадовъ ешъ слѣдующая:

	Въ Санкт-Петербур-гѣ.	Съ пересылкою и съ доставленіемъ на домъ.
1. За годовое изданіе или 24 книжки <i>Сына Отечества</i> .	40 р.	45 р.
2. За годовое изданіе или 24 книжки <i>Сѣвернаго Арктива</i> .	40 р.	45 р.
3. За годовое изданіе или 156 листовъ <i>Сѣверной Пчелы</i> .	40 р.	50 р.

За всѣ шри изданія вмѣстѣ: здѣсь въ С. Петербургѣ 120 р., съ доставленіемъ на домъ 150 р., съ пересылкою въ другіе города 140 р. Подписавшіеся на всѣ шри изданія получаютъ безденежно въ годъ чешыре часши *Дѣтскаго Собесѣдника*, на которыя особо подписки не принимаешся. *Н. Греть. О. Булгаринъ.*

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1825. № XXIII.

I.

ДУХОВНОЕ КРАСНОРЪЧІЕ.

С Л О В О

ПРИ ВОЗОБНОВЛЕНІИ Дворянскихъ выборовъ въ Харьковъ *).

Ты же усмотри себя отъ встѣхъ людей мужи сильны, Бога бошялся, праведны и ненавидящія гордости, да судятъ людей по вся часы. Исх. XVIII. 21. 22.

Такъ уснами прозорливаго Священника Своего повелѣваешъ *Вышній, владыющій Царствомъ чешовчешкимъ* 1), великому Вождю Израилеву, да изыщешъ, да усмотришь и да изберешъ себя достойныхъ сошрудниковъ, которые бы судили суды малые, помогали ему и облегчали бы 2) бремя его

*) Произнесенное, 25-го Сеншлября 1825 года, Профессооромъ Харьковскаго Коллегіума, Магиспромя Гереемъ Іоанномъ Зиминымъ.

1) Дан. IV. 14. 2) Исх. XVIII. 22.

служенія! Такъ Царь нашъ; дѣйствіемъ мудрыхъ законовъ, повелѣаешь вамъ, Благородный Дворъ и каждому почтенному сословію: „изберите себѣ со усмотрѣніемъ; изберите мужей добродѣтельныхъ, способныхъ къ успроенію вашего общаго спокойствія; изберите мужей по сердцу Боію и Цареву и по сердцу вашему, да понесешь кійждо часть нѣкую брѣмени Моего царствѣннаго.“ *Кроткій и*

спирный паче всѣхъ во всемъ дому Божіемъ

1) Моисей, а чрезъ него и всѣ Цари и Судіи пріяли свыше ошъ Господа право Его высочайшей власни — избирашь себѣ собременосцевъ правленія; между шѣмъ, какъ Его всемогущество единымъ изволеніемъ Своимъ сошворило бы достойныхъ народоуправителей. Кроткій нашъ Монархъ, украшенный сіяніемъ величія и благости, могъ бы совершить избраніе сошрудниковъ Себѣ по сердцу Своему, еже есть въ ругѣ Божіей, единымъ дѣйствіемъ скипетра Своего; между шѣмъ въ снисхожденіи Своемъ, подражая *кроткому Царю* 2) и Богу, намъ подданнымъ даруешь часть Своихъ правъ и державнаго величія. Учасшвовать въ самодержавномъ Его правленіи! какая высочайшая честь вѣрноподаннымъ ошъ Августѣйшаго Монар-

1) Евр. III. 5. 2) Зах. IX. 9.

ха нашѣго! Поручаешь имъ самимъ избирати себѣ успроителей своего жребія и общаго благоденствія! какое Христіанское снисхожденіе! какая любовь! какое довѣріе! Явимъ убо себѣ наипаче въ семь священномъ дѣлѣ избранія Судей достойными Монаршей чести нашею честностию и благородствомъ души; — высочайшаго Его снисхожденія нашею кротостию и признашельностию; — отеческой Его любви нашимъ сыновнимъ послушаніемъ и любовью; — деспѣйшаго Его довѣрія нашею вѣрностию и благоразуміемъ. Высочайшая воля *Царя всѣхъ* 1) и согласное съ нею желаніе Царя нашего въ дѣлѣ избранія служителей ихъ и споспѣшниковъ въ произведеніи суда, сокращаешь въ сіе требованіе: „усмотрите себѣ способныхъ, изберите достойныхъ; *усмотрите отъ всѣхъ людей мужи сильны, Бога болюціяся, праведны и ненавидяща гордости.* Прже, нежели приступите Почт. Сл.; къ самому избранію Судей, позволяете сосшавить вѣрнѣйшія по возможности пошпія о предметѣ имѣющагося начашся великаго вашего дѣла, п. е. размыслишь о шѣхъ качествахъ, кошорыя Самъ Богъ назначаешь необходимымъ украшеніемъ избираемыхъ вами.

1) Херув. Пѣснь.

Кийждо несетъ свое бремя 1), и сльд-
ственно всякій долженъ имѣть въ извъ-
сщной степени силы къ понесенію онаго.
Но избираемый *судити людямъ во правду* 2)
понесеть на раменахъ своихъ тяжчайшее
бремя; убо пошребны для него необыкновен-
ныя силы! Онъ *единъ* имѣешь *нести тру-*
ды многихъ, и *тяжести* многихъ, и прерыва-
нія многихъ. Предъ нимъ откроется всегда
почти мрачная и скорбная область дѣлій
человѣческихъ, куда онъ обязуется входитьъ со
свѣщильникомъ закона, освѣщать мрачныя
пуши лукаваго сердца и облачать, изслѣды-
вать намѣренія, изыскивать послѣдствія,
назначать насполющую цѣну дѣянію, и про-
износить рѣшительный приговоръ о немъ.
Его долгъ превозмогать препящствія въ
устроеніи блага общаго. Ему больше прочихъ
предлежитъ сражаться и побѣждать не свои
покломъ страши, но и другихъ. Страши
людскія, подобно волнамъ великаго моря, не-
престанно машущя, мало по малу расшуютъ
и усиливаются, *що восходятъ до небесъ,*
то нисходятъ до безднъ 4), и годовы *опу-*
стошитъ всю землю 5) и поглотитъ чело-
вѣковъ. Какая же сила и коликій оплошь

1) Гал. VI. 5. 2) 3 Цар. III. 9. 3) Вшороз. I. 12.
4) Пс. CVL. 26. 5) Прем. Сол. V. 24.

долженствуешь имъ противопоставить, да-
бы удержатъ ихъ спремасніе! И такъ избе-
рише себѣ мужи сильны, но со усмошрѣй-
емъ. Не плѣсная крѣпость одолаваешь прѣ-
пящствія добраго порядка; но поспойнное
мужество души и шерпѣніе, утвержденныхъ
на упованіи. Не внѣшнее величіе укрощаешь
силу и разсѣкаешь силетеніе спрасшей; но
мудросшь, вооруженная мечемъ правды, и не-
усыпная бдѣтельность. Не льстивое внѣш-
ство слова привлекаешь людей къ повино-
венію; но искренность и собственный при-
тѣрь благочестія и челоувколюбія. Сила
краснорѣчія челоувческаго, вышпо предпо-
лагаемаго пошрясенія души и преклоненія
въ послушаніе, весьма часто производитъ
полюко, *яко кимвалъ звацадъ* 1), пошрясе-
ніе въ воздухъ и плѣвъ челоувческомъ, душу
же ополчаешь прошиву закона и блюститѣ-
ля его. Наружный блескъ и величіе нерѣдко
правда, ослапляютъ очи видящихъ и, кажен-
ся, замѣняютъ благородство и силу души;
но удивленіе не продолжительно для разум-
ныхъ, обольщеніе исчезаетъ, мнимая гроза
успрашитъ полюко несмысленныхъ. И такъ
не по славъ судите 2), и не по блиста-
тельности слова и вида; не поставляйте
богатства и пышности въ цѣну и достоцѣ-

1) 1 Кор. XIII. 1. 1) Псаи XI. 3.

епво: но усмотрите себя *мужи сильны* 1) *благими дѣлами и истиною, предъ Богомъ и всѣми людьми* 2); изберите мужей мудрыхъ и проищательныхъ; коихъ слова просты, но ясны, и печатаются всегда искренноспію, и которые способны *запищать премудрымъ въ коварствѣ ихъ* 3), и разрѣшать сплетаемые ими узлы. Изберите себя мужественныхъ, периплывыхъ и бдительныхъ, которые бы силы души своей почитади не себя, но обществу принадлежащими дощолъ, докода предлежишь ему опасность или возмущенія или прищвененія хотпя единого члена его, и которые бы многими опытами явили готовность немощи *немощныхъ носить и не себя угождати* 4).

Тощъ, котораго мудрости и силъ имѣющъ удивляющъ и спрашищся многіе, самъ долженъ шренещать и благоговѣть предъ Богомъ. Не ужасайшеса, Почп. Сл. шраха Господня. *Ибо страхъ Господень чистъ* 5). Онъ есть шражъ ума и сердца, опражающій прощивозаконныя домышленія и прогоняющій всякую *страсть и похоть злую*; онъ есть вѣрный хранищель душевной чистощи и спокойштва. Онъ есть щощъ

1) Лук. XXIV. 19. 2) Иоан. III. 18. 3) 1 Кор. III. 19. 4) Римл. XV. 1. 5) Пс. XVIII. 10.

Херувимъ 1), кошорый имѣеть въ рукахъ своихъ *чламенное оружіе*, и кошорый нечистощъ ниже прикасащися попущаешь внушренняго святилица души нашей. Боящійся Бога всякій даръ пріемлещъ отъ Него, какъ драгоценный залогъ, кошорый хранищъ въ щелости и упошреблещъ со всякимъ опасеніемъ и дещойно Господа. *Усмотрите убо себя мужи Бога боящійся*. Шражъ Божій непрещанно пошваляещъ чедовѣка въ присуществіи и предъ лицемъ Верховнаго Судии, кошорый все видищъ, все слышищъ, все исчисляещъ, самые даже *власы на главахъ, и естъ стопы на пути* 2). Богобощазненный, удощиваемый свощеннаго права *судити посреда мужа, и посреда брата его* 3), нещомнѣнно вѣруещъ, что право суда естъ право Божешвенное; посему и пользуетъя онымъ, какъ Ангель Божій, съ надежащемо ревностію къ славъ Божіей и ко благо чедовѣческому, и съ соразмѣрною величію предмета ошорощностію; вѣруещъ также, что благоуштроеніе общешвенное естъ не его, но Божіе дѣло; ибо ежели чедовѣкъ самого себя, душу свою и щѣло не можещъ привещи безъ помощи Божіей въ благоуштроенное положеніе; какъ можещъ онъ единъ промышлять о порядкѣ и

1) Быш. III. 24. 2) Іов. XXXI. 4. 3) Шорозъ 4. 16.

благоденствіи не одного, но многихъ тысячъ семействъ? А посему совершаетъ онъ дѣло Божіе въ человѣцѣхъ, имѣя предъ очами всегда Бога неложнымъ свидѣтелемъ и помощникомъ себѣ. Кто боится Бога, спрашивается всего, что только можешь оскорбить Его величіе и святость, и не боится ничего, чѣмъ устрашаетъ его человѣкъ сильный и богатый: *страха же сего не боится, ниже смущается* 1). И такъ изберите себѣ мужи Бога боящихся, и они неболезненно сотворятъ вамъ судъ праведный.

Правдолюбивый можешь быть видѣнъ прежде своего избранія въ Судіи и совершенія имъ суда надъ человѣками. Уможь своимъ размышляетъ онъ день и ночь о заповѣдяхъ Господнихъ. *Чувствія имлетъ онъ* (2) *обученна долгимъ ученіемъ въ разсужденіи добра и зла. Законъ Бога его въ сердцѣ его, и не запнутя стопы его. Уста его глаголютъ судъ и истину.* (3). Рудъ его пворають милость въ людѣхъ и устроаютъ семейственное и общее благоденствіе. *Очи его призираютъ на нища и убога.* (4). Ушеса его слышатъ воздыханія пришѣсенныхъ и вопли угнетенной невинности. Такиимъ образомъ, ежели въ дѣяніяхъ и поступ-

1) Исаи. VIII, 12. 2) Евр. V. 14. 3) Пс. XXXVI. 31. 4) Пс. XL. 2.

какъ правдолюбиваго, яко въ зеркаль, узришь ся сіяющій образъ Суда Божія, въ коемъ по сказанію Пророка, *милость и истина срътостася, правда и миръ обლობызастася* (1): обрѣли вы, Сл. почт., истиннаго Судію; примите ошъ всѣхъ радостныхъ, торжественныхъ привѣстствій, изберите, и посадите его судиши посредь васъ и брашій вашихъ. Ибо ежели онъ въ успроеніи благополучія семейственного — *о малъ въренъ Богу*, достоинъ надъ многими поставленъ быти (2) — да въбрыся ему попеченіе и храненіе общаго спокойствія. Тако ешь воля Божія въ насъ!

Хотя во всякомъ честномъ человѣкѣ слабость какая нибудь еспешвенная извинительна, ибо непримѣнна: но чѣмъ выше кто восходишь изъ среды собраній своихъ, тѣмъ видѣе спановится, и шѣмъ болѣе находишь себѣ подражателей. Слѣдовательно малѣйшая его погрѣшность, едва примѣнное уклоненіе ошъ закона, коего поставляется блюстителемъ, ешь корень и начало многихъ пресупленій, которыя въ свое время ошкроюшся, возрастуть и усилятся, принесуть плодъ и падушъ или на главу виновника своего, или произведутъ сильное пошра-

1) Пс. LXXXIV. 11. 2) Матѣ. XXV. 21.

еженіе въ цѣломъ составѣ общества. Умо-
дрите убо себѣ мужей правдолюбивѣйшихъ,
которыя бы непрестанно *внимали себѣ* (1),
неуспѣшно бдѣли бы надъ непорочносцію сер-
дца своего, ничего не начинали бы безъ бла-
гословенія свыше, и всякое дѣло совершали
бы, всегда помни страшный судъ Вѣчнаго
Судіи. Сіе бодрственное и постоянное вни-
маніе къ себѣ и ко всякому дѣлу, и неуспѣ-
ное трудолюбіе содѣлаешь шо, что поспѣ-
ленный судиши собратіямъ своимъ, вручен-
наго ему меча, изощреннаго правдою, не по-
вергаещъ на выю невиннаго, но поразить
преступленіе въ страхъ другимъ и смиришь
клевешника. И такъ изберите себѣ мужей
правдо-любивыхъ, которыя впрочемъ, при
всей справедливости своей, не почитающъ
себя само-праведными; но со смиреніемъ
просяшь и всегда пріемлюшь правду Божию.

Но кно, не совращая очей, смозиришь
на мнимое совершенство и правду свою и
любуется ими: шоць не получишь отъ Бо-
га *благодати и истинны* (2). Ибо *Господь*
гордымъ противится, смиреннымъ же
дастъ благодать. (3). Гордость есть такаа
спрась, копорая тайно, или явно, всѣхъ
презираешь, надъ всѣми возносишь, недо-

1) Дѣян. XX. 28. 2) Іоан. I. 14. 3) 1 Петр.
V. 5.

спашки другихъ увеличиваетъ, достоинства
уменьшаетъ, — и копорая многіе и различ-
ные способы употребляетъ къ возвышенію
своему и преобладанію. Она — шо унижаетъ
и льститъ сильнымъ, дабы пріобрѣсть ихъ
особеннѣйшее покровительство, шо возве-
личивается предъ слабыми, дабы изумить
ихъ своею пышносцію для большаго про-
славленія себя; шо удаляется въ уединеніе,
дабы привлечь въ слѣдъ себѣ, шо прибли-
жается къ людямъ, дабы уловить ихъ въ сѣ-
ти свои; шо безмолвствуетъ, дабы о ней и
за нее говорили всѣ, шо, какъ спруа, изла-
вается въ краснорѣчіи, да упоишь очаровані-
емъ сердца слушающихъ, пльнишь ихъ въ
послушаніе себѣ — устами отказываеши по-
честей, дабы всѣ чтили ее, сердцемъ же
ищетъ оныхъ; шо хвалишь другихъ, дабы
выславить себя достойнѣйшею похвалы, шо
укоряешь себя, дабы отличиться предъ дру-
гими смиреніемъ; всѣмъ угождаешь, дабы ей
всѣ угождали; и чрезъ сіе упоищенное ис-
кусство рукою чуждою воскуряешь еиміамъ
предъ собственнымъ идоломъ. И что пре-
пятствуетъ гордости причислишь себя къ
лику свѣпыхъ добродѣтелей? Она не рѣдко
ставитъ престолъ свой еще злыде (1), и

1) Ісаи XIV. 13.

знать не хочешь, яже долу совершаются; подобно творить себя *Вышнему*, (1) и святѣйшія права высочайшей Его власти похищаешь себя. Убо сколь богопропивна спрасъ сѧ! Но и въ отношеніи къ ближнему, она есть обида сама по себѣ, потому что отвергаешь законъ справедливости, которая *воздаетъ вѣзмъ долгая* (2). Онь гордости вражда, зло и мщеніе. Онь гордости прищѣненія и гоненія. Онь гордости непримѣнное помраченіе чести другихъ, оспрыя и извѣщельныя слова. Онь гордости неповиновеніе властямъ, враждующія споры и междоусобія. Можешь ли пошь сошвориши людямъ судъ правый, кпо во всемъ видишь и любишь себя, печешься о себѣ, и все приписываешь себѣ? И такъ *усмотри себѣ мужи ненавидящія гордости*. Но какъ часто, слушатели почтенные, мы ненавидимъ гордыхъ потому, что сами крайне горды! Истинное смиреніе не гордыхъ ненавидишь, но гордость. Оно извиняешь гордыхъ и щерпишь; ибо люди бывають иногда горды по сознанію совершенствъ и заслугъ своихъ. Смиренный спрогъ наипаче къ самому себѣ, онь всемирно спарается сокрушить въ себѣ спрасъ сѧ, подавши вся-

1) Исаи XIV. 14. 2) Римл. XIII. 7.

кую гордую мысль о себѣ въ самомъ ея началѣ. При всемъ истинномъ величій души, при всѣхъ добродѣтеляхъ своихъ, онь почтиаешь себя безпредѣльно малымъ предъ безконечнымъ величійемъ Бога, и ничѣмъ предъ Его всемогуществомъ и правдою. Смиренный спавишь себя ниже и хуже всѣхъ людей, предспавляешь себя рабомъ всѣхъ челоувѣковъ; а иногда, въ жару сильнаго и истиннѣйшаго чувствія своихъ неправдъ, считаешь себя недостойнымъ и имени челоувѣка: *азъ есмь червь, а не челоувѣкъ* (1). Такъ сказали о себѣ, сѣдя на престолѣ, Царь и Пророкъ Давидъ, возвеличенный дарованіями естественными и благодатными! Не стыдишеса, почтенные слушатели, Христіанскаго смиренія. Оно совсѣмъ не унижаетъ челоувѣка до презрѣннаго рабства. Слѣдуешь ли называшь того рабомъ, кпо всѣмъ истинно служда, всѣмъ воздаява должное, не оспашаешь должнымъ никому, приобрьтаешь чрезъ подвиги спокойную независимость, и наслаждаеша Христіанскою свободою. Хошь смиреніе истинно отвергаеша всякой чести, потому, что усмашриваешь въ ней пищу гордости: впрочемъ честь и высокія званія смиренному не неприличны. *Аще кто Епископства желаетъ, добра дѣла же-*

1) Пс. XX. 7.

летъ 1). Ибо, можешь быть, онъ чувствуетъ въ себя силы достаточныя къ совершенію сего священнѣйшаго служенія и Божіе къ тому призываніе. Такъ равно, кто хочешь быть начальникъ и Судія по шѣмъ же побужденіямъ, — похвальное дѣло. Но какъ смиреніе не усиливается приобрѣсть или исшоргнуть себя честь и высшій санъ: то для него все равно, возвышаютъ ли его или нѣтъ; оно не скорбитъ, будучи унижимо; и не слѣпкомъ радуешь своему возвышенію. Слѣдственно смиреніе не есть малодушіе. Оно охотно прощаетъ обиды, и не помнитъ зла. Изыщешво и величіе смиренія познаешь въ крошости и покорности, въ скромности и незлобїи, въ общественности и безкорыстїи; открываешь также въ братолюбномъ исправленїи другихъ. Смиренный поучаетъ ближняго безъ надменности, увѣщаетъ безъ гнѣва, обличаетъ безъ злости, напоминаетъ о несправедливости безъ униженія его въ глазахъ другихъ, исправляетъ безъ презрѣнія, наказуешь безъ жестокости, *блюдь себя, да не и самъ искушенъ будетъ* 2). Поелику онъ самъ въ себя имѣетъ миръ, то и другихъ враждующихъ приводишь къ согласію, и всѣ силы упопробляешь къ распространенію;

1) Тим. III. 1. 2) Гал. VI. 1.

утвержденію и сохраненію мира и безмятежїи въ челоуѣкахъ.

И такъ изберите себя мужи ненавидѣщїя гордоспи, мужи смиренныя и крошкія.

Почтеннѣйшее Благородное Дворянство! Вамъ обрашалося въ навѣкъ оплчачься любовію къ отечеству и вѣрностію къ Августѣйшему Монарху, видѣть и пешися цокмо о благѣ общемъ, забывая собственныя выгоды. Въ дѣянїяхъ вашихъ и душахъ сіяютъ древнїя добродѣтели великихъ вашихъ предковъ, кошорые пользы общей всѣмъ жершвовали. Съ какою радостію примѣчаемъ, что достойнѣйшіе потомки не уступаютъ достойнымъ предкамъ, своими благошворенїями и пожертвованїями. Се! во градъ семъ воздвигается огромный памятникъ безпримѣрной вашей ревности къ Христіанскому и отечественному просвѣщенію, — величественное святилище Наукъ. Подлинно велико дѣло сіе! въ немъ откромься начатки шѣхъ добродѣтелей, кошорыя составляютъ истинное величіе и славу отечества. Благое дѣло ваше написано на небесахъ, и незабвенно пребудеть на земли. — Видѣль Іоаннь Богословъ въ откровенїи своемъ, ошъ *престола Агнчи* 1) протекающую великую *рѣку кри-*

1) Апок. XXII. 1.

сталловидную. Видимъ мы все отъ престола крошкаго и щедраго Царя нашего обильно изливающіяся великія милости, и опличные знаки опличившаго Его благоволенія, украшающіе безкорыстіе, достоинство и заслуги. Движимые наспоищею милостію Монаршею и другими многими, явите въ предлагаемъ вамъ дѣль избранія соудниковъ Царевыхъ древнюю доблесть, шодико вамъ свойшвенную, съ кошорою попираете ногами своими спрассти. Явите шо благородство души, съ кошорымъ обыкли не спрашиться лица сильныхъ, не удивляться имъ и не стыдиться во истинѣ. Да оживляенъ спрахъ и благоговѣніе предъ Богомъ всякую вашу мысль, всякое слово и каждое движеніе ваше. Вмѣстѣ съ Церковію, яко члены ея, вы призываете вѣчнаго Судію во свидѣшеля невинности и безприспрасстія въ семь великомъ дѣль. Совершите убо его достойно Бога, *по правдѣ и по чистотѣ рукъ вашихъ.*

Господи, Боже истинны и правды! послани люди Твоя сія премудрость Твою съ небесъ святыхъ 1), и отъ престола славы Твоея послани ю: да сущи съ ними потрудится, и увѣдятъ, что благоугодно есть

1) Прем. Сол. IX. 10.

предъ Тобою 1). *Вѣсть бо она вся и разуметь и наставитъ ихъ во дѣль ихъ шломудреннъ; и сохранитъ ихъ во славу своей 2).* И будутъ пріятна дѣла ихъ и разсудятъ люди Твоя праведнъ и избранные достойны явятся и будутъ престоловъ суда на земли предъ челоувки и на Небеси предъ Тобою и предъ Ангелами Твоими. — Аминь: (*)

II.

Б І О Г Р А Ф І Я

Л Е С А Ж Ъ.

(Изъ Критическихъ жизнеописаній славныхъ Романистовъ, сог. Валтера Скотта.)

Начиная біографическое начерпаніе жизни Лесажа, мы должны, какъ и прежде во многихъ случаяхъ, изъяснить безплодное сожалѣніе о томъ, что до насъ дошло весьма мало подробностей о Писателѣ, столь опличномъ. Люди високаго ума; кошорыхъ удивленіе наше желало бы чинить по смерти ихъ, какъ вѣщю священное; несутъ одну

1) Прем. Сол. IX. 11. 2) Прем. Сол. IX. 12.

(*) Слово сіе было разсмаприваемо и одобрено къ напечатанію въ Сынѣ Отѣчества Санктшербургскою Духовною Цанзурою.

участь съ шѣми добродѣтельными мужами, кои, проведя жизнь въ безвѣстности и нищеть, бывъ часто презрѣны и даже гонимы, получающъ по смерти богатыя гробницы, для успокоенія бранныхъ оспанковъ своихъ. Жизнь Лесажа, какъ и многихъ другихъ Писателей, щедро способствовавшихъ къ невинному увеселенію подобныхъ имъ, была трудолюбива, безвѣстна, и едва литературныхъ трудовъ его доставало къ ея поддержанію.

Алинь-Рене-Лесажъ родился въ одной деревнѣ, близъ города Ванна (Vannes) въ Бретани, 8 Мая 1668 года *). Незвѣстно въ точности, какое было званіе отца его; но какъ онъ оставилъ небольшое имѣніе своему сыну, шо можно догадываться, что онъ былъ не изъ послѣдняго состоянія людей **). Къ несчастію, оставшись сиротою еще въ дѣтствѣ, Лесажъ попался подъ опеку къ своему дядѣ, человѣку столь равнодушному къ одной изъ священнѣйшихъ обя-

*) Въ Сарзо, на полуостровѣ Рюисъ (Ruys) особенно знаменитомъ по Аббатству Сень-Жильда, коего Абеляръ былъ Пріоромъ. (Прим. Фран. Изд.)

**) Клавдій Лесажъ былъ Адвокатомъ, Нотаріусомъ и сверхъ того Секретаремъ Королевскаго Суда въ Рюисѣ. Жена его въ дѣвцахъ называлась Жанна Бреюга. (Прим. Франц. Изд.)

занностей общества, что онъ вовсе не радъль ни объ имуществѣ, ни о воспитаніи своего племянника. Послѣдняя невгода была болѣею частію поправлена привязанностію отца Бошара, Іезуита и Принципала въ Ваннскомъ Коллегіумѣ. Выказывавшіяся дарованія молодого Лесажа задобрили Іезуита въ его пользу, и онъ съ удовольствіемъ спарался поддержать въ своемъ воспитанникѣ охоту въ Словесности. Кажется однако жъ, что Лесажу поздно уже представился случай заслужить благосклонное вниманіе отца Бошара; ибо, когда онъ пріѣхалъ въ Парижъ 1693 года, на 25 году своей жизни, шо главная цѣль его путешествія была — продолжать изученіе Философіи, неизвѣстно, съ какимъ намѣреніемъ *). Будучи нрава кропкого и веселаго, молодъ и награжденъ, какъ скъзываютъ, всѣми наружными преимуществами, Лесажъ скоро почувствовалъ на себя вліяніе Парижскаго воздуха. Онъ, къ сожалѣнію, вдался въ свѣтскую разбѣянность, и завелъ связь съ одною женщиною знашнаго

*) Лесажъ конечно прібылъ въ Парижъ для усовершенствованія своего воспитанія курсомъ Философіи въ Университетѣ. Разсужденіе Вальпера Скопша ни сколько не объясняется. Молодые Англичане, выходя изъ пансіоновъ, также слушающъ курсы въ Университетахъ. Пр. Фр. Изд.

рода, которая, говоряшь намъ его жизнеописатели, дѣлала съ нимъ свое сердце и богатство. Но не говоряшь, чѣмъ кончались сія похождения, за коими слѣдовала спрашь гораздо важнѣйшая. Лесажь влюбился въ молодую, милую дѣвушку, дочь одного спольяра въ улицѣ Моршеллери *), женился на ней, и съ этой поры искалъ и нашелъ счастье въ любви семейственной. Отъ этого брака имѣлъ онъ троихъ сыновей, о которыхъ мы послѣ будемъ говорить, и дочь, которой дѣвская любовь всегда и единственно стремилась къ тому, чтобы споспѣшествовашъ успѣшнѣямъ, кои отецъ ея находилъ въ нѣдрахъ своего семейства.

Лесажь и послѣ женишбы по прежнему посѣщалъ Парижскія общесва, въ коихъ Литераторы были приняты, какъ дорогіе гости: кажешся, онъ пріобрѣлъ себѣ искреннихъ и ревностныхъ друзей. Аббашъ де-Лионнъ **), между прочими, заслужилъ права

*) Нѣкоторые современные намъ Біографы доискались, что шесть Лесажа былъ не спольяръ, а мѣщанинъ, по имени Гюйяръ. Этоишъ небогатый мѣщанинъ могъ прежде занимашся ремесломъ, а потомъ оставишъ оное. *Прим. Фр. Изд.*

**) Аббашъ Юлій-Поль де-Лионнъ, старшій сынъ Гуга де-Лионнъ, Министра Иностраныхъ дѣлъ и Спашсъ-Секретаря. Онъ былъ Абба-

не только на личную благодарность самого Писателя, но даже попомства. Онъ далъ Лесажу пенсіонъ въ 600 франковъ и, кромѣ того дѣлалъ ему многіе подарки значительной цѣны. Но онъ оказалъ ему гораздо важнѣйшую услугу тѣмъ, что обратилъ его вниманіе на Литературу Испанскую, которую Лесажь въ послѣдствіи такъ удачно совокупилъ съ Литературою Французскою.

Полипическія событія Испаніи придали Литературѣ ея весьма замѣное свойство оригинальности. Непосредственное содѣство многихъ небольшихъ Королевствъ, часто потрясавшихся войнами междуособными, представляло случаи ко многимъ частнымъ приключеніямъ, кои не могли бы случишся подъ закономъ одного Правительства, основаннаго на швердыхъ правилахъ. Романическая ошвага рыцарства, столь любезнаго Испанцамъ, близость Мавровъ, принесшихъ съ собою блестящія сказки, и спрание, но богатое воображеніе счастливой Аравіи, необыкновенная пылкость любви и мщенія въ сердцахъ Испанцевъ, ихъ изсшупленная спрашь къ чести, ихъ неумолимая жестокость, представляли сперва всѣ матеріалы иномъ въ Мармушѣ, а умеръ въ Парижѣ 5 Іюня 1721 года, Пріоромъ въ Сенъ-Мартець-де-Шанъ. *Прим. Фр. Изд.*

Романа Писателя, который хотѣлъ упо-
 пребить ихъ въ дѣло. Если дѣйствующія его
 лица казались иногда исполненными или на-
 пуганными, то Сочинитель находил свое
 оправданіе въ характерѣ народа, у коего вы-
 бралъ мѣсто дѣйствія. Если описываемыя
 происшествія были сумасбродны или невѣ-
 роятны; то страна, которой Кастилланы
 и Арагонцы, Испанцы и Мавры, Христіане
 и Мусульмане столько вѣковъ вели между
 собою войну, — могла въ самую даже Исто-
 рію вписать происшествія истинныя, коими
 въ Романахъ оправдывались вымыслы самые
 смѣлые *). Здѣсь нельзя не замѣтить, что
 Французы, самый веселый народъ въ Европѣ,
 основали свой Театръ на формахъ напыщен-
 наго краснорѣчія, которое всѣми другими
 народами оглашено, какъ несмертное; и
 между тѣмъ какъ Испанцы, важные, степен-
 ныя и вовсе не смѣшливые, первые ввели
 въ своихъ зрѣлищахъ все движеніе самыхъ
 рѣзвыхъ и запущанныхъ интригъ, похищенія,
 маски и шелковыя лѣспинцы, пошайныя ком-
 нашы и фонари, опускаемыя помосты: сло-
 вомъ, всё принадлежности дѣйствія безпре-

*) Жизнь самого Сервантеса заключаетъ въ
 себѣ всё происшествія разнообразнаго Ро-
 мана. (Пр. Фр. Изд.)

ривнаго и быстраго. Неисчерпаемое ихъ во-
 ображеніе такъ имъ въ этомъ послужило,
 что Театръ ихъ самъ собою есть родникъ,
 который драматическіе Писатели всѣхъ
 странъ цѣлые вѣки разрывали, и теперь еще
 разрывающъ, не опасаясь быть уличенными.

Лесаажъ скоро попытался воспользоваться
 своимъ познаніемъ объ Испанскомъ Театрѣ.
 Онъ перевелъ съ подлинника, изъ сочи-
 неній Донъ-Франсиска де-Рохасъ, *Наказаннаго
 измѣнника* (Le traître puni *); сочиненіе
 еіе не играно, но напечатано было въ 1700
 году. Онъ занялъ у Лопеса де Веги **)
 другую Драму, подъ заглавіемъ: *Донъ Фе-
 ликсъ де Мендоса*, которая то же не была
 играна и даже напечатана до тѣхъ поръ, по-
 ка Лесаажъ не издалъ полнаго своего Театра
 въ 1739 году.

Правила чести (Le point d'honneur ***)

*) La Traición busca el castigo (Измѣна напра-
 шивающа на наказаніе). Донъ-Франциско де-
 Рохасъ, драматическій Стихотворецъ, сопер-
 никъ Кальдерона въ пьесахъ, основанныхъ на
 интригѣ, писалъ около половины XVII вѣка.

**) Лопесъ де Вега Карпио, Испанскій Шек-
 спиръ, и безъ прошиворѣчія, самый плодови-
 тый Писатель изъ всѣхъ донынѣ извѣстныхъ.
 Онъ написалъ 800 однихъ театральныхъ пьесъ,
 кромѣ Поэмъ и пр.

***) No hay amigo para amigo (нѣтъ друга за

пiеса, переведенная также съ Испанскаго, была представлена на Французскомъ Театрѣ 1702 года, но безъ успѣха. Это Сашира на педантскія и мелочныя правила, коимъ въ шарину подчиненъ былъ вопросъ о томъ, что называлось личнымъ мьстничествомъ. Тогда ссорились по печальному уславу, а дрались наединѣ по законамъ Логики. Уже въ вѣкъ Шекспира, Бомонца и Флешчера*), Театръ Англійскій насмѣхался этому химерическому бреду; но въ Парижѣ сіи спранности, безъ сомнѣній, были почти забыты, и Сашира на нихъ не могла произвеси на Театрѣ сильнаго впечатлѣнія въ началѣ XVIII вѣка. *Правила чести* были играны только два раза.

друга), Франциска де Рохасъ; этой пiесѣ подражалъ уже Скарронъ, въ *Jodelet duelliste*, и она же доспавила весьма забавную сцену Шекспиру, въ послѣднемъ дѣйствіи въ Комедіи: *As you like it* (Какъ вамъ угодно), гдѣ онъ напоминаетъ объ очень погда извѣстной книгѣ, изданной въ 1594 году какимъ-то Винсенціо Савіоло, подъ заглавіемъ: *O гести и ссорахъ за гести*, въ 4-ю долю. (Пр. Фр. Изд.)

*) Эпихъ Писателей можно было бы назвать Фрескомъ и Пиладомъ изъ Позшовъ драматическихъ; но литературныя братства спали уже очень не рѣдки въ наше время.

Въ 1707 году, *Донъ Цезарь Урсинъ* *), Комедія, взятая изъ Испанскаго Кальдерона на Театра и переведенная Лесажемъ, была сыграна и освиспана на Французскомъ Театрѣ. Въ ушѣшеніе Сочинителю, забавный фарсъ **) *Криспинъ соперникъ своего барина*, передѣланный Гаррикомъ для Англійскаго Театра, подъ заглавіемъ *Neck or nothing* ***), приняты были пѣми же слушателями съ шумными рукоплесканіями. Не странно ли, что одинъ и тотъ же драматическій Писатель былъ расхваденъ и освиспанъ въ тотъ же день за двѣ разныя пiесы? Но участь Лесажа была еще спраннѣе. *Донъ*

*) *Peor està que estava* (Часъ опъ часу хуже). Донъ Педро Кальдеронъ де ла Барка, почти споль же плодовишый, какъ и Лопес де Вега, имѣешь пѣ же красоны и пѣ же недосатшки. Корнель занялъ у него свою Трагедію *Ираклій*. (Пр. Фр. Изд.)

**) Такъ она названа была при Дворѣ. Сиръ Вальшеръ Скопшъ могъ бы употребить выраженіе поблагороднѣе, говоря о сей Комедіи; но слово *фарсъ* на Англійскомъ языкѣ не споль низко, какъ на Французскомъ, и часно говорихся о маленькихъ пiесахъ, кои даюцся въ заключеніе спектакля.

***) *Neck or nothing* была играна только шестъ или семь разъ, а потомъ забыта. (Пр. Англ. Изд.)

Цезарь, какъ мы сказали, упалъ въ городъ, а *Криспинъ* заслужилъ рукоплесканія. При Дворѣ во Франціи сей судъ былъ совершенно на изнанку: расхвалили Комедію, а фарсъ безъ милосердія освидали. Время подтвердило рѣшеніе Парижанъ, и уничтожило рѣшеніе Версальское.

Лесаажъ сдѣлалъ и другую попышку въ Комедіи правильной. Онъ изобразилъ въ своемъ *Тюркаретъ* портретъ комическій, хотя и ненавистный, сборщика подашей, который изъ самаго низкаго званія вышелъ, какъ говорится, *въ люди* лихоимствомъ и плушнями, распочаешь ново-добышныя свои богатства для одной знатной красавицы, копорая его дурачить и обманываетъ; между тѣмъ какъ онъ опказываетъ въ малѣйшемъ пособіи женѣ своей и ближнимъ родственникамъ, находящимся въ крайней нищестѣ. Сборщики подашей, какъ люди довѣренныя, да и по самому своему богатству, всегда имѣли сильное вліяніе при Дворѣ. Какъ видно, они употребили все это вліяніе, чтобы попрпятствовать еще на нѣкоторое время, казашъ глазамъ публики споль презрительное олицетвореніе ихъ сословія. Запрещеніе было снято по повелѣнію Его Высочества *), опъ

*) Великій Дофинъ, сынъ Лудовика XIV.

15-го Октябрия 1708 года. Покажѣсь Комедія была еще у Сочинителя, Лесаажъ показалъ, какъ мало былъ онъ придворнымъ чело-вѣкомъ. Опъ него претовали, чптобъ онъ прочелъ рукописную свою Комедію въ домѣ Герцогини де Бульонъ. Чтенію должно было начаться въ полдень; но въ назначенный день, рѣшеніе одного весьма важнаго процесса помѣшало Лесаажу явиться къ Герцогинѣ прежде двухъ часовъ по полудни. Наконецъ онъ явился и хотѣлъ извиниться; но Герцогиня приняла его холодно, и дала ему на замѣчаніе, что ея общество потеряло два часа, ждалъ его. — „Ваша Свѣшлость изволили потерять два часа,“ сказалъ Лесаажъ: „ихъ легко вамъ возвратишь, и пошому я не читаю своей комедіи.“ —

Онъ ушелъ изъ дому Герцогини, и съ тѣхъ поръ шуда ни ногою, сколько его ни уговаривали. *Тюркаретъ* былъ сыгранъ и съ успѣхомъ, на зло всѣмъ кознямъ, копоры замышляли противъ сей Комедіи люди, служившіе по финансовою части. Сочинитель, подражая Мольеру, прибавилъ къ ней драматическую кришику, въ которой защищаешь свое сочиненіе противъ сужденій, на нее ополчившихся. Дѣйствующія лица сей интермедіи были Донъ Клеофасъ и Хромоногій бѣсъ. Онъ выводилъ ихъ на Театръ,

какъ невидимыхъ зрителей представлѣнія *Тюркарета*, и засмѣляешь ихъ говорить въ аншр-аксахъ, подобно какъ мнимые зрители говорятъ въ Бень-Джонсоновой Комедіи: Every man out of his humour (*). Цѣль сего разговора была та, чтобы прославить пошество Сочинителя и посмѣяться надъ побѣжденною кабалою. Изъ разговора мы видимъ, что кромѣ друзей Сочинителя и друзей его друзей, принуждены были еще поспавить отрядъ полицейскихъ, для воздержанія ревности нижнихъ чиновъ Департамента финансовъ. Асмодей совершенно выдерживаетъ сапирической свой характеръ, и замѣчаетъ Донъ-Клеофасу, указывая ему на горячій споръ друзей и противниковъ пьесы, что по мѣрѣ пого, какъ ссора разгарается, одна сторона говоритъ о Комедіи больше худаго, нежели думаетъ, а другая думаетъ о ней меньше добраго, нежели говорить.

Кажется, *Тюркаретъ* и была одна оригинальная Комедія, которую Лесажъ написалъ по правиламъ Французской Комедіи. Хотя сапира въ ней очень ѣдка, но главное лице, на которомъ все основано, представлено

(* Каждый не въ своемъ духѣ, сапирическая Комедія. (Пр. Фр. Изд.)

слишкомъ презрительнымъ и злобнымъ, и отъ того оно не смѣшное и не комическое въ истинномъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ Тюркаретъ такъ ненавистенъ, что говорили, буди бы мщеніе расширяло живописцу краски для сего поршрета. Тогда носился даже слухъ, хотя и ничѣмъ не доказанный, что Лесажъ, бывъ выпѣсненъ съ одного мѣсна по казеннымъ арендамъ какимъ-то чиновникомъ, сочинилъ сію драматическую Сапиру въ опшщеніе всему сословію сборщиковъ подапей во Франціи. Вѣроятно, Лесажу дѣланы были предложенія къ занятію какого-то мѣсна, ибо онъ часто швердилъ своимъ сыновьямъ, что онъ отказывался отъ такихъ должностей, при которыхъ многіе понагрѣли себя руки, но что совѣсть запрещала ему нажиться симъ способомъ. Эпи выраженія споль неясны, что жизнеописатель не можетъ вывести изъ нихъ никакихъ заключеній. Со всѣмъ тѣмъ, они явнымъ образомъ противорѣчатъ тому, что Лесажъ былъ когда-либо Секретаремъ у главнаго сборщика подапей.

Сношенія его съ Французскимъ Театромъ, на которомъ одномъ только можно было играть правильныя пьесы въ родѣ *Тюркарета*, были вскорѣ за шѣмъ прерваны. Лесажъ ошдалъ въ 1708 году небольшую пьесу въ

одномъ дѣйствіи, подъ заглавіемъ: *Бочка* (*); она была играна уже въ 1732; хотя причина сего промедленія не совсѣмъ извѣстна, но по достоверно, что Сочинитель весьма пѣмъ обидѣлся. Лесаажъ весьма былъ оскорбленъ надменнымъ обращеніемъ Актеровъ съ Писателями; за это онъ сполна опомсшилъ имъ въ своихъ Романахъ, изобразивъ тогдашнихъ комедіаншовъ и смѣшными и достойными презрѣнія.

Всего вѣрояише, что первые его драматическіе опыты были несчастны, по тому что завязки ихъ и театральныя положенія основаны были по плану инприга Театра Испанскаго; а это не весьма нравилось Парижанамъ, привыкшимъ, во славу Молиера, къ Комедіямъ характернымъ и чувствованіямъ естественнымъ. *Тюркаретъ*, лучше приспособленный къ тогдашнему вкусу, былъ и лучше принятъ; но сцены пакъ слабо между собою связаны, а инприга пакъ мало занимательна, что сіе сочиненіе скорѣе можно почестъ драматическою Саширой, неже-

(*) Лесаажъ, сказывающъ, далъ свою піесу *Бочка* на Сень-Лоранской ярмонкѣ, подъ заглавіемъ *Арлекинъ - Полковникъ*. Послѣ того была она выдана за ново на Театрѣ Variétés еще подъ ирешнимъ именемъ (*Пр. Фр. Изд.*)

ли собственно Комедіей. Правду сказать, шѣ, которыя будутъ имѣть довольно шерпнія для прочшенія піесъ Лесаажевыхъ, не подивяся, что онъ упалъ, какъ Поэтъ драматической. Для лучшаго порядка и ясности, мы спанемъ слѣдовать за Лесаажемъ по всему его драматическому поприщу; и пѣмъ болѣе можемъ ограничиться быспрымъ обзоромъ, что нѣтъ уже ни одной Лесаажевой піесы, которая бы сполна, чтобы на ней остановишься подолѣе.

(*Продолженіе впрѣдъ.*)

П.

Ф И Л О С О Ф І Я

Жизнь Человѣческая, разсматриваемая, какъ великое и безпрерывное воспитаніе.

(*Изъ Дежерандо.*)

Великое дѣло воспитанія чловѣка начинается подъ надзоромъ самымъ священнымъ и самымъ кропкимъ; само Провидѣніе, кажешя, приняло на себя заботы о его началѣ, ввѣривъ оное сердцу мапери: это еснѣ благодвініе попечительности и

любви. Да радуется младенчество о своемъ безсиліи и о своей слабости: они доставляютъ ему столь прекрасное и нѣжное покровительство при вступленіи въ первый возрастъ! Многие люди не знаютъ иного воспитанія, кромѣ воспитанія маперинскаго; для многихъ другихъ оно продолжается еще долгое время спасительнымъ вліяніемъ, которое добродѣтельная мать всегда сохраняетъ, и котораго дѣйствіе есть самое сильное. Счастливы матери, вполне понимающія сіе прекрасное преимущество свое! Счастливы дѣти, которымъ дозволено наслаждаться имъ долгое время! Сіе колыбельное воспитаніе могло бы быть образцомъ для всѣхъ возрастовъ, долженствовало бы быть предметомъ изученія; но не смотря на то, помышляютъ ли объ изученіи онаго? Оно научаетъ пиомца употреблять свои силы и испытывать способности; оно направляетъ его въ двухъ предметахъ, которые въ послѣдствіи будутъ служить ему облегченіемъ при изученіи всего прочаго: оно доставляетъ ему искусство рѣчи и раскрываетъ предъ нимъ его сердце, научая любить. Потомъ наступаетъ, подъ руководствомъ наставниковъ, искусственное воспитаніе, которое долженствовало бы быть продолженіемъ предъидущаго, но ко-

торое, по большей части, не радѣетъ о сбереженіи посвященныхъ онымъ сѣмь. — Къ непосредственнымъ назиданіямъ наставниковъ присоединяются другія, не столь замѣтные, но, можешь быть, сильнѣе дѣйствующія и болѣе неизгладимыя — тѣ, которыя юноша извлекаетъ изъ своего, съ каждымъ днемъ увеличивающагося, обращенія съ посторонними людьми, преимущественно съ своими товарищами, и тѣ, которыя сообщаются ему внѣшними обстоятельствомъ. Сіе второе воспитаніе приноситъ лучшіе плоды, отъ того, что пріучаетъ пиомца дѣйствовать самимъ собою, и такимъ образомъ способствуетъ постепенному и правильному развитію даровъ, полученныхъ имъ отъ природы. Оно пополюку его научаетъ, пополюку дѣлаетъ способнымъ учиться и производишь; оно не сообщаетъ ему науки и добродѣтели, но приводитъ его въ состояніе открывать первую и любить вторую, и такъ оно призываетъ въ пособіе его собственное содѣйствіе, и сіе пособіе съ каждымъ днемъ становится значительнѣе и важнѣе, по мѣрѣ, какъ силы его возрастають, и опытность расширяется. Наконецъ наставники удаляются, и въ глазахъ людей поверхностныхъ воспитаніе кажется конченнымъ. Но тогда оно только

перемѣняетъ способы, и въ своемъ новомъ видѣ, въ семь претрѣмъ періодъ, приобретаешь особенную важность и полезность. Мѣсто воспитанія заемнаго заспунаешь воспитаніе произвольное — или лучше скажешь, внушенное и произвольное воспитаніе, которое вшайнѣ болѣе или менѣе содѣйствовало воспитанію, получаемому извнѣ, которое сообщало сему послѣднему его дѣяшельное начало, — сіе воспитаніе оспаешся одно, и будешь наполняешь собою оспаешъ жизни. Эшо дѣяшельное содѣйствіе, которое долженствовало присоединяешься къ назиданіямъ наставниковъ, пріемля образъ независимости, — признаешь, призываешь новаго наставника: размышленіе. Нѣтъ сомнѣнія, что молодой человекъ, вступающій на позорище свѣта, можетъ предаться влеченію обстоятельствъ и спрасшей, и подчиняешься приобретенымъ навыкамъ; но тогда онъ уже пройдешь поприще усовершенствованія, и одновременно достигнешъ — не цѣли, но относительнаго предѣла своего; тогда онъ опкажешся ошъ преимуществъ юности, увлекаясь противоположными силами, и не умѣя ни распознать цѣли ихъ, ни управляешь ихъ вліаніемъ. — Въ эшо время нуженъ ему дружественный и чисносердечный голосъ, который вызвалъ бы его изъ

увлекающаго вихря, открылъ бы ему заблужденіе его, и показалъ бы, что его будущее благополучіе лежить на его отвѣтственности, и что потому великія обязанности возникають изъ свободы, имъ приобретаемой; голосъ, который научилъ бы его, сколь важна сія рѣшительная эпоха, ошъ которой будешь зависѣшь ожидающая его судьба! И если въ шу самую минуцу, когда онъ дѣлаешся судьбою своей собственной участи, онъ углубишся въ самого себя, какой неожиданный видъ въ даль откредешся передъ нимъ! въ какомъ новомъ образѣ явишся ему жизнь, которую онъ едва полько испыталъ! Онъ оспанавливаешся, колеблешся! Удивленный, онъ вопрошаешь вселенную, вопрошаешь судьбу свою, вопрошаешь самого себя. Тысячи шемныхъ шайнѣ предспавляються ему; колеблюшся, успрашають его, но онъ хочешь испытаешь ихъ глубину, — и чѣмъ болѣе расширяется умъ ошъ приобретаемыхъ имъ понятій, тѣмъ многочисленнѣе становяшся его сомнѣнія. Въ шо же время онъ чувствуешь необходимость швердыхъ оснований, на которыя могъ бы опираться его разумъ. Чѣмъ добродѣельнѣе сердце его, тѣмъ сильнѣе бываешь пошребность почерпнуть изъ собственного убѣжденія правила, долженствующія служить основою его поступковъ

и упрочивать его благополучіе. Изъ числа вопросовъ, порождаемыхъ сего рода изслѣдованіемъ, самый естественный, самый важный есть слѣдующій: для какой цѣли послана я на землю? Какія средства къ достиженію оной? Какой путь приводитъ къ ней? На семь поприщъ, на которое онъ вступилъ, исполненный рвенія и чувствуя свои силы, но которое для него покрыто мракомъ, онъ хочетъ знать, чего можетъ надѣяться; вопрошаетъ себя, какое употребленіе долженъ сдѣлать изъ пожирающей его дѣятельности. Въ это время отецъ, добрый отецъ, да подастъ ему назидательные уроки въ примѣрахъ общественной жизни, и чистосердечный юноша да обрѣтеть въ мужъ, созрѣвшемъ опытностію, друга, который, не предлагая ему предписаній, принималъ бы его довѣріе, сближался бы съ нимъ, и былъ бы подпорю его прямодушія.

И такъ въ оное счастливое мгновеніе, означающее переходъ изъ отроческаго возраста въ юношескій, должно быть положено основаніе и составлена система произвольнаго воспитанія: но иногда это воспитаніе только начинается, ибо оно есть дѣло цѣлой жизни, до послѣдней минушы. Жизнь человѣческая въ сущности есть великое воспитаніе, коего цѣль — усовер-

шенствованіе: сія основная истина удовлетворяетъ всѣмъ сомнѣніямъ, превозвѣщеніемъ юное сердце, и безпокойствомъ возникоющій разумъ; разрѣшаетъ, объясняетъ и распределяетъ все въ нашемъ земномъ переходѣ. — И такъ, вопль ошвъщъ, котораго онъ искалъ. Онъ изясняетъ ему недоумѣнія и безпокойства его, и въ то же время удовлетворяетъ имъ. Послѣ этого человѣкъ всегда будетъ помнить свою обязанность, и не только въ поступкахъ своихъ имѣть въ виду будущее, но и пріуголовляться къ тому. Каждое его дѣяніе будетъ имѣть неизбежное вліяніе на послѣдующія. Съ каждымъ шагомъ онъ будетъ подвигаться на пути своемъ. Опытъ просвѣтитъ его, а упражненіе укрѣпитъ. — Мы видимъ людей, которые въ нравственномъ отношеніи, возрасли уже въ совершеннѣйшія. Мы видимъ и такихъ, которые въ старости ювѣють для добродѣтели: всѣ могутъ обогащаться, улучшаться въ каждое мгновеніе сихъ двухъ періодовъ жизни: воспитаніе существуетъ, доколь существуетъ будущность. На пути усовершенствованія неподвижна одна почка отбытія, но не цѣль. Для инаго послѣдній день жизни спановится прекраснѣйшимъ днемъ. — Удалимъ ошъ себя всякое надменное заблужденіе, которое скрывало бы предъ

нами бескиіе наше, которое внушало бы намъ излишнюю увѣренность въ успѣшности нашихъ усилій. Безпрерывное испытаніе, которому мы будемъ подвергаться наши силы, скоро разсѣетъ сіе заблужденіе. Но это самое испытаніе послушаетъ намъ урокомъ, и, безъ сомнѣнія, урокомъ самымъ полезнымъ. Впрочемъ, кому неизвѣстно, сколь многое въ состояніи произвести существа даже наименѣе облагодѣшествованныя природою при помощи чистосердечной и посвященной воли, если только они пользуются ею съ швердосію и неушомимымъ постоянствомъ. Мы удивляемся, видя, что въ простыхъ механическихъ занятіяхъ правильная, постоянно - поддерживаемая дѣятельность даетъ бытіе такимъ произведеніямъ, которые казались невозможными; мы съ справедливымъ изумленіемъ останавливаемъ свое вниманіе на сего рода образцахъ, какъ ихъ называютъ, которые суть не иное что, какъ доказательство подобной неушомимости. Какіе несравненно возвышеннѣйшіе образцы произвелъ бы шоть, кто употреблялъ бы такое же постоянство, такую же правильность при своемъ нравственномъ образованіи? Если бы каждую минушу, прежде, нежели начнемъ дѣйствовать, мы вопрошали самихъ себя, что есть самое лучшее для

насъ, если бы старались выполнить оное, сколько сіе ошъ насъ зависить: шо какъ возможно опредѣлить, къ чему мы учились бы способными? Каждый начинающійся день есть день новый, содержащій въ недрахъ своихъ будущность, еще неизвѣстную: онъ есть истинное созданіе Провидѣнія! Зачѣмъ бы и намъ не обновить онаго обиліемъ добрыхъ дѣлъ? Сколько разъ одинъ день измѣнялъ даже судьбы народовъ? Зачѣмъ ему не сдѣлаться вмѣстѣлицемъ швореній генія, добродѣтели? Иной, коего качества внушаютъ намъ справедливое удивленіе, можетъ быть, не сдѣлаася бы достойнымъ нашего пошненія, если бы предася своимъ склонностямъ; другому, коего развращенность насъ огорчаетъ, стоило бы, можетъ быть, захотѣть, чтобы снискалъ наше уваженіе, и даже, упавъ во глубину порока, онъ можетъ швердою и великодушною рѣшимосію, возстановить достоинство своего существа (*). Въ каждомъ

(*) Но для сего нужны особенныя и побужденія, и силы, которые, какъ извѣстно, человекъ находитъ въ благочестивомъ воспитаніи: безъ онаго не имѣютъ успѣха самыя великодушныя усилія воли человѣческой. Естественное состояніе человека есть состояніе слабости: оно шребуешь постоянныхъ пособій.

изъ насъ заключающаея невѣдомыя силы, ко-
торыя покояща какъ бы въ нѣкоемъ снѣ,
коихъ существованіи мы даже и не подозре-
ваемъ: какое нибудь неожиданное обстоя-
тельство, великое несчастіе, сильная
страсть, великій примѣръ, можешь быть
великій проступокъ, часъ спасительнаго
размышленія, внезапно обнаружатъ намъ
тайну ихъ существованія. Мы съ удивлені-
емъ открываемъ, на какую высоту намъ
дозволено стремиться. Кажется, будто во
глубинѣ души отвергается взорамъ нашимъ
иной міръ. Но вскорѣ наступаютъ новыя
развлеченія; пошокъ увлекаетъ насъ, и по-
кровъ снова ниспадаетъ; великое открытіе
забывается или приходитъ намъ на память,
какъ минушное заблужденіе, или какъ угры-
зеніе, которое отправляло бы нашу жизнь. —
Ахъ! зачѣмъ не повиновались мы сему свя-
щенному вдохновенію! оно, можешь быть,
рѣшило бы все наше существованіе.

Самое тщательное воспитаніе, сооб-
щаемое способнѣйшими наставниками, весь-
ма часто образуешь посредственныхъ людей,
только одно что воспитаніе, которое мы
сами себѣ даемъ, возноситъ насъ надъ чернью;
потому характеръ величайшихъ мужей очна-
сти бываетъ плодомъ ихъ собственныхъ
усилій.

Говоря о черни, мы не опасаемся, чпобъ
кто нибудь могъ подумашь, будто снѣмъ име-
немъ называемъ низкій классъ гражданскаго
общества; мы надѣемся, что насъ поймутъ
лучше, мы говоримъ о черни въ отношеніи
нравственномъ, по характерамъ и чув-
ствамъ. — Цѣль нравственнаго усовершен-
ствованія (и это должно особенно замѣнить)
не есть образованіе людей необыкновенныхъ;
большая часть сихъ людей покупаетъ ша-
кое преимущество цѣною какого либо не-
обходимаго условія къ улучшенію или счастью.
Еще менѣе требуемъ мы, чпобы люди, воз-
несшіеся на сію истинную нравственную
высоту, обрѣли на позорищѣ общественной
жизни какое либо отличное мѣсто, съ ко-
торога могли бы привлекать общее внима-
ніе, и имѣть сильноевліяніе. Истинное усовер-
щенствованіе есть то, которое находишь
въ тѣсной связи съ положеніемъ и участію
каждаго, а слѣдовательно, для общаго числа
людей, то, которое приличествуетъ самымъ
обыкновеннымъ положеніямъ: оно состоить
въ гармонической и полной совокупности
умственныхъ и нравственныхъ способностей,
какъ между собою, такъ и съ обстоятель-
ствами, въ которыхъ каждый находишь, а
по сей самой причинѣ оно менѣе поражаетъ
вниманіе зрителя, менѣе возбуждаетъ его

удивленіе; въ немъ все кажется проспымъ; по-тому, что всѣ его части приспособлены къ цѣлю. И такъ можно сказать, что сіе усовершенствованіе отчасти есть относительное. Для каждаго изъ насъ оно есть не иное что, какъ сообразность съ нашимъ назначеніемъ. Каждое общественное состояніе имѣетъ свое нравственное величіе, коего цѣна возрастаетъ еще отъ неизвѣстности, и коего высшую степень составляютъ добродѣтели, наиболѣе скрытыя отъ свѣта, по чю такъ, какъ самыя возвышенныя въ глазахъ свѣта мѣста имѣютъ свою низость, которая дѣлается замѣннѣе отъ наружнаго блеска и благосклонности счастья. Усовершенствованіе самого себя не есть какое либо преимущество, предоставленное исключительно нѣкоторымъ: оно есть поприще, ошверстное для всѣхъ, ошверстное существу смиренному и презрѣнному, можешь быть, предпочтительнѣе предъ возвеличеннымъ. Тотъ пріобрѣтаешь оное, кто умѣешь быть на своемъ мѣстѣ, — и онъ тѣмъ болѣе имѣетъ дѣйствительныхъ заслугъ, чѣмъ менѣе пособій, чѣмъ болѣе препятствій предоставляло ему смеченіе общо-ипельствъ (*). Кто бы ни были вы, пред-

(*) Учрежденіе, которое основалъ почтенный Г. Монціонъ (Montyon), и коего цѣль есть ежегодное раздаваніе Французскою Академіею на-

шествовавшіе намъ, и оставившіе послѣ себя наслѣдіе своихъ прекрасныхъ примѣровъ, и вы, предъ взорами нашими твердою спокою идущіе по стезѣ добродѣтели, между тѣмъ какъ мы помимся, можешь быть, въ неподвижномъ существованіи, — зачѣмъ намъ не спремимься по слѣдамъ вашимъ? Ужели избраженіе жизни вашей должно только услаждать часы нашего бездѣлія, служишь къ украшенію нашей драматической сцены, или вынуждаешь у насъ однѣ безплодныя похвалы? Мы одарены такими же способностями, какъ и вы, — мы предназначены для той же цѣли, мы созданія того же Творца: зачѣмъ не спа-

градъ за добродѣтель, будучи разсмащиваемо съ нашей почки зрѣнія, безъ сомнѣнія, весьма полезно и поному уже, что оно, приподнимая завѣсу, прикрывающую прекрасныя дѣла, совершеннаемыя людьми безвѣстными, дѣлаешь оныя гласными. Оно можешь служишь поводомъ къ новому роду Исторіи, болѣе полезному, и безъ сомнѣнія, дѣлающему болѣе чести человечеству, нежели обыкновенная Исторія, копорая, по болшей части, приводитъ на память одни безпорядки и блестящія преступленія. Такимъ образомъ можешь даже соспавивься твореніе полезнѣйшее, чѣмъ жизнеописанія Плутарховы, ибо назиданія онаго понятнѣе для всѣхъ людей вообще, и оно ошкрываетъ великія качества, крошчійся въ самыхъ низкихъ сословіяхъ. С.

рапся намъ раздѣлить съ вами вашу возвышенную участь? Почему не спросимъ мы самихъ себя, чѣмъ мы можемъ быть? Почему мы не попытаемся сдѣлаться шакowymi? — Мы сомнѣваемся (говоримъ мы) въ нашихъ силахъ! Но хорошо ли мы испытали оныя? Довольно ли часто, и съ наспоющею ли внимательностію напригали ихъ (*)?

Человѣкъ съ одной стороны одаренъ способностію безпрестанно возвышаться; но къ несчастію, съ другой способенъ испадать. Поспавленный между льспицею, ведущею на вершину, и между пропастію, онъ свободенъ либо восходить по первой, либо

(*) Мы ни мало не оспариваемъ пользы постороннихъ пособій, которыя человѣкъ получаетъ извнѣ въ семъ великомъ дѣлѣ своего усовершенствованія; ни сколько не отвергаемъ шѣхъ, которыхъ онъ ожидаетъ отъ вліянія, происходящаго свыше: оспаривать шаковыя пособія значило бы противорѣчить опыту шыщелѣшій и ежедневнымъ наблюденіямъ надъ человеческою природою, имѣющею нужду въ особенномъ подкрѣпленіи. Но мы должны предоставить разсмотрѣніе сего предмета въ особенності Писателямъ, разсматривающимъ нравственность, основанную на Вѣрѣ. Здѣсь мы касаемся до сего предмета единственно въ отношеніи философическомъ, единственно въ отношеніи къ способностямъ, природою человѣку дарованнымъ.

спускашься болѣе или менѣе въ послѣднюю. Но шѣ же средства, которыя ведутъ къ усовершенствованію, предупреждаютъ паденіе, или извлекають изъ онаго. Посему шѣ, которые, будучи предубѣждены безоправданными мнѣніями, опчаяваясь въ судьбѣ человеческой и не довѣряя могуществу добродѣтели, будучь утверждашь, будшо мы предаемся обманчивымъ призракамъ, указывая на безконечную усовершенствоность, и шѣ, говорю, обрѣшущь въ мысляхъ, предлагаемыхъ нами на ихъ разсужденіе, по крайней мѣрѣ указаніе шакоего порядка (régime), коего полезности оспорить имъ невозможно; и въ ихъ глазахъ воспитаніе самого себя будетъ, по крайней мѣрѣ, средствомъ къ сохраненію даровъ, которыми Провидѣніе надѣлило природу человѣка.

Доселѣ, разсматривая жизнь человѣческую въ видѣ великаго и непрерывнаго воспитанія, мы ограничивались одними предѣлами оной. Мысль сія пріобрѣтаетъ совершенно новое величіе, новое достоинство, если, разсматривая судьбу человѣка во всей ея обширности, и съ возвышеннѣйшей точки зрѣнія, мы усремимъ взоры на оную безпредѣльную будущность, которую объщаетъ человѣку Философія, которую сама Природа возвѣщаетъ ему; за которую Рели-

гія ручається. Сія способность постепеннаго, непрерывнаго, неограниченнаго усовершенствованія сама по себѣ служить сильнымъ и несомнѣннымъ подтвержденіемъ будущности, къ которой она относится, и коей служить какъ бы предпечю. Усовершенствованіе и будущность соснавляютъ какъ бы двѣ оконечныя споровы прекраснаго соотношенія, изъ коихъ одна объясняетъ другую. Коль скоро человекъ можетъ непрерывно возвышаться, то слѣдуетъ, что для него существуетъ возвышеннѣйшее бытіе, которое ожидаетъ его, а поелику онъ видитъ предъ собою возвышеннѣйшее бытіе, то долженъ непрерывно возвышаться. — Добродѣтели, пріобрѣтеныя въ старости, суть сѣмена новой юности: онъ подобны цвѣтамъ, предшествующимъ новой веснѣ и возникающимъ подъ суровостію преходящаго холода. Чѣмъ болѣе размышляемъ о многочисленныхъ таинствахъ, которыя, слѣдуя одно за другимъ, образуютъ нашъ земный переходъ, тѣмъ болѣе открываемъ въ каждомъ изъ нихъ указанія того, что сей переходъ есть только пріуготовленіе, а потому для большей части людей оный есть долговременное и тяжостное испытаніе. Испытаніе есть залогъ. Воспитаніе тѣмъ многотруднѣе, чѣмъ существеннѣе и полезнѣе оно

долженствуешь быть. Если мы прилагаемъ сколько попеченій о воспитаніи, котораго плоды будешь существовать только нѣсколько лѣтъ и, можешь быть, уничтожашся рановременною смертію: то какая внимательность, какія усилія потребны для такого воспитанія, котораго плоды нѣкогда должны проспираться на будущность безъ неизвѣстности и безъ предѣловъ? — Какъ сыны земли, мы дѣлаемъ чрезвычайныя пріуготовленія для кратковременнаго и невѣрнаго сирасствія. Какъ сыны Неба, чѣмъ не должны мы запасаться для жилища безсмертія? Сколь великую цѣну пріобрѣтаюшь въ семь отношеніи и время жизненной зрѣлости, весьма часто почитаемое порою наслажденій, вообще споль ничтожныхъ и бѣдныхъ, — и время старости, весьма часто почитаемое порою безплоднаго покоя, смущаемаго споль многими болѣзнями. Тогда мы судимъ объ нихъ не въ одномъ только ограниченномъ отношеніи къ прошедшему, но и въ отношеніи къ будущему развитію.

Философы справедливо замѣчаютъ, что только то воспитаніе прочно, которое пишомецъ извлекаетъ изъ самого себя; что истинное ученіе не то, которое передаетъ уже готовыя понятія, но которое дѣлаетъ способнымъ собственными силами образо-

вашъ справедливыя понятія. Слова ихъ въ отношеніи къ умственнымъ способностямъ могутъ быть примѣнены къ способностямъ нравственнымъ, и какъ для ума существуетъ образованіе авшодидакшическое, такъ и для души существуетъ образованіе произвольное, образованіе, отъ котораго зависить дѣйствительный успѣхъ въ усовершенствованіи. Мы съ живымъ любопытствомъ наблюдаемъ приемы, употребляемые при многообразныхъ искусствахъ, которыя произведеніями промышленности удовлетворяютъ вещественнымъ потребностямъ. Будемъ ли равнодушны къ тайнымъ приемамъ онаго чудснаго искусства, которое образуетъ людей, дѣйствительно отличныхъ, которое производитъ великое твореніе счастья и добродѣтели, и которое доставляетъ міру его лучшее украшеніе, облакая естество чловѣка въемъ его достоинствомъ? — Мы похитимъ у людей добродѣтельныхъ ихъ сокровеннѣйшія тайны: они учинятся предметомъ нашего изученія. Да признаютъ же они справедливыми наши правила и да откроютъ въ нихъ сокращеніе своихъ собственныхъ опытовъ. Объявляя здѣсь, что мы спарались только отъ нихъ заимствовать нашу науку, желаемъ, чтобы они признали насъ своими

достоинными исполкователями и посредниками.

Если сіе искусство, по всеобщности и важности своей — первое изъ искусствъ; можешь быть дѣйствительно заключено въ практическія правила, по сіи правила должны быть понятны для всѣхъ людей именно потому, что они назначены для всеобщаго употребленія. Они не должны быть годными единственно тѣмъ отличнымъ существамъ, которыя отъ природы одарены необыкновенными способностями; и которыя не имѣютъ нужды въ совѣтахъ отъ того, что обрѣтаютъ оныя въ собственныхъ вдохновеніяхъ; они должны быть приспособлены ко всеобщей слабости; должны даже при самыхъ первыхъ шагахъ, которые суть самые труднѣе, просвѣщать предпріемлющихъ самоусовершенствованіе. Посему они существенно должны основываться на положеніяхъ, подлежащихъ всеобщему опыту и на истинахъ общепонятныхъ. Ни мало не отвергая оныхъ; потому, что они всѣмъ извѣсны, мы, напротивъ того, должны считатьъ выгодною; что они дѣйствительно всѣми принимаются и признаются. Каждый можетъ почитать ихъ; судить объ нихъ, и тѣмъ удобнее присвоивать себѣ оныя. Истинныя нравственные имѣютъ по прекрасное преимущество

щество, что онъ основывается на всеобщемъ согласіи, и суть не иное что, какъ выраженіе совѣсти всего человѣческаго рода. Не будемъ опинимать у нихъ сего преимущества, ибо чрезъ это онъ сдѣлались бы менѣе возвышенными и полезными, представъ бытъ общенародными. — Наконецъ сіи правила должны согласоваться съ разнообразіемъ мнѣній, по крайней мѣрѣ поколику сіи мнѣнія сами согласуются съ уставами добродѣтели. Они по возможности должны бытъ чужды всякой теоріи, не пошому, что прекрасныя и глубокія умозрѣнія, имѣющія предметомъ начала долга и причину нравственнаго одобренія, не составляютъ предмета, достойнаго разсужденій мыслящаго чловѣка; но пошому, что примѣшивая къ сему разряду умозрѣній правила совершенно обыкновеннаго искусства, мы должны опасаться уронить важность ихъ сухими разсужденіями въ глазахъ тѣхъ, которые не имѣють ни досуга, ни смѣлости принять на себя званіе судьи въ сихъ важныхъ преніяхъ. Впрочемъ, по мнѣнію людей, наиболѣе занимавшихся изысканіями по сей части, таковы суть слѣдствія, къ которымъ приводить сравнительное разсмаприваніе различныхъ теоретическихъ системъ. Разнствуя въ умозрительныхъ изслѣдованіяхъ, онѣ представляють

почти одинакія практическія слѣдствія, съ шою только разницею, что придають болѣе или менѣе силы предпочтительно какой либо изъ главнѣйшихъ побужденій воли, что однѣ какія либо добродѣтели облакають въ болѣе или менѣе блескъ. Можеть бытъ, изъ этого надлежало бы заключить, что изъ всѣхъ системъ самая прочная и самая справедливая та, кошорая, не исключая ни одной, въ каждой признаеть что нибудь полезное, благоразумно соединяеть оня, и не находишь каждой изъ нихъ недостаточною и погрѣшительною пошому шолюко, что она слишкомъ односпоронна.

Пер. В. К—ий.

П У Т Е Ш Е С Т В І Я.

Изъ книги : ПУТЕШЕСТВІЕ ОТЪ ТРИЕСТА ДО
САНКТПЕТЕРБУРГА.

Лембергъ, 28 Мая 1810 года.

По мѣрѣ того, какъ проѣзжая длиннымъ предмѣстіемъ, приближался я къ Лембергу, предметы быстро измѣнялись, любопытство мое возрастало, спужъ, гулъ, увеличивались; и вдругъ отъ сельской шпичины, отъ скромныхъ деревянныхъ домиковъ, перенесенъ я былъ, какъ нѣкимъ волшебствомъ, въ шумную, многолюдную толпу, и жаднымъ взорамъ моимъ представилась громада зданій, одни другихъ лучше, великолѣпнѣе. Прекрасныя лошади, прекрасные экипажи, богатныя лавки, шоропливая походка Евреевъ, чистыя процуары, широкій бульваръ, много чего-то Европейскаго, и кой-гдѣ Азіянскаго, миды, веселыя личики, песпроша и вкусъ дамскихъ нарядовъ, изумляли меня попеременно, и составляли спранныю противоположность съ длинными кафшанами, конфеде-

ратками, красными или желтыми чебошами Польскихъ щеголей, и особенно съ бѣдною наружностію черни, шбенившей на улицъ. Я зналъ напередъ, что отъ Триеста до Пецербурга, на дорогѣ нашей будущъ только два большихъ города, Буда и Лембергъ; но никакъ не воображалъ, чтобы сей послѣдній былъ такъ многолюденъ, такъ богатъ. Спранное сіе разнообразіе, смѣсь роскоши и нищеты, утонченнаго вкуса и проспоши, съ перваго взгляда мнѣ понравились; но непріятное чувство вскорѣ уменьшило сіе удовольствіе, и я въ душѣ проклиналъ ту пышность, кою орад облила слезами бѣднаго.

Завтра Троицынъ день, и съ завтрашняго же дня начнуся здѣсь такъ называемые контракты, на которые съѣхалось множество купцевъ и дворянства, для совершенія на текущій годъ разнаго рода семейныхъ и шорговыхъ сдѣлокъ, коюрыя объемлющъ обширную промышленность всѣхъ сосѣдственныхъ Польскихъ провинцій и другихъ пограничныхъ съ ними.

Я счастливъ на кварширы: и здѣсь достались мнѣ двѣ чистыя комнаты, въ домѣ Казимира Пошакоски, Капиана городского правленія. Хозяинъ встрѣтилъ меня, какъ гостя, коюраго къ себѣ ждадъ, и просилъ

почишаешь домъ его своимъ. Я поблагодарилъ за вѣжливость, и просилъ позволенія, сколько можно менѣе беспокоить его. Дородная служанка между пѣвья бѣгала, сушила, спирала пыль со столовъ, застывавивала ширмами постелю, показывала вѣсповому мѣсто для сундуковъ, попомъ сама ихъ перешивала, и опносясь ко мнѣ, при всякомъ словѣ повноряла: *Мось Пане Ясневельможный!* Кухарка, спараясь шажке подслужиться, поссорилась съ вѣсповымъ, который принесъ ей свою курицу для супу: она не приняла ея, сказавъ, что супъ будень готовъ и безъ нашей провизіи; но, кажется, къ вечеру они примирились, и курицу мою въ добромъ согласіи скушали, и на здоровье. Капитанъ послѣ обѣда уснулъ, а я съ сыномъ его вышелъ, и, переходя изъ улицы въ улицу, избѣгалъ весь городъ: все, что встрѣчалось, занимало меня до самаго вечера самымъ пріятнымъ образомъ.

Лембергъ похожъ на маленькую столицу: въ немъ чего хочешь, того просишь. Лавки наполнены всякими шоварами, на обѣихъ сторонахъ улицъ видны вызолоченныя и расписанныя вывѣски разнаго рода мануфактуръ и ремеслъ. Вездѣ много народу, повсюду по гладкой мостовой капаются бога-

тые экипажи. Польскіе уланы (*) въ нарядныхъ мундирахъ скачущъ на гордыхъ коняхъ, Поляки любящъ забавы почи сполько же, если не болѣе Италіянцевъ: здѣсь, кромѣ хорошаго Театра, естъ воксаль, кавалкинъ; а балы и вечеринки почи каждый день, по у Генераль-Губернатора, по у другихъ знатныхъ господъ.

Улицы хорошо вымощены, расположены правильно и пересѣкаются шрема обширными площадями; дома въ три и чешыре этажа; лучшіе изъ нихъ окружающъ площади, украшенныя шрема огромными церквами, воздвигнутыми посрединѣ оныхъ.

Я входилъ въ самую древнѣйшую, построенную Королемъ Іоанномъ Собѣскимъ; это гошическое зданіе очень хорошо сбережено; своды его довольно высоки, и какъ церковь ни обширна, но въ ней сполько украшеній, сполько причудь, что самое сіе опшущество вкуса и безпорядокъ казались мнѣ достоинствомъ сего памятника храбраго освободителя Ввны.

Въ центрѣ города построена высокая каланча въ видѣ чешыреугольной башни, на которой каждый часъ шрублящъ въ шрубу и извѣщающъ, что въ городъ все благополуч-

(*) Въ службѣ у Наполеона, составлявшіе войска бывшаго Герцогства Варшавскаго.

но. Я всходилъ на нее, но ничего особеннаго не замѣшилъ, кромѣ крышекъ зданій, занимающихъ большое пространство.

Изъ всѣхъ зданій болѣе другихъ понравилась мнѣ главная гаубтвахта, окруженная Ионическою колонадою, на которой легко декишь тяжелый карнизъ, богато и со вкусомъ украшенный военною армашурою.

Лембергъ хорошъ, но не можешь похвалиться пріятностію мѣстоположенія: онъ построенъ въ ямѣ по двумъ ошлогосянямъ, такъ, что, подвѣзая, не прежде увидишь городъ, какъ будешь уже въ его предмѣстіи. Лембергу недостаешь еще судоходной рѣки. Пельшева, его орошающая, не годится для города съ 60,000 жителей, производящими значительную торговлю. Французы, подобно древнимъ Грекамъ, измѣнявшимъ собственныя имена по своему выговору, переименовали его Леопольемъ, которое какъ и Лембергъ, коимъ называютъ его Нѣмцы, значить Львовъ градъ. Я не считаю нужнымъ повторять, что мы вмѣстѣ съ коренными жителями должны именовать его Львовымъ, ибо тебѣ извѣстно, любезный другъ, что въ древнія времена Галиціи соснавлала наше достояніе, была удѣломъ Рускихъ Князей, и Львовъ былъ ихъ столичнымъ городомъ. Молодой мой проводникъ не зналъ, сохранились

ли какіе древніе памятники; я также не замѣшилъ ничего стараго, ничего гошическаго: всѣ дома, какіе я видѣлъ, нынѣшней архитектурѣ.

Въ Лембергѣ, какъ въ главномъ городѣ Восточной Галиціи, находящаяся всѣ высшія присущественныя мѣста и главное Правленіе. Здѣсь начаешь сплвущь шеперъ Фельдмаршалъ Вурмзеръ, пользующійся довѣренностію Императора, и заслужившій у своихъ соотечественниковъ имя искуснаго Генерала. Къ несчастію, онъ намъ болѣе извѣстенъ славнымъ пораженіемъ близъ Маншуй, куда Наполеонъ, въ 1800 году, загналъ его, и принудилъ со всею арміею положить ружье. Архіепископъ Римско-Католическій и Епископы Греческаго и Армянскаго исповѣданія имѣють здѣсь свои Епархіи и постоянное пребываніе.

Я узналъ, что въ Лембергѣ находится Генераль Корфъ, Дѣйствительный Службскій Совѣтникъ Анштетъ и человекъ двѣнадцать Службскихъ офицеровъ, живущихъ здѣсь для означенія границы Тарнопольской области, по послѣднему мирному трактату уступленной намъ Австріею. Это обстоятельство здѣшнимъ напрошамъ, съ жаромъ занимающимся политическими переворотами, очень не нравится. Наши офицеры, при-

ѡхавшіе сюда на ярмонку изъ Гарнополя, гдѣ шеперь главная кваршира корпуса, занимавшаго прежде Галицію, предупредили насъ, чтобы мы не знакомились съ людьми, копорые, при всякомъ случаѣ, спараятся обнаружись свою къ намъ ненависть. Богъ съ ними! подумаль я про себя: всякому своего жалъ, однако жъ, положилъ завтра надѣшь фракъ, и про запасъ взяшь съ собою карманные пистолешы.

29 Мая. Въ Троицынъ день, спало ещѣ съенъе на улицахъ, ещѣ шумиѣе, и когда я щель къ обѣднѣ, шо уже встрѣщаль многихъ навеселъ и многихъ являющихся: это давно невиданное мною явленіе напомнило, что приближаюсь къ Сѣверу, и что изъ всѣхъ живошнихъ, человекъ должно почешъ самымъ упрямѣйшимъ, ибо вопреки природѣ онъ упиваешся гораздо болѣе шамъ, гдѣ земля не производить винограда.

Ошслушавъ обѣдню въ своей бѣдной Греческой церкви, я успѣлъ ещѣ издалека послушашъ огромныхъ органовъ и прекрасной военной музыки въ Соборной Капшолической церкви, гдѣ со всею пышностію совершалъ службу Архіепископъ со множешвомъ духовенства. Послѣ обѣдни, на большой площади былъ блистательный парадъ, на копорый множештво офицеровъ, прѣхавшихъ изъ Вар-

шавскаго (*) Герцогства, смощрѣли изъ подлбья; я, какъ не большой знапокъ во фронтшовой службѣ, замѣщилъ съ удовольствіемъ чшшошу солдатской одежды и истинно Нѣмецкую почностъ въ движеніяхъ. Солданы, судя по наружностш, годящся на бой, но взглянувъ на шариковъ Генераловъ, мнѣ казалосъ, что каждый изъ нихъ по числу лѣшъ своихъ можешъ щесешъ сполько же проигранныхъ сраженій, и ушѣщилъ себя сполько тѣмъ, что прешерпѣлъ поражение не по правиламъ Спрашеги или Такшики.

За обѣдомъ Капшанъ не въ шушку пршнлся меня подчивашъ, но я, предвдя это, пршвелъ съ собою поварища, надежнаго и усерднаго поклонника Бахуса. Хозяинъ уснулъ за споломъ; поварищъ разспегнулъ кафшанъ, снялъ галешухъ, закурилъ пшубку, выщилъ графинъ воды, и какъ ни въ чемъ не бываль; я съ сыномъ опшравился въ городской садъ смощрѣшь, какъ спрѣляюшь въ цѣль.

Тамъ нашель я многочисленное собрание; музыка грешбля, эхо изрѣдка повшорило выспрѣлы. Городская милиція, или иначе гражданская спража, каждое Воскресеньѣ съ знаменемъ и музыкой, обошедъ по главнымъ улицамъ, пршходиль сюда для спрѣлыбы въ

(*) Бывшаго.

цѣль. Кто попадешь въ яблоко, того называютъ царемъ спирьляковъ, въ знакъ ошличія надѣваюшь ему на шею на цѣпочкѣ золотого или позолоченаго пѣнуха, и сверхъ угощенія, выдаюшь ему небольшое награжденіе. Я пошелъ въ галлерею, изъ которой спирьляли въ цѣпль; но какъ изъ тридцати выпирьляловъ ни одинъ не попалъ въ цѣль, то соскучивъ, пошелъ съ моимъ поваричемъ въ другой садъ, называемый Лезуипскимъ.

Садъ прекрасный, и еще болѣе прекрасный потому, что здѣсь прогуливается лучшая публика. Главная аллея очень походитъ на Пешербургскую, такъ, что мнѣ казалось, будто гуляю въ Лѣвнемъ саду. Обходя кругомъ, я не зналъ, чѣмъ любоваться, прекрасными ли купами деревъ, красотою ли цвѣтшиковъ, бархашными ли лужайками, или раскрашенными домиками, тамъ и тамъ мелькающими сквозь свѣжую зелень. Въ одномъ изъ домиковъ великолѣпно меблированная ресторація, въ другихъ кофейные дома и галантерейныя лавки. Съ возвышенія изъ фигурной бесѣдки видны лучшія городскія зданія, и слышенъ отдаленный говоръ веселящагося народа, и спускающагося къ ворощамъ сада карещъ и колясокъ. Прывкнувъ къ постояннымъ Нѣмецкимъ модамъ, я пріятно удивленъ былъ разнообразіемъ,

богатствомъ и вкусомъ нарядовъ здѣшнихъ дамъ, а еще болѣе шѣмъ, что между ими весьма много красавицъ съ голубыми, помными глазами. Одно мнѣ не понравилось, что румяна слишкомъ грубо равняютъ неравныя лѣща, и у молодыхъ двушекъ много опнимаюшь природныхъ прелесшей. Впрочемъ такой обманъ позволителенъ, ибо весьма пріятно видѣшь у всѣхъ одинаково свѣжія лица. Я давно слышалъ о любезности Полячекъ, которыхъ многіе называютъ свѣрными Француженками, но здѣсь нашелъ совершенно прошивное: одна за одною скромно, тихо, шли мѣрными шагами, и на вопросы кавалеровъ отвѣчали, пошупя взоры, едва отворяя розовыя уста, и ни одна прекрасная головка не пошевѣлилась, чтобы посмотрѣшь въ сторону. Напрощивъ того Поляки показались мнѣ и ловче и развязнѣе.

Солнце село, и по всѣмъ дорожкамъ стало такъ шѣсно, что надобно было промалкиваться. Голова у меня закружилась; мнѣ наскутило бродить взадъ и впередъ, безпрестанно, осерегаясь, чтобы не запушась въ вуаль или леншы. Когда же довольно наглядѣлся и не на шутку запесирьло въ глазахъ, пошелъ, и неожиданно у самыхъ воротъ встрѣшилъ Г-жу Гоесъ, сопровождаемую Фельдмаршаломъ Вурмзеромъ. Едва успѣлъ я

ей поклониться, а она спроситъ у меня о здоровьи обихъ нашихъ Триестскихъ знакомыхъ, меня какъ бы волною ошнесло; я очутился на улицѣ, и никакъ не могъ пробиться на свое мѣсто. Скоро пошерилъ ее изъ виду, и нигдѣ болѣе съ нею не встрѣчался.

Въ сумерки перешелъ я на булеваръ, устроенный на разрушенномъ валу посреди города, и шпуть такая же толпа, и, если можно, еще бѣльшая полкошня; но скоро спали развѣзжались по баламъ и въ Театръ. Чувствуя усталость въ ногахъ, я въ свою очередь раскланялся, пошелъ на кварширу, легъ спать, и могу похвалиться, что во всю дорогу не имѣлъ ни лучшей постели, ни лучшаго сна.

Лембергъ, 31 Мая.

Въ Духовъ день, обѣдалъ я въ Русскомъ прачширѣ, лучшимъ во всемъ городѣ. Не даромъ дали ему сіе названіе: въ числѣ гостей была большая часть нашихъ офицеровъ. Тутъ я познакомился съ однимъ изъ свиты Министра Аншпеша дипломахомъ, любезнымъ, образованнымъ молодымъ человѣкомъ. Содержатель Французъ накормилъ насъ сытно и взялъ не дорого; но какъ мы съѣли за общій столъ, то не могли не ошвѣчать на вопросы Польскихъ офицеровъ, кошо-

рые до стола совсѣмъ къ намъ не подходили, а когда кушанье поставили, то предпочли нашу бесѣду другимъ. Сначала поглядывали они на насъ какъ бы съ неудовольствіемъ, но за десертномъ поразговорились, подали шампанскаго и сдѣлались друзьями. Одному изъ шоварищей моихъ, какъ говорится ни къ селу ни къ городу, вздумалось Польскаго офицера во Французской службѣ и пришомъ еще Русскаго подданнаго, спросить, кого Поляки лучше любяшь, Рускихъ или Австрійцевъ? Конечно Рускихъ, ошвѣчалъ Полякъ, потому что изъ сна одного можно полюбить, а Австрійцевъ и изъ тысячи ни одного не сыщешь. Разговоръ спановился довольно крупнымъ, но съ обихъ споронъ спарались смягчить, и мы, по видимому, разстались въ добромъ согласіи. Не люблю я политическихъ разговоровъ, и всегда спарался не заводить подобныхъ съ иностранцами; съ Поляками же было съ нашей спороны неблагоприятно, даже неприлично; ибо пусть всякой поставишь себя на ихъ мѣстѣ, и скажешь: развѣ можно въ комъ нибудь осудить любовь къ отечеству? Развѣ можно требовать, чтобы побѣжденный уважалъ побѣдителя? Справедливо или нѣтъ, но польско Поляки предпочитали Французовъ и намъ и пріятелямъ нашимъ,

конечно потому, что Наполеонъ жанилъ ихъ надеждою соединить Польскія провинціи въ одно Государство, и дать имъ природнаго Короля. Умная уловка, которая подспракаетъ честолюбіе, и въ самомъ дѣлѣ многие изъ Польскихъ вельможъ уже мечтали о коронѣ, о царствѣ.

Вечеру, не зная, какъ провести время, пошелъ я въ Театръ; при входѣ подаю пять гульденовъ, вмѣсто одного билета, получаю двѣ лотерейныя карты; увлеченный тѣсняшеюся въ корридорахъ толпою, сажусь въ партеръ на скамейку, и ожидаю, что будетъ. Скоро Театръ наполнился, и ни одной ложи не осталось пустою. Жадность къ выигрышу умножала нетерпѣніе зрителей, между коими замѣтилъ я болѣе старушекъ и вообще болѣе пожилыхъ мужчинъ, нежели молодыхъ женщинъ: эти милыя наши повелительницы очень знаютъ, что одна спрассть прилична ихъ прелестіямъ; и что скупость, какъ спрассть низкая, лишила бы лучшей и первой принадлежности ихъ пола. При первомъ движеніи смычка въ оркестръ, шумъ, сѣпуконія и разговоры начали уменьшаться; когда же завѣса поднялась, всѣ вдругъ умолкли, и наспунила шоржеспвенная шпщина. Посреди сцены, стоялъ большой столъ съ кодесомъ; по обѣ стороны его двѣ чер-

ныя доски. Вмѣсто актеровъ, выступили магистрашскіе или какіе иные гражданскіе чиновники, въ сопровожденіи полицейскаго офицера, который вокругъ разставилъ часовыхъ; и старшій изъ чиновниковъ, положивъ пукъ ассигнацій на столъ, приказалъ прочесть, сколько собрано денегъ, и какіе назначаются выигрыши. Самой большой изъ нихъ въ 500 гульденовъ, но меня уверали, что можно пятью флоринами приобрести до пяти тысячъ. Чиновниковъ встрѣтили рукоплесканіями; они скромно и важно поклонились. По прочтеніи ошчета, сочли номера, смѣшали въ урнѣ, и положили ихъ въ пустошу колеса. При каждомъ обращеніи, выпадалъ номеръ, который повшорали нѣсколько разъ и выснавлили оной цифрами на доску. По мѣрѣ, какъ доска исписывалась вышедшими номерами, вниманіе увеличивалось; потомъ, когда начали вскрикивать шонкими или басистыми голосами: *амбо! терна! кватерна!* надобно было посмощрѣть на лица шеравшихъ надежду къ выигрышу. Едва произнесли смертоносное для многихъ: *пуля моя!* я оставилъ Театръ; радуясь, что приближаясь къ своей границѣ, никогда не буду спрашивать времени на лотерею, ибо кромѣ того, что не нахожу въ шомъ никакого удовольствія, для меня сѣ-

всѣмъ не забавно видѣшь порочную страсть, явно и безъ стыда обнаруживаемую предъ многими незнакомыми.

Добрый мой хозяинъ взялъ нынче съ меня слово, чшобы я у него обѣдалъ и ужиналъ, и пригласилъ ввечеру иппи вмѣстѣ въ Театръ. Послѣ завтрака, пошли мы съ нимъ въ славный кофейный домъ, чшо на площади; тамъ познакомилъ онъ меня съ своими пріятелями. Одинъ изъ нихъ, услышавъ мою фамилію, спросилъ, не родня ли мнѣ Графъ Торна Броневскій? Не знаю, только по родословной мнѣ извѣстно, отвѣчалъ я, чшо мои предки были Поляки. Позвольте полюбопытствовать, какой вашъ гербъ? Я показалъ ему печашку. Точно шотъ самый! воскликнулъ новый мой знакомецъ, и насполнелъ просилъ ѣхать къ Графу въ замокъ, находящійся близъ Тарнополя, отсюда верстахъ въ осьмидесяти, увѣряя, чшо Графъ, сдѣлавшись Русскимъ подданнымъ будешь радъ моему посѣщенію, наче пошому, чшо онъ не давно лишился единственнаго сына и осмалась у него наслѣдницею одна дочь. При послѣднемъ словѣ, онъ значительно взглянулъ, но я принужденъ былъ отказатьсь отъ ей мечпы, ибо начальствующій колонною не могъ уволить меня въ сторону отъ назначенной намъ дороги: шакъ сказано въ пред-

писаніи, которое пошомъ отъ Графа Шувалова строго подтверждено.

Армонка началась съ Троицына дня, но шеперь наспутили наспоящіе контракты. Лавки открыты; вездѣ сіяютъ издѣлія вкуса и роскоши, и манящъ взоры; безъискусственныя же произведенія природы, коими завалены магазины, едва обращаютъ на себя вниманіе. Такой живописи, шакого множества мѣшковъ съ золотомъ и бочекъ съ серебромъ, не случалось мнѣ нигдѣ видѣшь. Въ полдень мы опправились на биржу, гдѣ покупали и продавали шовары за глаза, опшомъ и совершали разнаго рода сдѣлки по условіямъ. Тамъ въ обширныхъ залахъ, всего для меня любопытнѣе и досаднѣе было видѣшь, какъ щеголеватый, осаниспый *Ясневельможный* увивался льстиль и уничиженно преклонялся до земли предъ расшрепаннмъ, запачканнымъ Евреемъ, копорый съ гордостію шребовалъ улапы по векселю двухъ или пяти тысячъ злыхыхъ *) или просящему въ займы, копорый, съ хипроу, веселою улыбкою нагло предлагалъ по полшора проценша на мѣсяць съ вѣрнымъ залогомъ. Поляки, какъ я могъ замѣпить, шолько плашашъ или за-

(*) Злошый — 15 копѣекъ серебромъ.

нимають: все золото, все обороты, все богатство Лемберга в руках десяти тысяч Жидовъ, которые по наружности кажутся нищими, чуть не сказали плушам.

Послѣ обѣда хозяинъ возилъ меня къ своему женатому сыну, у кошораго напившись чаю, отправились въ Театръ. Не стоило того, чтобы бѣдный старикъ такъ много хлопоталъ о ложѣ. Нѣмецкіе актеры представляли извѣстную Оперу, Волшебная Флейша; пѣвицы миловидны, декораціи хороши, музыка также, но Нѣмецкій языкъ не для пѣнія, подумалъ я при опущеніи занавѣса.

Колонна моя еще вчера выступила на слѣдующую станцію; мнѣ хотѣлось выѣхать нынче поутру, но хозяинъ уговорилъ извозчика подождать, и настоялъ, чтобы я еще разъ у него побѣждалъ. При разсѣваніи, онъ просилъ въ свою памятную книжку записать моею рукою мою фамилію, и самъ записалъ мнѣ свою. Подлинно добрый человекъ: я разсѣлся съ нимъ съ сожалѣніемъ, какъ съ другомъ, и оставилъ сподлицу Галиціи въ два часа по полудни.

В. Броневскій.

А К У С Т И К А.

Объ усиленіи звука, помощью слуховыхъ трубъ, которыя приспособивъ къ огнестрѣльнымъ орудіямъ, можно съ пользою употребить для сигналовъ.

(Переводъ съ Нѣмецкаго.)

Свойство слуховыхъ трубъ, чрезвычайно усиливаетъ звукъ, утверждено будучи различными опытами, представляеть, кажется, случай, приспособить сіе средство къ огнестрѣльнымъ орудіямъ и шѣмъ во многихъ важныхъ обстоятельствахъ, принестъ пользу Военному Искусству. Англичанинъ Вилліамъ Фицгеральдъ занимается приготовленіемъ сигнальной трубы, и получилъ на оную патентъ. — Предложеніе его было такъ хорошо принято Англійскимъ Государственнымъ Секретаремъ по части Артиллерійскаго Департамента, что онъ приказалъ сдѣлать въ Вульвичъ опытъ надъ маленькою моделью, въ присутствіи Коммисіи, составленной изъ Штабъ-офицеровъ.

Обыкновенное ружье, снабженное слуховою трубою, произведо сподѣ же громкѣ

выстрѣлъ, какъ девяти-фунтовая пушка. — Усиленіе звука, чрезъ приспособленіе шаковой трубы къ артиллерійскому орудію, испытано не было. Но если вычислить оное въ подобной же прогрессіи, то сомнительно, чѣмъ канонеры могли выдержать шаковой ударъ. Простой каменобросецъ (*), при подобномъ усроеніи, произвелъ бы столь же громкій выстрѣлъ, какъ самое большое артиллерійское орудіе.

Легко понять, что на военныхъ судахъ вообще, можно бы было воспользоваться симъ открытіемъ, дабы дѣлать сигналы съ мачтъ и прочихъ частей корабля, на которыхъ нельзя употребить пушекъ. Также бывающъ обстоятельство, въ которыхъ дѣйствіе артиллеріи невозможно, какъ на гребныхъ судахъ, отправляемыхъ во время шумановъ, для обозрѣнія береговъ.

Польза сего открытія можетъ также распространиться на плаваніе купеческихъ судовъ въ бурную погоду, когда корабль наполняется водою, и не имѣетъ пушекъ; также, когда оныя покрыты водою или брошены въ море. Ружье, снабженное шаковою трубою, можетъ замѣнить недоспашокъ артиллеріи, и сдѣлать громкій сигналъ, озна-

чающій бѣдствіе. Сколько мореплавателей было бы спасено отъ кораблекрушенія, помощію сего полезнаго приспособленія слуховыхъ трубъ!

Бываетъ еще болѣе обстоятельство, въ которыхъ оружіе, усроенное подобнымъ образомъ, можетъ принести большую пользу; напримѣръ около береговъ, въ гаваняхъ и устьяхъ рѣкъ, для извѣщенія о нечаянномъ появленіи непріятеля. Въ случаѣ войны, можно бы было съ малыми издержками дѣлать шревогу въ цѣлой области, и тѣмъ предостерегать жителей оной. Но важнѣйшая цѣль есть употребленіе шаковаго оружія въ военныхъ дѣйствіяхъ, ибо оное производитъ громкіе сигналы, подобные выстрѣламъ пушекъ большихъ калибровъ, и весьма значительно уменьшаетъ издержку пороха. Когда же нужно бываетъ непріятеля преслѣдовать, безпокоишь или обманывать въ количествѣ противопоставленныхъ ему силъ, то нѣсколько человекъ, скрытыхъ съ сигнальными ружьями, могутъ представить близкое дѣйствіе ужасной артиллеріи, и помѣщая непріятелю усремишься на такія мѣста, коихъ оборона шребуешь значительнаго числа войскъ.

Употребленія слуховыхъ трубъ для усло-

(*) Родъ маленькихъ гаубицъ. *Прим. Перев.*

вныхъ сигналовъ, объяснять не нужно: оноѣ удобопоняно для всякаго.

Впрочемъ трудно, даже невозможно, исчислить всѣ выгоды, которыя искусный военачальникъ можеть извлечь изъ сего орудія, чтобы превозить непріятеля звукомъ, который онъ всегда приписывалъ пушкамъ.

Для частнаго употребленія въ деревняхъ, можно шаковую трубу приспособить къ пистолету или охотничьему ружью, дабы пугать и ошдалять разбойниковъ и дѣлать превогу въ окрестности. Даже въ шаковомъ отношеніи, познается важность сего открытія. Когда же помыслимъ о пользѣ онаго для разныхъ судовъ, во время опасности, то невозможно надивиться превосходству сего открытія.

Приступимъ теперь къ описанію вышесказаннаго орудія.

Для прикрѣпленія слуховой трубы (*) къ пистолету или ружью, называееться на окончности дуда наружный винтъ, на который онад и навинчивается, или приспособляють для сего замѣкъ, подобный упо-

(*) Сигнальная труба имѣеть губную часть цилиндрическую, а не на подобіе воронки, какъ по обыкновенно дѣлають у слуховыхъ трубъ.

преляемому для насаживанія на ружья шпиковать.

Можно сдѣлать особенное устье, подобно маленькой воронкѣ, для ввинчиванія онаго въ трубу, помощію вырѣзаннаго въ ней винта. Такимъ образомъ составишь слуховая труба для разговора.

Другаго рода устье, подобное опрѣзку губной части охотничьяго рога, можно подобнымъ образомъ ввинчивать въ ту же слуховую трубу, для употребленія онаго вмѣсто рога. Таковое соединеніе двухъ опдѣльныхъ частей, помощію винта, можеть дать слуховой трубѣ множество различныхъ видовъ.

Когда труба не нужна для употребленія, то можно онаю повѣсиль, посредствомъ прикрѣпленныхъ къ ней ремней или колець.

Если огнесильное орудіе значительнаго размѣра, и если дѣйствіе звука въ состояніи повредитъ стѣны трубы, то можно онаю сдѣлать параболическою.

Открытіе сіе можно приспособить къ аршиллеріи, расположенной въ телеграфическомъ порядкѣ, или на берегахъ, гдѣ нужно произвестъ самое сильное дѣйствіе, для распространенія звука на дальнѣйшее разстоя-

ніе (*). Но тогда поверхность пушечнаго дула должно сдѣлать цилиндрическою, дабы шруба, имѣющая подобное ошверстіе, надѣвалась на пушку и прикрѣплялась къ ней помощію штыковыхъ замковъ. Трубу сію можно придѣлать къ барбешамъ или амбразурамъ, помощію припаянныхъ къ ней вертлюговъ или другихъ исходящихъ частей. Въ такомъ случаѣ зарядивъ пушку, устроенную какъ выше сказано, вдвигають дуломъ въ слуховую шрубу, прикрѣпленную къ брустверу, и стрѣляютъ; звукъ произведетъ свое дѣйствіе на стѣны шрубы прежде, чѣмъ совершится отпакъ орудія.

Слуховыя шрубы можно дѣлать изъ листовъ желтой или красной мѣди; но послѣдній изъ сихъ металловъ предпочтительнѣе, ибо не такъ легко разрывается дѣйствіемъ звука, а въ случаѣ разрыва не образуетъ черепьевъ. Толщина шрубы можешь опредѣлиться нѣсколькими опытами; но должно спарашься сдѣлать оную какъ можно легче.

(*) Таковыя сигнальныя пушки могли бы быть весьма полезны въ С. Петербургѣ, для извѣщенія жителей онаго о повышеніи воды въ Невѣ или приближеніи Ладожскаго льда, имѣющаго непосредственное вліяніе на положеніе мостовъ. *Прим. Перес.*

обращая однако же вниманіе на прочность, по потребную для безопасности людей, определенныхъ къ орудію.

Г. Яковлевъ.

VI.

С Л О В Е С Н О С Т Ъ .

Нѣсколько замчаній на статью Г. Геро, о переводѣ Басень Крылова, помѣщенную въ Июньской книжкѣ Журнала: *Revue Encyclopedique* *).

Въ началѣ сей статьи, Г. Геро выпиываетъ нѣкоторыя общія мѣста о Баснѣ изъ Вольшера, Мармоншеля и Флоріана, и дополняетъ ихъ собственными мнѣніями. Такова, между прочими, выписка изъ Флоріана, гдѣ сей Писатель говоритъ, что „Апологъ (или Басня) есть родъ небольшой Драмы, имѣющей свое вступленіе, завязку и развязку.“ Какой же родъ сочиненій, особливо повѣствованій, ихъ не имѣтъ? можно бы было спросить, и сподило ли шруда выписывать опре-

*) *Fables Russes, tirées du recueil de M. Kriloff. etc.*

дѣленіе, ничего неопредѣляющее, ибо столь же основательно можно сказать, что Эклога, Идиллія и п. п. есть небольшая *Драма, имѣющая свое вступленіе, завязку и развязку.*

Пропустимъ прочія выписки Г-на Геро: въ нихъ, какъ и въ собственныхъ его мнѣніяхъ, есть много и справедливаго и несправедливаго. Но не о томъ дѣло. Мы хотимъ разсмотрѣть то, что онъ говоритъ о Литературѣ Русской и о Басняхъ Крылова.

Здѣсь, послѣ имени Сумарокова, находимъ мы слѣдующую, довольно странную мысль. Г. Геро говоритъ, что „Сумароковъ, какъ и другіе Поэты, его соотечественники и современники, чувствовали, что „поздо уже творить Литературу, *совершенно національную*, и что должно взять ее съ той почвы, до которой она достигла въ Европѣ.“ Не знаю, къ чему относитъ это Г. Сочинитель, къ формамъ, или къ духу Поэзіи? Если къ формамъ, то конечно Русскимъ не было нужды выдумывать *новыя*; но Littérature toute nationale предполагаетъ не одні формы. Припомъ же народы не выдумываютъ, не *творятъ* Словесности, а приспособляютъ готовое слово къ нравамъ, обычаямъ и повѣрьямъ своимъ, къ

духу своего времени и къ средствамъ своего языка.

Судь о слогѣ Сумарокова, въ отношеніи къ времени, когда онъ писалъ, могъ быть произнесенъ только чужезпранцемъ, кошорому мало знакомы наши языкъ и Словесность. Г. Геро говоритъ о Басняхъ Сумарокова, что „онъ теперь почти забыты, и что „слогъ его, старый уже по тогдашнему времени, есть главная причина, по которой „сего Писателя мало читаютъ.“ Во первыхъ, слогъ Сумарокова не былъ старъ по его времени. Это доказываеяся высокимъ о немъ мнѣніемъ вообще всей тогдашней читающей публики, даже и послѣ появленія Басень Хемницера, до самыхъ временъ Карамзина и Дмиріева, п. е. до послѣдняго десятилѣтія минувшаго вѣка. Во вторыхъ, не языкъ въ Басняхъ Сумарокова (кошорый, мимоходомъ, и теперь не вовсе устарѣлъ, и лучше, нежели въ прочихъ его сочиненіяхъ), а непопулярная смѣлость его выраженій причиною, что Басни сіи мало читаются. Многія изъ смѣхъ выраженій оскорбляютъ образованный вкусъ. Приведемъ нѣкоторые примѣры:

Обезьяна, взлѣзши на дерево, смотришь на кума своего медвѣдя —

„Но кумъ ей кажется опшолоъ
 Мелкой сошкой,
 Большою мошкой,
 Иль малой кошкой.“

Осель расхрабрился проптивъ льва —

„Пусшилса въ слѣдъ за львомъ

Осель,

И на зубатъ у льва вистѣлъ.“

Тутъ же Г. Геро, на двухъ страницахъ, явно противорѣчить самому себѣ. Онъ говоритъ, что Басни Сумарокова по большей части суть переводы, особливо Басень *неподражаемаго* Лафоншена. На слѣдующей страницѣ, говори о Басняхъ И. И. Дмитриева, вопъ какъ онъ изъясняется. „Онъ (Г. Дмитриевъ) въ особенности съ удивительнымъ искусствомъ подражалъ Лафоншену, и многія изъ его Басень какъ будто написаны по-Русски несравненнымъ нашимъ (Французскимъ) баснописцемъ.“ Какъ согласить названіе *неподражаемаго* съ тѣмъ, что сему же самому Лафоншену подражали съ удивительнымъ искусствомъ? Казалось бы, что и въ выборѣ даже *расхожихъ* эпическихъ должно быть оспорознѣе; иначе читатели станутъ недоувѣрять Логикъ Сочинителя.

Впрочемъ, сказанное Г-мъ Геро о Баснописцахъ нашихъ, Хемницеръ и Дмитриевъ,

совершенно справедливо; благодаримъ его за то, что онъ опдалъ полную справедливость симъ Поэтамъ, украсившимъ Словесность Русскую своими Баснями. Судъ его о Крыловѣ также по большей части безприсрашенъ; но здѣсь выказывается какой-то, хопя и слабый, порывъ авторскаго самолюбія, и вопъ въ чемъ. Г. Лемонтъ хвалилъ Крылова, такъ сказать, безусловно; Г. Геро, чтобы доказать знанія свои въ Россійской Словесности, приводитъ сужденія Г. Жуковскаго о Басняхъ Крылова, и переводитъ ихъ на Французскій языкъ не такъ, какъ сказано въ подлинникъ. При семъ должно замѣнить, что сія мнѣнія Жуковскаго относятся къ 1-му изданію Басень Крылова, заключавшему въ себѣ 23 Басни, которыя всѣ были въ послѣдствіи исправлены Сочинителемъ. Далѣе Г. Геро, отдавая справедливость Крылову на счетъ правильности его примѣненій и нравоученій, выводимыхъ изъ Басень, говорить: „Но есть одна почка, на которой „Французскій Баснописецъ беретъ верхъ; „Русскій же Поэтъ, кажется, слишкомъ ее „пренебрегъ, а именно: вѣроятность дѣйствія, спѣлъ необходимая въ Баснѣ, что „безъ нее обманъ воображенія становится „невозможнымъ.“ Можноли продолжаетъ Кришникъ: „чтобы Шука ходила съ Кошомъ на

„ловлю мышей, чтобы Мужикъ нанялъ
 „Осла сперечь свой огородъ, чтобы у дру-
 „гаго Мужика Змья бралась воспишывашь
 „дѣшей, чтобы Шука, Лебедь и Ракъ впря-
 „глись въ одинъ возъ и пр.“ Не оправдывает
 нашего Баснописца, (хотя въ Баснѣ вообще
 невозможное дѣлается возможнымъ, лишь бы
 дѣль Сочинителя была ясна), скажемъ, что
 Г. Геро, отдавая преимущество Лафонштену,
 вѣрно не заглянулъ на пошль разъ повцима-
 шельнѣ въ Басни сего послѣдняго. Тамъ уви-
 дѣлъ бы онъ, что у Лафоншена звѣри посы-
 лають дань къ Александру Македонскому, и
 что Левъ обманомъ ошбираеть у посланныхъ
 сію дань, состоящую изъ денегъ. (V. Tribut
 envoyé par les animaux à Alexandre, Liv. IV);
 что Лешучая Мышь, Кустъ и Ушка сдѣла-
 лись торговыми поварщиками и даже завели
 коншоры (Liv. VII); что Крысъ усшричныя
 черепашки кажутся *кораблями* (Le Rat et
 l'Huître, Liv. VIII) и пр. пр. Все это вѣрол-
 нѣ ли того, что Г. Геро осуждаетъ въ
 Басняхъ Крылова?

Г. Геро дѣлаетъ упрекъ почтенному Из-
 дателю Басень Крылова въ Парижѣ, Графу
 Г. В. Орлову, за помѣщеніе въ семь собраніи
 прехъ слѣдующихъ Басень: *Демьянова Уха*,
Свинья и *Гребень*. Еще болѣе жалѣеть онъ,
 какъ рыцарь прекраснаго пола, что перело-

женіе сихъ Басень во Французскіе стихи до-
 спалось двумъ дамамъ (*): „Могли ли ихъ да-
 „ровать,“ говоришь онъ: „явишься съ выгодной
 „стороны въ споль неблагодарномъ трудѣ?
 „и какія пріятныя каршины, какой привле-
 „кашельный урокъ можно было извлечь изъ
 „такихъ предметовъ? . . .“ Хвала Г. Кришика
 за уваженіе къ прекраснымъ его соопече-
 ственницамъ, мы все таки скажемъ, что
 Г. Крыловъ ни сколько здѣсь не виноватъ,
 Вольно жъ было Г-жѣ Амабль Тасю развер-
 нуть въ Баснѣ *Soupe au poisson*, написанной,
 можно сказать, въ подражаніе Баснѣ Крыло-
 ва: *Демьянова Уха*, такую каршину, кото-
 рую нашъ Баснописецъ ошкрылъ своимъ чи-
 тателямъ съ болѣею осторожностью. Стихъ:
 „А съ Фоки ужъ давно капился градомъ пошль“
 замѣненъ слѣдующимъ:

Etienne se soumet; son coeur bondit.... il crève....

Эта каршина и въ самомъ дѣль опшраши-
 тельна. Также и въ Баснѣ *Свинья*, весьма
 ошшпрительно нашъ Писатель, можно ска-

(*) Демьянова Уха и Гребень переложены Г-жею
 Амабль Тасю; Свинья — Г-жею Софіею Ге
 (Sophie Gay).

зашь, намѣкнулъ только о томъ, что видѣла
Хавронья на барскомъ дворѣ:

Все только лишь навозъ да соръ:
А кажется, ужъ не жалѣя рыла,
Я шамъ изрыла
Весь задній дворъ.

Прелагательница же сей Басни дала себѣ волю
сказать гораздо больше и яснѣе:

C'est dans la basse-cour un assez beau fumier,
Puis un bassin d'eau verte, un gros tas d'im-
mondices,

Voilà tout, et ma bonne foi,
Par un seul fait je vous le prouve,
Car des beautés, qu'en ce chateau l'on trouve
Je porte encor les parfums avec moi.

Но хотѣлъ бы я знать, чѣмъ оскорбляется
разборчивый вкусъ Кришика въ Баснѣ *Гре-
бень?* Каршина, представленная Крыловымъ,
именно изъ тѣхъ, которыми сами Французы
называютъ *привлекательными* (des tableaux
gracieux). Вотъ изображеніе волосовъ дышащи:

. . . . Кудри золотые,
Волнистые, барашкомъ завыше
И мягкіе какъ шонкій лёнъ.

Наконецъ, дополнятельная мысль Г. Крыло-
ва, когда мальчикъ бросилъ гребень въ рѣку:

Теперь имъ чешутся Наяды . .

шаква, что и въ Поэмѣ, преобладающей гораздо

больше разборчивости вкуса, составляла бы
красоту.

Позволимъ себѣ легкія замѣчанія на вы-
боръ Г. Геро въ переложенныхъ Басняхъ
Крылова. Мнѣ кажется, что онъ не вовсе
безпристрастно судилъ о сихъ переложеніяхъ.
Напр. Басня *Любопытный* (Le Curieux L. IV
F. VII) Г. Ряго (Rigaud) рассказана очень хо-
рошо; примѣненіе только не совсѣмъ удачно;
а Итальянское предложеніе сей же Басни пре-
красно. Г. Чезари соблюлъ въ немъ всѣ кра-
соты подлинника и передалъ ихъ весьма вѣр-
но, иногда спихъ въ спихъ, какъ наприимѣръ:

„Одни какъ изумрудъ, другіе какъ кораллы.“
Quoi di smeraldo son, quai di corallo.“

Волкъ на Псарий, Басня, предложенная Фир-
менемъ Дидо, (Le loup dans la maison de chasse
L. IV. F. XIV) также заслуживаетъ вниманіе.
Ягненокъ, написанная въ подражаніе Крылову
извѣстнѣмъ Французскимъ Баснописцемъ *де
Бальи* (L'Agneau, L. V. F. V), рассказана пре-
красными стихами, и цѣль подлинника въ ней
весьма хорошо изъяснена. Признаюсь, я уди-
вился, не нашедъ между Баснями, на кото-
рыя указываетъ Кришикъ, Басни *Оселъ и
Соловей,* переложеной *Дешаномъ* (L'Âne
et le Rossignol, imitée par Deschamps. L. V.
F. VII). Въ ней есть мѣста, гдѣ красоты

Русскаго подлинника замѣнены умомъ Французскимъ — и замѣнены, какъ мнѣ кажется, прекрасно. Напр. Осель говоритъ Соловью, въ подтвержденіе того, что онъ имѣетъ право слушать его:

Je suis digne de t'écouter :
Regarde plutôt mes oreilles.

Говоря объ Италіянскомъ переводѣ Басни *Осель* (L. V. F. III), Г. Геро не сказала именно, который ему понравился, ибо ихъ два. По моему мнѣнію, переводъ Кавалера Риччи лучше и ближе къ подлиннику, рассказъ его живѣе. Предложеніе той же Басни Г-на Сальфи — распянуто.

Написавъ сіи замѣчанія, хотѣлъ я, въ избѣжаніе лишней работы, воспользоваться переводомъ статьи Г. Геро, помѣщеннымъ въ 18-мъ № Московскаго Телеграфа. Но можно ли ссылаться на такой переводъ, который часто разногласитъ съ подлинникомъ? Вошь образчики ихъ мѣстъ, гдѣ Г. Переводчикъ или не выразумѣлъ по-Французски, или не умѣлъ вразумительно пересказать по-Русски.

Подлинникъ :

Revue Encyclopédique
p. 725. De ce nombre il
en est tout au plus une
vingtaine, qui eussent des

Переводъ :

Московск. Телеграфъ,
спр. 146. Изъ сего числа
более двадцати было
такихъ, которые имѣли

droits véritables à être chargés d'une mission aussi difficile.

P. 726. Chacun a voulu être pour sa part dans ce concours, que M. Lemon-tey appelle une „*espèce de tournoi célébré dans Paris en faveur du Fabu-liste étranger.*“

P. 735. Puis un discours de M. Salfi, sur la Fable considérée principalement chez les Italiens, morceau d'un grand intérêt, où cet habile Critique a tracé de ce genre un essai historique plus exact et plus complet, que tout ce qu'on possédait jusqu'alors sur ce sujet dans la langue de Dante.

Довольно! — Послѣ этого мнѣ оставалось только оплошиться къ споронѣ Московскій Телеграфъ, пожелавъ ему покойной ночи, а Издашелоу его большаго навыка въ языкахъ Французскомъ и Русскомъ, и большаго оспорозности въ сужденіяхъ его о чужихъ сочиненіяхъ и переводахъ.

Ноября 23.

заслуженное право взять на себя дѣло столь затруднительное.

Спр. 147. Всякой хотѣлъ имѣть участіе въ дѣлѣ, которое самъ Г. Лемонте называетъ : „*славнымъ Парижскимъ турниромъ въ пользу иносстраннаго Баснописца.*“

Далѣе, разсужденіе Г. Сальфи о Баснѣ и преимущественно о Баснѣ Италіанской — сочиненіе чрезвычайно любопытное, въ которомъ Критикъ, способный къ произведеніямъ сего рода, предспавилъ самый полный и самый вѣрный исторической обзоръ, какого донынѣ не было еще на языкѣ Данна.

N. N.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ХАРАКТЕРЫ ВАЖНѢЙШИХЪ БРИТАНСКИХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЧИНОВНИКОВЪ И ПАРЛАМЕНТСКИХЪ ОРАТОРОВЪ.

(Изъ Воспоминаній о иноземныхъ путешествіяхъ и пр., сод. Членомъ Парламента Бриджесомъ. Лондонъ, 1825 года.)

Шестъ лѣтъ, проведенныхъ мною въ Парламентъ, съ 1812 по 1818 годъ, прошекли для меня хотя и не безъ непріятностей, однако жъ вообще болѣе прочихъ удовлетворили моимъ желаніямъ. Они представили мнѣ предметы со многихъ новыхъ точекъ зрѣнія, и заняли меня практикою, соотвѣтствовавшей прежнимъ моимъ упражненіямъ и приобрѣшеннымъ мною познаніямъ. Такое положеніе, въ самомъ ли дѣлѣ или мысленно, приближаетъ къ источнику происшествій; случай, наблюдать вблизи публичные характеры, подаютъ поводъ къ занимательнымъ разсужденіямъ; а различные образы, посредствомъ коихъ особы, занимающіяся дѣлами Государственными, обнаруживаютъ дарованія,

познанія и способности свои, показываютъ намъ на самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ управляется Свѣтъ. Въ Лондонѣ, переполненномъ населеніемъ людей разнаго рода, званіе Члена Парламента доставляетъ свободный доступъ въ обществу; безъ онаго великій, кто не хочетъ насильно выказаться, почши всегда терается въ толдѣ. Въ семъ кругу спекаются всѣ особы, ошличающіяся значимостію и должностями.

Въ Нижнемъ Парламентѣ прежде всего я былъ пораженъ величайшею рѣдкостію не только великихъ и краснорѣчивыхъ, но даже и посредственныхъ Орашоровъ, и множествомъ такихъ, коихъ рѣчи были не только слабы, но и недосройны кришники. Объ одномъ *Каннингъ* можно было сказать, что онъ говорилъ съ истиннымъ краснорѣчіемъ; но тогда онъ говорилъ не часно, и рѣчи его были весьма изысканны и принужденны. Прочіе Орашоры, взявшіеся руководствовашь преніями, имѣли, не смотря на существенное содержаніе ихъ рѣчей, многіе природные и тешическіе недосройки: или произношеніе ихъ были національно, провинціально, ошывалось ихъ ремесломъ, непріятно, или голосъ неблагозвученъ, или выраженія ошибочны. Трое изъ ошличнѣйшихъ между ими, необыкновенными и сожалѣнія достойными слу-

чаями скрыты въ могилѣ. — *Вейтбридъ* имѣлъ ясный, свѣтлый умъ; всегда совершенно зналъ предметъ, о коемъ говорилъ; слова его обыкновенно были поучительны, иногда остроумны, а иногда и краснорѣчивы; но онъ не имѣлъ вкуса и классическаго образованія. Онъ почти всегда былъ горячъ, иногда вспыльчивъ; наружность его была непріятна, голосъ рѣдко благозвученъ, и всѣ его приемы показывали слишкомъ много изученнаго и искусственнаго. Онъ начиналъ рѣчь слишкомъ громко, и вскорѣ перялъ голосъ.

Сиръ Самуилъ Ромилли випійствомъ своимъ производилъ большое впечатлѣніе на слушателей; онъ имѣлъ спрогую логику, тонкость въ сужденіяхъ и удивительное остроуміе, которое иногда говорило къ сердцу; но въ приемахъ его показывалось весьма много адвокатскаго (что никогда не можешь нравиться публикѣ); въ звукъ его голоса было нѣчто суровое, и это, въ соединеніи съ важнымъ, спрогимъ, блѣднымъ лицомъ и измѣренными приемами, ослабляло впечатлѣніе, однако жъ не убавляло вниманія, съ каковымъ его слушали. Уваженіе къ его характеру, удивленіе, заслуженное глубокими его познаніями въ Правовѣдѣніи, довѣріе къ чистотѣ его правилъ, и просвѣщенное и притомъ основательное познаніе Государь-

ственного учрежденія его отечества, обращали на всѣ его слова полное вниманіе слушателей; даже пѣ, кои почивали его въ парламентскомъ отношеніи спрогимъ и слишкомъ суровымъ республиканцемъ, коего образъ мыслей не могъ приноровиться къ смѣшенному образу правленія Великобританніи, и потому въ полной мѣрѣ ошклонились отъ его заключеній и образа мыслей въ разсужденіи Законодательства и Правленія, никогда не дерзали пропустить безъ вниманія того, что произносили уста его. Холодный скрытный нравъ не позволялъ ему находиться въ дружескихъ сношеніяхъ или корешкомъ обхожденія съ другими, и всѣ свои дѣла производилъ онъ собственно своею силою.

Лордъ Кастельре принадлежалъ совершенно къ другому разряду. Онъ былъ одаренъ весьма привлекательнымъ нравомъ и въ обращеніи своемъ былъ конечно самый благовоспитанный человекъ (*gentleman*), котораго я когда либо видѣлъ. Онъ провелъ дѣлательную и бурную жизнь, и подъ конецъ силы его были слишкомъ напряжены, а можешь быть, и чрезъ мѣру способностейъ человеческихъ. Вообще онъ былъ не совершенный Орапоръ, иногда даже и дурной; но однажды или дважды въ моемъ присутствіи, онъ говорилъ съ болѣею твердостію и силою, чѣмъ всѣ дру-

гіе Члены сего Парламентша: и пошому я приписываю обыкновенную сбивчивость его въ рѣчахъ одному только недостатку въ самоувѣренности. Ибо эпоха величайшаго шоржества его, о коей я упоминалъ, падаешъ во время перваго возвращенія его съ швердой земли, лѣпомъ 1814 года, по заключеніи мира, когда, при вступленіи его въ Парламентъ, онъ былъ принятъ всеобщимъ рукоплесканіемъ всѣхъ паршій. Это придало ему смѣлость, и онъ произнесъ рѣчь съ плавностію и силою. Онъ не принадлежалъ къ народной паршій, и я швердо увѣренъ, что сознаніе сего подавляло его способности шяжкимъ бременемъ.

Его дарованія унижаемы были, безъ сомнѣнія, одними невѣждами и глупцами. Лордъ Кастельре былъ дѣшеленъ и имѣлъ хорошія познанія; но, можешъ бытъ, онъ не могъ довольно скоро обнятъ и обсудитъ по произволу различныхъ предметовъ, которые въ изобиліи предшавлялись его внимательному взору. Мать его была изъ фамиліи Конвей, принадлежащей къ древнѣйшему Англійскому дворяншву; семейство отца его, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, владело большими богатствами. Мать отца его была дочь Остъ-Индскаго Губернатора, обладавшаго несмѣнными сокровищами. Во время бракос-

четанія матери Лорда Кастельре, отецъ ея былъ Ирландскимъ Намѣстникомъ (Lord-Lieutenant). Лордъ Кастельре былъ воспитанъ въ Англій между Сеймурами, и изъ писемъ Лорда Оксфорда видно, что онъ уже рано показывалъ большія дарованія. Мнѣ никогда не случалось видѣть менѣ надменнаго и болѣе привлекательнаго человека.

Джорджъ Понсонби, весьма незначущій Орапоръ, былъ главою паршій и Лордомъ-Канцлеромъ Ирландіи. Можешъ бытъ, онъ не умѣлъ приноровиться ко времени, хотя ему не было еще 60 лѣтъ. Онъ былъ бѣденъ познаніями, и говорилъ о предметѣ своемъ шакъ отрывисто, какъ будшо все честолюбіе его ограничивалось шѣмъ, чтошбы сдѣлалъ нѣсколько эпиграмматическихъ замѣчаній.

Фрэнсисъ Горнеръ подавалъ великую надежду бытъ опличнымъ Орапоромъ, но смерть похишила его въ цвѣтѣ лѣтъ. Онъ былъ шихъ, разсудителенъ, и шакъ ясенъ и убѣдителенъ въ рѣчахъ, что часто склонялъ слушателей на свою сторону пропивъ воли ихъ; но никогда не могъ возвыситься до краснорѣчія, и рѣчи его имѣли нѣчто адвокатское.

Вишійство *Вильберфорса* было заражено излишнимъ педаншествомъ; голосъ его былъ

слабъ, наружность весьма непривлекательна. Но онъ имѣлъ благородное говориль рѣдко, и только о важныхъ предметахъ, о коихъ публика, по причинѣ его образа жизни, вообще весьма желала услышать мнѣнія и доводы его.

Престарѣлый *Джорджъ Розе* говорилъ весьма непріятно и просиранно, и никогда не производилъ большаго впечатлѣнія: всегда подозрѣвали, что онъ имѣетъ въ виду цѣль какой либо партіи.

Къ счастію *Тирней* служили веселый нравъ и шутливость его, которые особенно его оплечали, и заставляли слушать его со вниманіемъ и удовольствіемъ.

Образъ вишійства *Бруггана* и нынѣ еще столь извѣстенъ, что почти не нужно его описывать. Онъ часто силенъ, иногда увлекателенъ, но нерѣдко впадаетъ въ преувеличеніе, а иногда и въ пустословіе. Трудно противостоять его сарказмамъ и ироніи. Произношеніе его имѣетъ нѣчто особенное: оно частію Вестморландское, частію Шотландское, и онъ никогда не перяетъ голоса, выражений и пріемовъ *стряпчаго*.

Обороты и языкъ въ рѣчахъ *Сира Джемса Мекинтоша* достойны удивленія; но голосъ его слабъ и неблагозвученъ, и въ произношеніи его много Шотландскаго.

Пиль ясно, глубокомысленно и искусно говоритъ о дѣлахъ, но голосъ его слишкомъ однозвученъ.

Нынѣшній *Канцлеръ Казначейства* (*Робинзонъ*) въ то время не занималъ еще сего важнаго мѣста. Онъ тогда вишійствовалъ рѣдко, но всегда съ живостію, дарованіемъ, силою, познаніями, и обнаруживая образъ мыслей достойный уваженія.

Утверждаютъ, что правовѣдцы бывають худыми Парламентскими Ораторами, и потому я долженъ замѣтить, что большая часть изъ вышеозначенныхъ лицъ въ молодости своей готовились къ Правовѣднѣю.

М.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ
БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И

1 8 2 5.

79. *Врачебныя правила для сохраненія здоровья и жизни беременных, родильницъ, роженицъ и младенцевъ, извлеченныя изъ всѣхъ Наукъ, касающихся до сего предмета, съ присовокупленіемъ описанія и леченія болѣзней обшихъ, поражающихъ, какъ женщинъ, такъ и мужчинъ, сочиненныя Докторомъ Медицины Юсифомъ Тихоновичемъ.* Въ двухъ частяхъ. М. 1825, въ Унив. шип., въ 8, въ 1 ч. 156, во 2й 154 стр.

(См. Но 138 Сѣв. Пчелы.)

80. *Таблица для расчета игры бостона, съ присовокупленіемъ раздѣленія онаго по родамъ, показаніемъ числа играющихъ, старшинства игръ, порядка*

мизерныхъ игръ и пр. Издано Николаемъ Небольсинымъ. С. П. б. 1825, въ Морской шип., въ 8, 8 стр.

(См. Но 139 Сѣв. Пчелы.)

81. *Слабомысловъ, Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ Егора Ганина. С. П. б. 1825, въ шип. Депарш. Народн. Просвѣщенія, въ 8, 72 стр.*

(См. Но 140 Сѣв. Пчелы.)

82. *Карманный лекарственникъ, содержащій употребительнѣйшія въ Медицинской практикѣ для составленія лекарствъ образцы, и раздѣленіе простыхъ лекарственныхъ веществъ по образу ихъ дѣйствія, съ показаніемъ приготовленія и приема оныхъ, составленный по поволу Парижскому Кодексу Ахилломъ Ришардомъ. Перевелъ съ Французскаго, прибавилъ особенныя свойства каждаго лекарственнаго вещества и названіе болѣзней, въ которыхъ они употребляются, Гаврило Медвѣдевъ. М. 1825, въ Унив. шип., въ 18, 212 стр.*

(См. Но 141 Сѣв. Пчелы.)

83. Военные подвиги Полковника Леонтія Яковлевича Неклюдова, нѣкоторыя подробности о частной его жизни и о происшествіяхъ отъ 1789 до 1808 года. Сочиненіе Сергѣя Глинки. Москва, 1825, въ Унив. тип. въ 8, 60 стр. съ поршрешомъ и каршинкою.

(См. No 143 Сѣв. Пчелы.)

СЫНЬ ОТЕЧЕСТВА.

1825. № XXIV.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КУХНЯ ВЪ ТРАКТИРѢ,

или

ЖЕНИХЪ-МЕРТВЕЦЪ.

(Изъ книги the Sketch book, Вашингтона Прайнда).

Путешествуй по Нидерландамъ, я остановился однажды у ворушъ шракшира подъ известною вывѣскою Золошаго яблока, въ маленькой Голландской деревнѣ. Тамъ уже давно отобѣдали, и я принужденъ былъ ужинашь въ одиночествѣ, довольствуясь остатками сыснаго стола. Погода была холодная; я сидѣлъ одинъ въ большой столовой комнашѣ. Послѣ ужина, оставалось мнѣ еще провести долгій и скучный вечеръ безъ всякаго развлеченія. Я позвалъ хозяина и попросилъ какихъ нибудь книгъ; онъ принесть мнѣ Голландскую Библію, календарь на шомъ же языкѣ и множество старыхъ Парижскихъ газетъ, составлявшихъ всю его библіошеку. Я взялъ

одну из послѣднихъ газетъ, и задремала бы, если бы слухъ мой не былъ поражаемъ опять время до времени внезапнымъ смѣхомъ, который, слышалось, неся изъ кухни. Всякой, кто путешествовалъ по твердой землѣ, конечно знаетъ, что кухня шракшира есть самое пріятнѣйшее сходбище для путешественниковъ средняго и низшаго состояній, особливо въ такую пору, когда огонекъ спановится весьма пріятенъ подъ вечеръ. Я бросилъ газеты, и пошелъ въ кухню, чтобы взглянуть на общество, которое, по видимому, такъ было весело. Оно состояло изъ путешественниковъ, прѣхавшихъ за нѣсколько часовъ до того въ дилижансѣ, изъ обыкновенныхъ прислужниковъ и прихлебателей шракширныхъ. Всѣ они сидѣли вокругъ изразчащаго камина; на огнѣ стояла различная свѣшная посуда, между которою возвышался огромный чайникъ; вода въ немъ шипѣла и перекипала за край. Большая лампада, ярко освѣщая всю сію группу, ясно высвѣтляла странныя фizioноміи многихъ лицъ. Желтые лучи ея, озаряя огромную кухню, шерялись въ углахъ оной, какъ въ шуманѣ, османавливаясь только во всемъ блескѣ на широкихъ краяхъ большихъ окороковъ, висѣвшихъ по стѣнамъ, и освѣчиваясь на свѣшловычищенной посудѣ, которая сіяла и въ темнотѣ.

Высокая толстая Голландка, съ длинными золотыми серьгами и съ ожерельемъ, на которомъ висѣло золотое сердечко, была главнымъ лицомъ въ кухнѣ. Почти всѣ собесѣдники были снабжены трубками, многіе изъ нихъ припивали изъ кружекъ . . . Я нашель, что веселость ихъ происходила отъ расказовъ маленькаго смуглаго сухощаваго Француза съ длинными усами, который говорилъ о своихъ любовныхъ приключеніяхъ. Окончаніе каждаго изъ нихъ возбуждало сей громкій, просподушный и непринужденный хохотъ, которому человекъ можетъ предаваться только въ жилищѣ свободы — то есть въ шракширѣ. Не находя лучшаго способа провести скучный, бурный и долгій вечеръ, я расположился у камина, и сталъ слушать расказы путешественниковъ: многіе изъ нихъ были неабыны, а нѣкоторыя очень печальны. Всѣ однако изгладились изъ моей измѣнической памяти, кромѣ одного, который я постараюсь здѣсь передать. Боюсь только, что главнѣйшая привлекательность сей повѣсти, состоявшая въ образѣ выраженія и необыкновенномъ видѣ расказика, будетъ потеряна. — Повѣствователь былъ толстый старый Швейцарецъ; на лицѣ его было написано, что онъ путешественникъ опытный. Одежда его состояла въ полиня-

ломъ камзолъ съ широкимъ кожанымъ поясомъ; нижнее платье застегивалось сверху до низу пуговицами. Лице его было полное и красное, двойной подбородокъ, носъ орлиный и взглядъ пріятный. Волосы были свѣтлорусые и вились изъ подъ старой зеленой бархатной шапки, надѣтой на бекрень. Нѣсколько разъ пріездъ новыхъ поспойальцевъ, или замѣчанія слушателей, прерывали рассказъ его; онъ въ это время снова набивалъ свою трубку, и съ пушковымъ взглядомъ шутила надъ полстою кухаркою. Я желаю, чтобы читатель представилъ себя этого краснбая, какъ онъ, развалившись въ большихъ креслахъ, подбоченясь одной рукой, держа въ другой спрранно обдѣланную закрувленную пивковую трубку, украшенную серебряною цѣпью и шелковыми киспями — шѣшилъ слушателей рассказомъ савдующей повѣсти.

Ж Е Н И Х Ъ - М Е Р Т В Е Ц Ъ .

На вершинѣ одной изъ высотъ Оденвальда, въ дикомъ и романтическомъ мѣстѣ верхней Германіи, недалеко отъ соединенія Майна съ Рейномъ, стоялъ, многіе, многіе годы тому назадъ, замокъ Барона фонъ Ландшорста. Онъ шеперь совершенно развалился, и почти

погребень между высокими елями и мрачными соснами; но еще возвышается надъ лѣсомъ старая часовая башня; она борется съ временемъ и, подобно прежнему обладателю, кажется, все еще хочешь поднимать голову и съ высока смотрѣть на сосѣднія земли.

Баронъ этотъ былъ сухая вѣшь большой фамиліи Каценелленбогенъ, и наслаждался онъ предковъ остатки имѣнія и сполна ихъ гордость. Хотя воинскій ихъ духъ значительно уменьшилъ фамильные владѣнія, однако Баронъ старался поддерживать важность дому сообразно прежнимъ временамъ. Миръ и тишина царствовали тогда въ Германіи, и вообще всѣ Нѣмецкіе владѣльцы, покинувъ свои неспособные къ жизни старыя замки, выдѣленные, какъ орлиныя гнѣзда, на вершинахъ скалъ, построили себѣ покойнѣйшія жилища въ долинахъ: однако Баронъ съ гордостью оставался въ своей маденькой крѣпости, и придерживался съ насльдственнымъ упрямствомъ, всѣхъ старыхъ феодальныхъ правъ, писалъ непримиримую вражду ко многимъ изъ ближайшихъ сосѣдей, попому, что нѣкоторые изъ его прапрадѣдовъ съ ихъ предками ссорились.

У Барона была только одна дочь; но природа, болѣею часію, скупясь на число

двѣней, вознаграждаетъ родителей, осыпая единственное всеми дарами: такъ точно случилось съ дочерью Барона. Всѣ нянюшки, крестныя мапущки и двоюродныя пещушки увѣрили отца, что другой такой красавицы нѣтъ во всей Германіи. И кому лучше было знать это? Сверхъ того она была воспитана съ величайшимъ стараніемъ подъ присмотромъ двухъ незамудрыхъ пещушекъ, которыя провели нѣсколько лѣтъ своей молодости при одномъ маленькомъ Нѣмецкомъ Дворѣ, и приобрѣли тамъ всѣ познанія, необходимые для воспитанія знашной особы. Подъ ихъ руководствомъ она сдѣлалась дивомъ совершенства. Едва минуло ей 18 лѣтъ, она уже умѣла вышивать такъ прекрасно, изображала на обояхъ всякія лица такъ живо, что они казались одушевленными. Она умѣла читать довольно внятно; по складкамъ прочла многія церковныя лѣтописи, и почти всѣ рыцарскія походы въ книгѣ о Нѣмецкихъ герояхъ (Heldenbuch). Она оказала великіе успѣхи въ письменахъ, могла подписывать свое имя, не пропустивъ ни одной буквы, и такъ чешко, что теткки читали ея подпись безъ очковъ. Она чрезвычайно искусно дѣлала всякія красивыя женскія бѣлушки; знала всѣ модныя шапцы, играла на гитарѣ и на арфѣ множество разныхъ

пѣсенокъ, и помнила наизусть всѣ Баллады Миннезингеровъ. Тетушки въ молодости своей были величайшими въпренницами, и даже кокетками, слѣдственно очень хорошо могли присматривать за своей племянницей, попому, что нѣтъ въ свѣтѣ дуэнныхъ неумолимѣ обвѣщалою кокетки; ее рѣдко выпускали изъ виду, и никогда не позволяли ходити дальше предѣловъ замка безъ надзора, или лучше сказать, безъ спорожа; она безпрестанно слушала поученія о строгомъ соблюденіи благопристойности и совершенномъ повиновеніи; что жъ касаяся до мужичинъ, Боже сохрани! ей сказывали, что надобно держаться отъ нихъ въ большемъ отдаленіи, и бытъ къ нимъ столько недоверчивою, что безъ позволенія, не осмѣливалась взглянуть даже на самаго перваго красавца въ свѣтѣ — даже не взглянуть, если бы онъ и умиралъ у ногъ ея.

Доброе дѣйствіе такихъ правилъ было въ ней удивительно примѣтно. Она сдѣлалась примѣромъ повиновенія и совершенства. Между тѣмъ, какъ другія молодыя дѣвушки перяли свои пріятности въ блескѣ большаго свѣта, и подобно нѣжнымъ цвѣтамъ, были срываемы и бросаемы, она безъ волненія вступила въ лѣта совершеннаго возраста, и подъ присмотромъ своихъ спарыхъ пещу-

шекъ , разцвѣтала какъ скромный и свѣтлый розанъ подъ защитою колючихъ шиповъ.

Тетушки смотрѣли на нее съ гордостью, и съ восхищеніемъ хвалились тѣмъ, что если бы и всѣ молодыя дѣвушки въ свѣтъ соврашались когда нибудь съ примаго пуши, то, слава Богу, ничего подобнаго не можешь случиться съ наследницею Каценелленбогена.

Не смотря на то, что у Барона фонъ-Ландшорта было не много дѣтей, семейство его было довольно многочисленно: Провидѣніе наградило его шлопою бѣдной родни. Всѣ и каждый одарены были сею пѣжною приверженностью, общою всемъ бѣднымъ родственникамъ, и такъ любили Барона, что не пропускали случая шлопами являться съ дочщеніемъ въ его замкъ, который примѣтно оживлялся ихъ присутствіемъ. Всѣ семейственные праздники были опшравляемы сими добрыми людьми на счесть Барона, и когда сыпный шлолъ приводилъ ихъ въ восторгъ, они восклицали въ радости, что нѣтъ на свѣтъ ничего прелестнѣе сихъ семейныхъ собраній, сихъ сердечныхъ шоржествъ.

Баронъ, хотя маленькій шлолъ, имѣлъ великую душу, которая еще болѣе возвышалась восхишительною мыслію, что онъ есть величайшій человекъ въ маленькомъ мірѣ, его

окужающемъ. Онъ любилъ рассказывать похождения старыхъ и сильныхъ воиновъ, копорыхъ безобразные поршпрещы угрюмо поглядывали со стѣнъ, и находилъ внимательныхъ слушателей въ людяхъ, копорыхъ поилъ и кормилъ. Онъ усердно вѣршалъ всему сверхъ-естественному, и не сомнѣвался въ испинивъ дивныхъ сказокъ, копорыми изобидаютъ Германскія горы и долины, а гощи его были еще легковѣрнѣе: они слушали каждую чудесную повѣсть, разинувъ ротъ и вышарачивъ глаза, и съ новымъ восторгомъ удивлялись каждой исторіи, хотя бы слушали ее въ сотый разъ. Такъ-то жилъ Баронъ, фонъ-Ландшортъ, оракуль своего шлола, полномочный владѣтель своей земли, и сверхъ-шлого счастливый увѣреніемъ, что онъ премудрѣйшій человекъ между современниками.

Около штого времени, о копоромъ идетъ моя исторія, въ замкъ было большое семейное собраніе, по случаю весьма важнаго дѣла. Надлежало принять нареченнаго жениха дочери Барона. Ощецъ ее условился съ однимъ Баварскимъ дворяниномъ о соединеніи, достоинствъ домовъ ихъ брачнымъ союзомъ дѣтей. Вначалъ дѣло пошло должнымъ порядкомъ: молодые люди были помолвлены, и выданы другъ друга, и время ихъ свадьбы на-

значено. Молодого Графа фонъ-Альшенбурга нарочно вызвали изъ арміи, и онъ былъ въ дорогѣ къ своей невѣстѣ. Уже получили письма изъ Вюрцбурга, гдѣ онъ принужденъ былъ случайно остановиться; въ сихъ письмахъ назначалъ онъ день и часъ своего прибытія. Весь замокъ былъ въ большомъ движеніи, чтобы принять его приличнымъ образомъ. Прекрасную невѣсту нарядили со всевозможнымъ стараніемъ. Обѣ пещушки присуществовали при ея одѣваніи, и спорили все упрю о каждой вещи въ ея уборѣ. Молодая дѣвушка, воспользовавшись ихъ спорами, послѣдовала внушенію собственнаго вкуса кошорый по счастью былъ весьма хорошъ. Она была прекрасна, какъ только можетъ быть молодая невѣста, и безпокойство ожиданія придавало новый блескъ ея прелестямъ. Легкіе приливы крови въ лицѣ и шеѣ, съсненное дыханіе, взоры временно задумчивые, все измѣняло нѣжному волненію ея сердца. Тещушки суетились около нее неосмущенно; извѣстно, что старыя дѣвушки берутъ обыкновенно большое участіе въ дѣлахъ сего рода. Онѣ давали ей множеству важныхъ совѣтовъ, какъ себя повести, что скажешь и какъ принять ожидаемаго жениха. Баронъ былъ не менѣе занятъ пріуготовленіями. Правду сказать, ему совершенно нѣчего было дѣлать,

но будучи отъ природы горячаго и безпокойнаго нрава, онъ не могъ оставашся въ бездѣйствіи, когда все вокругъ него хлопотали. Онъ бѣгалъ по замку сверху внизъ, съ видомъ величайшаго безпокойства; поминутно опрыгивалъ людей отъ работы, увѣщевая бытъ прилежнѣе, и жужжалъ безпокойно и безосвязно по всѣмъ комнатамъ и лѣспницамъ, какъ сизая лѣпная муха, въ жаркій день.

Между тѣмъ убили пеленка, нарочно выоеннаго для такого праздника; въ лѣсу раздавался звукъ охошничьихъ роговъ; кухня ломилась отъ кушанья; изъ погребовъ пролился океанъ Рейнскаго и Фервейнскаго вина, и даже взяша была дань съ большой Гейдельбергской бочки. Словомъ все было въ готовностіи принять отличнаго гостя *mit Saß und Trauß* въ настоящемъ смыслѣ Нѣмецкаго гостепріимства — но гость не показывался. — Часъ проходилъ за часомъ; солнце съло за обширными лѣсами Оденвальда и освѣщало только однѣ вершины горъ. Баронъ взлѣзъ на самую высокую свою башню, и приспально смотрѣлъ въ даль, надѣясь увидѣть Графа съ его свитой. Однажды ему показалось, что оно ихъ видишь; звукъ рога раздался въ долину — и повпорился вхомъ горъ. Показалось множеству всадниковъ,

шихо подвигавшихся по дорогѣ; но съ приближеніемъ къ подошвѣ горы, они повернули въ другую сторону — послѣдній лучъ заходящаго солнца попухъ; посылалися полетѣ ночныхъ птицъ, дорога мало помалу исчезла, въ сумеркахъ ничего не было видно, кромѣ кой гдѣ идущихъ съ работы крестьянъ.

Между шлемъ, какъ старинный замокъ Ландшорнъ находился въ такомъ безпокойствѣ, печальное происшествіе случилось на другомъ краю Оденвальда.

Молодой Графъ фонъ-Альшенбургъ продолжалъ путь свой полегоньку, по дорогѣ, ведущей къ супружеству, которую пріѣхали его сгладили, избавивъ отъ шруда и заботъ свашанъ; онъ зналъ, что при концѣ путешествія ждетъ его невеста шакъ же вѣрно, какъ бы ожидалъ его обидѣ. — Онъ встрѣтился въ Вюрцбургѣ съ молодымъ сослуживцемъ, съ которымъ они были вмѣстѣ на границахъ. Германъ фонъ-Штаркенфаустъ, сильнѣйшая рука и благороднѣйшее сердце изъ всѣхъ Нѣмецкихъ рыцарей, былъ на возвращенномъ пути изъ арміи. Замокъ отца его сплюлъ недалеко отъ крѣпости Барона Ландшорна, но наследственная вражда разлучала ихъ семейства.

Въ жару дружеской встрѣчи, молодые пріѣхавши рассказывали другъ другу о прошед-

шихъ похощеніяхъ со времени ихъ разлуки; и Графъ увѣдомилъ друга своего о намѣреніи жениться на прекрасной молодой дѣвицѣ, кошорой хотя никогда не видалъ, но прелести ея были описаны ему восхищительнымъ образомъ.

Обоимъ предстояла однѣ дорога: для того стоворились они ѣхать вмѣстѣ. Чтобы путешествовать съ большою свободою, они выѣхали изъ Вюрцбурга ранѣ своей свиты, кошорой Графъ приказалъ догонять себя по сказанному имъ пути. Дорогой они забавлялись воспоминаніемъ о своихъ походахъ; только Графъ часто перерывалъ пріѣхавъ своего безпреспанными повтореніями о прелестяхъ невесты и о счастіи, его ожидающемъ. Такимъ образомъ всупивъ въ горы Оденвальда, они оставили большую дорогу и повали лѣсною пропую: известно, что лѣса Германіи шакъ же обильны разбойниками, какъ замки ея привидѣніями. Около этого времени число разбойниковъ увеличилось распущенными солдатами и бродягами всей шой страны. И шакъ не удивительно, что шайка воровъ напала на нашихъ путешественниковъ въ самой глуши лѣса. Они защищались храбро, но были бы побѣждены, еслибъ Графская свита не подоспѣла къ нимъ на помощь. Разбойники разбѣжались, но Графъ

былъ смертельно раненъ. Его оспорожно отвезли назадъ въ Вюрцбургъ, послали въ сосѣдственный монастырь за монахомъ, извѣстнымъ своимъ искусствомъ въ пользоваіи души и тѣла; но половина его искусства была бесполезна: минушы несчастнаго Графа были уже сочнены.

При послѣднемъ издыханіи, онъ просилъ друга своего, не медля, отправилъся въ замокъ Ландшортъ, и объяснилъ тамъ причины, воспрепятствовавшія ему сдержати обещаніе, данное невѣстѣ. Хотя онъ не былъ спрасшно влюбленъ, но будучи исправнымъ и обстоятельнымъ человекомъ, хотѣлъ, чтобы въ этомъ случаѣ объяснили его извиненія, какъ можно скорѣе. „Доколь ты этого не исполнишь“ сказалъ онъ другу: „я не буду имѣть покоя въ своей могилѣ!“ Онъ повторилъ сіи слова съ необыкновенною важностію. Просьба въ такую ужасную минушу не позволяла колебаться. Шпаркенфаусть успокоилъ его, обещаая выполнить это желаніе, и во увѣреніе подаль руку; умирающій пожалъ ее въ знакъ благодарности, и скоро впалъ въ безпамятство — бредилъ о невѣстѣ, — о свадьбѣ, — о данномъ словѣ; приказывалъ осѣдлать лошадь, чтобы ѣхать въ Ландшортъ, и умеръ, воображал, что скачетъ по дорогѣ.

Шпаркенфаусть, почививъ вздохомъ и воинскою слезою преждевременную кончину своего поварища, отправился въ путь съ непріятнымъ порученіемъ. Сердце его было стѣснено и умъ въ смятеніи: ему надлежало явиться незванымъ гостемъ посреди людей непріязненныхъ, и разорвашъ веселье ихъ вѣстями пагубными для надеждъ ихъ. Со всѣмъ тѣмъ въ сердцѣ его таилось нѣкоторое любопытство и желаніе, видѣти превознесенную красоту Каценелленбогенскую, хранимую доподъ съ такою оспорожностію отъ обольщеній свѣта; будучи спрасстнымъ почитателемъ прекраснаго пола, имѣя приномъ предпримчивый и пылкій нравъ, онъ любилъ все необыкновенныя приключенія. Передъ отъездомъ, онъ условился съ братіею монастыря о погребеніи своего пріятеля, котораго надлежало положить въ Кафедральной церкви Вюрцбургской, близъ нѣкоторыхъ изъ славныхъ его предковъ; печальная свита Графа приняла попеченіе о его останкахъ.

Теперь время ворошиться намъ къ древнему семейству Каценелленбогена, которое съ великимъ нетерпѣніемъ ожидало своего гостя, а еще болѣе того, обѣда, — и къ почтенному маленькому Барону, котораго мы оставили на часовой башнѣ.

Настала почь, а гостя пѣтъ. Баронъ въ опачалнн сошелъ съ башни. Обѣда, отлагаемаго съ часу на часъ, нельзя было больше отсрочивать. Всѣ кушанья великолѣпнаго стола пересѣбли; поварь былъ въ поскѣ; хозяйва и слуги походили на гарнизонъ, помимый голодомъ. — Баронъ, противъ воли, приказалъ, наутро пиршество, не дожидаясь гостя. Всѣ сидѣли уже за столомъ и принимались за кушанья, вдругъ услышали за ворошами звукъ рога; возвѣщавннй прибѣжше постороннаго. Второй пропльанный звукъ раздался по шарому двору замка, и былъ опвѣномъ караульнаго со стѣны. Баронъ поспѣшилъ вспрѣлнше будущаго злѣтя. Подъемные мосты опущены, и спранникъ уже у воротъ. Высокаго роста и прѣвѣшливый рыцарь, сидѣлъ на ворономъ конѣ; онъ былъ блѣденъ лицомъ, но въ глазахъ его изображалось нѣчто романтическое и какая-то унылая задумчивость. Баронъ нѣ мало удивился, что онъ прѣвхалъ такъ просто, безъ всякой свиды. Гордость его немного оскорбилась, и онъ готовъ былъ приписать се обстоятельство недоспажку должнаго почтенія къ столь важному дѣлу и столь важному семейству, съ которыми готовился войти въ союзъ; но успокоился мыслію, что конечно юношеская неперпѣ-

ливость заславила его опередить своихъ слугъ.

— „Жалю,“ сказала спранникъ: „что прѣвхалъ къ вамъ такъ не во время“....

Баронъ прервалъ его кучею прѣвѣшсвий; онъ не даромъ хвастался учтивостью и краснорѣчіемъ. Спранникъ раза два спарался ошановише пошпокъ словъ, но напрасно, и пошому, склонивъ голову, далъ онъ имъ свободное печеніе. Такъ дошли они до воротъ замка, а Баронъ все не пересшавалъ говорише; спранникъ хопѣлъ опять промолвише слово, и опять былъ прерванъ вспрѣчею всѣхъ женцинъ семейства: родшвенницы шацили краснѣющую невѣсту. Онъ взлянулъ на нее и восхищился. Казалось, будто вся душа его заплыла во взглядъ и упѣшалась смѣ прелестнымъ созданиемъ. Одна изъ пѣтушекъ шепнула ей что-то на ухо; она спаралась заговорише, подняла заспѣчиво свои шемные голубые глаза, обрашила на спранника взглядъ смѣливый и любопытный, и опять опушила глаза въ землю; слова замерли, но улыбка играла на зубахъ, и ямочки на щекахъ показывали, что брошенный ею взглядъ былъ удовлетворительенъ. Невозможно было дѣвушкѣ въ нѣжномъ 18-лѣтнемъ возрастѣ, расположенной къ любви и замужеству, не

остаться довольно такимъ прекраснымъ рыцаремъ.

Поздній часъ прїѣзда любезнаго гостя не позволялъ входить ни въ какія изъясненія. Баронъ повелительно ошложилъ всѣ переговоры до другаго утра, и повелъ всѣхъ къ неопыданному еще объѣду. Онъ накрытъ былъ въ большой залъ замка. На стѣнахъ висѣли почешные портреты предковъ — Каценоелленбогенскаго дома, и всѣ шрофей, ими добытые на поляхъ брани и звѣриной ловли: испещренные панцыри, переломленные копья, разодранныя знамена смѣшивались съ добычами охоты: волчьи челюсти, кабаньи клыки спрaшно осклаблялись посреди луковъ и попоровъ, положенныхъ крестообразно. Огромные олени рога, будпо вѣтви, невзначай очутились прямо надъ головою молодого жениха.

Спранникъ мало занимался обществомъ и разговоромъ, мало обращалъ вниманія на кушанье и погруженъ былъ въ восхитительное удивленіе, смотря на свою невесту. Онъ говорилъ очень тихо; — языкъ любви никогда не бываетъ громокъ; но какое женское ухо, какъ бы оно ни было крѣпко, не услышало бы малышаго шопона своего любезнаго. Въ его обращеніи видно было смѣшеніе нѣжности съ важностію, оно имѣло сильное влѣд-

ніе надъ молодою особою. На лицѣ ея румянецъ то появлялся, то пропадалъ, когда она внимашедно слушала его разговоры. Иногда краснѣючи отвѣчала ему, и когда онъ отворачивался, то украдкой бросала на него бѣглый взглядъ, и нѣжно вздыхала, чувствуя свое счастье. — Очень было замѣтно, что женихъ и невеста другъ другомъ восхищены. Телушки, опышныя въ тайнахъ сердечныхъ, рѣшили, что они полюбили другъ друга съ перваго взгляда.

Пиршество было очень весело, или по крайней мѣрѣ шумно; гости одарены были ненасытнымъ апетитомъ, которыи всегда можно приписать дѣйствию легости кошельковъ и горнаго воздуха. Баронъ пересказалъ всѣ свои длинныя повѣсти, и никогда не говорилъ ихъ такъ хорошо, и съ такимъ успѣхомъ. — При невѣроятныхъ приключеніяхъ, слушатели ахали отъ удивленія, а при забавныхъ надсѣдалихъ со смѣху въ шѣхъ мѣстахъ довѣсти, гдѣ было надобно. — Правду сказать, что Баронъ, какъ важный человекъ, присвоилъ себѣ право говорить глупости; — но онъ подкрѣплялись добрымъ Гохгеймскимъ виномъ, а въ такомъ случаѣ самая скучная сказка кажется забавною, когда сопровождается бываетъ полнымъ спаганомъ. Много хорошаго было сказано самыми бѣд-

ными, и припомъ самыми остроумными гостями, чего нельзя бы было повторить въ другомъ случаѣ, много шакого было шептано на ухо дамамъ, ошъ чего онъ едва удерживались ошъ смѣху; двѣ, при пѣсенки, спѣшья хриплымъ голосомъ однимъ бѣднымъ, но веселымъ широколицымъ родственникомъ Барона, заставили шепушекъ прикрывашься опахалами.

Посреди сего веселія молодой гость сохранялъ самую спранную и неумѣсную важность. По мѣръ приближенія ночи, видъ его становился угрюмѣе, и что еще удивительнѣе, Бароновы шушки умножали его уныніе. Иногда онъ предавался размышленіямъ; а безпокойный и бродящій взоръ показывалъ смущеніе духа. Разговоръ съ невѣстой становился пасмурнѣе и неизяснимѣе. Темныя тучи пріосѣнили чело прекрасной, и шрепешъ былъ замѣшенъ въ нѣжныхъ ея членахъ.

Все сіа не избѣгло замѣчанія общества. Веселость охладѣла ошъ угрюмости жениха; всѣ госты заразились ею; шепотъ, косые взгляды, пожиманіе плечьми, киваніе головою переходили ошъ одного къ другому. Пѣсни и смѣхъ становились рѣже и рѣже, продолжительное молчаніе заступило мѣсто разговоръ, за пѣмъ наконецъ послѣдовали

расказы спрашныхъ повѣстей и сверхъестественныхъ преданій, ужасная сказка смѣнилась еще ужаснѣею; Баронъ перепугалъ нѣкоторыхъ изъ дамъ почти до обморока рассказомъ о призракѣ одного рыцаря, который увезъ прелестную Ленору. Ужасная, но справедливая сіа повѣсть попомъ передожена была въ прекрасные стихи — и шеперь всѣ ее читають и вѣрають.

Женихъ слушалъ эту сказку съ величайшимъ вниманіемъ, не спускалъ глазъ своихъ съ Барона — и по мѣръ того, какъ повѣсть приходила къ окончанію, онъ по немногу вспавалъ съ мѣсна своего, спановаясь все выше — и выше — до того, что испуганному Барону почудился въ немъ испульнѣ. Въ шу самую минушу, когда повѣсть кончилась, женихъ тяжело вздохнулъ и важно проснился со всѣмъ общешвомъ. Всѣ пришли въ изумленіе. Баронъ былъ пораженъ какъ громовымъ ударомъ. „Какъ! покинушь замокъ въ полночь?“ вскричалъ онъ: „когда все приготоовлено къ вашему пріѣзду и вашему ошдохновенію?“

Спранникъ, покачавъ головой, ошвѣчалъ: „я сегодняшнюю ночь склоню свою голову въ иной обителѣ.“ — Онъ примолвилъ это шакимъ голосомъ, что у Барона сердце замерло; онъ однако собрался съ силами, и

повспорилъ свои госпепримныя увѣщанія. Спранникъ безмолвно, но рѣшиительно покачалъ головою, просидѣлъ съ собраніемъ, и тихими шагами удалился изъ залы. — Теплушки окаменѣли, невѣста повѣсила голову, и слезы прокрались изъ очей ея.

Баронъ проводилъ спранника до большаго двора замка, гдѣ вороный его конь билъ землю копытами и ржалъ ошъ нестерпѣнія. Когда они достигли до воротъ, построенныхъ высокимъ сводомъ, пускаю освѣщеннымъ однимъ лишь фонаремъ, спранникъ остановился, и оборотясь къ Барону, сказалъ ему спраннымъ голосомъ, котораго опъзвѣвъ, раздаваясь подъ сводомъ, казался исходящимъ изъ могилы: „Теперь мы одни, я опъкрою вамъ причину моего опъзвѣзда. Я долженъ исполнить важный и непремѣнный долгъ.“

— „Развѣ вы не можете,“ прервалъ Баронъ: „послать кого нибудь вмѣсто себя?“

„Другой не можете исполнить его Я самъ долженъ явиться. Мнѣ надобно спѣшить въ Вюрцбургъ, въ Кафедральную церковь.“

— „Конечно“ сказалъ Баронъ, собирався съ духомъ; но не прежде завшрешняго дня — „завтра вы повезете шуда свою невѣсту.“

„Нѣтъ, нѣтъ,“ отвѣчала спранникъ „съ возрастающею угрюмостью: „дѣло мое не съ невѣстою — а съ пльнѣемъ: не бракъ, но черви ожидають меня. Я жертвецъ — меня убили разбойники — мое пьло лежипъ въ Вюрцбургъ — въ полночь меня похоронипъ — могила ждѣтъ меня — я долженъ исполнить свое назначеніе.“

Вскочивъ на воронаго коня, передѣлывъ ошъ по подъемному мосту, и конскій попошъ пропалъ въ свистѣ ночнаго вѣтра. Баронъ возвратился въ залу въ чрезвычайномъ смущеніи, и рассказалъ все, что случилось. Двѣ дамы упали въ обморокъ, другимъ сдѣлалось дурно ошъ мысли, что онѣ пировали съ жертвецомъ. Нѣкоторые думали, что это былъ охотникъ (*), славный въ Германскихъ преданіяхъ; другіе шолковали о лѣсныхъ духахъ и о иныхъ сверхестественныхъ существахъ, кошорыя пугають простой народъ въ Германіи съ древнѣйшихъ временъ. Одинъ изъ бѣдныхъ родственниковъ Барона доказывалъ, что опъзвѣдъ жениха былъ не что иное, какъ шушка, и что своенравіе свойспвенно шакдмъ задумчивымъ людямъ. Это мнѣніе возбудило негодованіе цѣлаго общества, а особливо

(*) Freyschütz.

Барона, который, принявъ сего гостя, почиталъ себя зараженнымъ ересью, и желалъ отречься какъ можно скорѣе отъ оной.

Но каковы ни были подозрѣнія, все они объяснились на другой день, съ получениемъ утвердительнаго извѣстія, что молодой Графъ дѣйствительно убитъ и погребенъ въ Вюрцбургской Кафедральной церкви. Можно себя предсавивъ ужасъ всѣхъ обитателей замка. Баронъ заперся въ своей комнатѣ. Гости, прѣхавшіе съ нимъ пировать, не могли рѣшиться покинуть его въ такомъ несчастіи, бродили по двору, собирались толпами въ залъ, кивали головами, пожимали плечами, думая о несчастіи сего добраго человѣка, долѣ сидѣли за столомъ, ѣли и пили болѣе обыкновеннаго, для того только, чтобы поддержать бодрость духа. Но болѣе всего достойно было жалосни состояніе овдовѣвшей невѣсты. — Она лишилась супруга — не обнявъ его, — и какого же супруга! Если его шѣвъ была столь благородна и миловидна, что жъ былъ бы живой человѣкъ? Она наполняла весь домъ своими жалобами.

На другую ночь вдовства удалилась она въ свою комнату съ одною изъ пещушекъ, которая непременно хотѣла провести ночь съ нею. Тетушка была главнѣйшая расказчи-

ца о духахъ во всей Германіи; она начала одну изъ длиннѣйшихъ сказокъ, и заснула посреди своего расказа. Комната была въ спонзонѣ, окошками въ маленькой садикъ. Племянница, лежа въ задумчивости, глядѣла на восходящій мѣсяцъ и лучи его, препетавшіе на листьяхъ шополя, стоявшаго пропѣвъ окошка. — Колоколъ зѣмка пробилъ полночь; вдругъ тихіе звуки прелестной музыки раздались въ саду. — Она вскочила съ постели и бросилась къ окошку. Высокая человѣческая фигура стояла подъ тѣнію деревъ. Она подняла голову, и мѣсяцъ освѣшилъ ее лице. О небо! это былъ женихъ-мертвецъ! Страшный крикъ поразилъ слухъ невѣсты: шетка, пробудившаяся отъ звуковъ музыки, поспѣхоньку пошла за нею къ окошку, и упала въ ее объятія. Когда она открыла глаза, привидѣніе уже исчезло. Тетка съ племянницею были чрезвычайно испуганы, но первая требовала большаго утѣшенія, она была въ совершенномъ изступленіи. — Что жъ касается до молодой дѣвушки, то и самое привидѣніе любезнаго имѣло для нее нѣчто привлекательное и нѣжное. Она видѣла въ немъ по крайней мѣрѣ мужественную красоту; и хотя одна шѣвъ мало прилична чувствамъ любви молодой дѣвушки; но когда нельзя пользоваться существенностію, то и шѣвъ

оной утѣшительна. — Тетушка объявила, что она никогда не будетъ спать въ этой комнатѣ; но племянница заупрямилась въ первой разѣ, и объявила, что не ляжешь ни въ какомъ другомъ мѣстѣ въ цѣломъ замкѣ: слѣдствіемъ сей боязни пещушки и упрямства племянницы было извѣстіе, полученное въ одно утро за завтракомъ, что молодой дѣвицы въ замкѣ не спало. — Комната ея была пуста; — она, по видимому, не ложилась въ постелью, окошко было опшперто — словомъ птичка улетѣла.

Изумленіе и всеобщій испугъ могутъ представить себѣ сколько шѣ, кошорые когда нибудь были свидѣтелями тревоги, причиняемой несчастьемъ великаго человека въ кругу его друзей. Тетушка, опамятовавшись отъ обморѣка, начала ломать себѣ руки и кричать: „мершвецъ! привидѣніе! Она увезена мершвецомъ! —

Она въ корешкихъ словахъ рассказала страшное явленіе въ саду, и заключила, что конечно привидѣніе увезло невѣсту. Двое слугъ подтверждали это мнѣніе; они слышали лошадинъ шопощъ на горѣ въ самую полночь. Конечно мершвецъ на ворономъ конѣ увезъ ее въ могилу. Всѣ присутствующіе были поражены вѣроятностію приключенія; подобныя приключенія не рѣдко слу-

чаюшся въ Германіи, гдѣ многія, признанные за испину сочиненія о томъ свидѣтельствуютъ. Какъ жалостно было положеніе Барона! какъ раздиралось сердце нѣжнаго отца и члена великаго Кацен-елленбогенскаго семейства. Онъ, по обыкновенію, сходилъ совершенно съ ума, весь замокъ поворошился вѣрхъ дномъ. Людямъ вѣдно было сѣсть на коней и осмошрѣвъ весь дороги и пропинки долины Оденвадской. — Баронъ надѣлъ свои охотничьи сапоги, привязалъ шпагу и гошовъ былъ взлѣзть на лошадь, чшобъ броситься въ погоню за подозрѣваемымъ похитителемъ: новое явленіе ошановило его. — Увидѣли, что къ замку скачешъ госпожа на лошади, сопровождаемая рыцаремъ. Она прискакала къ самымъ ворошамъ, сошла съ коня, упала къ ногамъ Барона и обняла его колыни. — Это была его похищенная дочь, а соповарищъ ея — женихъ-мершвецъ! Баронъ ошолбенѣлъ. Онъ смосшрѣлъ то на дочь, то на привидѣніе, и не вѣрилъ своимъ собственнымъ чувствамъ. Женихъ не мало похорошѣлъ. Великолпная одежда облекала благородный и спройный станъ. На лицѣ его не было видно прежней блѣдности и унынія; оно сіяло свѣжестію молодости, и веселіе улыбалось въ большихъ черныхъ его глазахъ. — Тайна объяснилась. Рыцарь, какъ вы мо-

жете предсавишь, былъ не привидѣнїе, а Германъ Фоль-Штаркенфаустъ. Онъ расказалъ приключенїе свое съ Графомъ; какъ онъ поропился прибыть въ замокъ, чшобы привезти шуда печальную вѣсть; и какъ Бароново краснорѣчїе не позволило ему начати повѣствованїя. Прелестный видъ невесты совершенно плѣнилъ его; желанїе, провести нѣсколько часовъ подлѣ нее, не позволило ему открыть истину. Онъ былъ въ большомъ замѣшательствѣ, не зналъ какъ бы благопрїистойно удалился, наконецъ Бароновы расказы о духахъ подали ему мысль прибѣгнуть къ необыкновеннымъ средствамъ. Спрашась древней семейной ссоры, онъ продолжалъ свои посѣщенїя шайно, и бродилъ въ саду подъ окнами молодой дѣвицы — вздыхалъ, — убѣждалъ ее, — увезъ — и обвинчался.

Во всякое другое время Баронъ былъ бы неутомимъ; онъ строго хранилъ родишельскую власть, и былъ неукротимъ къ семейнымъ непрїателямъ; но любилъ дочь, оплакивалъ ея пошерю, радовался ея возвращенїю, и хотя мужъ ея принадлежалъ къ непрїязненному дому, но, благодаря небо, онъ не принадлежалъ къ привидѣнїямъ. Между тѣмъ это дѣло было прошивно строгимъ правиламъ праводушнаго Барона: какъ можно

было въ рыцарской шупкѣ назвасть себя мертвецомъ? Нѣкоторые старые друзья, бывавшіе въ войнахъ, увѣрили его, что всякая хитросць извинительна въ дѣлахъ любви, и что пошому самому рыцарь заслуживалъ особое снисхожденїе, ибо недавно служилъ въ конницѣ.

Все кончилось благополучно. Баронъ простилъ молодую чешу шупъ же на мѣсть. Забавы снова начались. Бѣдные родственники замучили новаго члена семейства своими ласками, онъ былъ шакъ въшлївъ, шакъ щедръ, и шакъ богатъ! Тешушки, правда, были нѣсколько оскорблены и прїсшыжены, что ихъ строгое воспитанїе въ совершенной покорности и въ заперши ни къ чему не послужило, и подавъ очень худой примѣръ, кончилось опшюдь не шакъ, какъ онъ ожидали, — но онъ приписали все это неосторожности: въ окнахъ не было рѣшешокъ. Одна изъ нихъ особенно сокрушалась, что дивное ея повѣствованїе объяснилось, и что единственное привидѣнїе, которое въ жизни своей случилось ей видѣшь, было живое шворенїе; но племянница была совершенно довольна эшимъ превращенїемъ. и сказкъ конецъ.

Съ Англ. перевела К. . . Б. . .

Б И О Г Р А Ф И Я

Л Е С А Ж Ъ.

(Окончаніе.)

Переставъ писать для главнаго національнаго Театра, Лесаажъ предложилъ услуги свои второсепенному, называемому арманочнымъ или площаднымъ. Ни мало не ждая присвоить себѣ неприналежавшаго ему права, писать правильныя Драмы, онъ довольствовался сочиненіемъ водевилей и иншертмедій, въ коихъ пѣніе составляло главную прелесть.

Сии второсепенные Театры произошли онъ усовершенія кукольныхъ и другихъ представлений, когорыя давались на двухъ большихъ арманкахъ, Сень-Лоранской и Сень-Жерменской. Подъ сими-то предлогомъ директоръ и актеры площадныхъ Театровъ старались уничтожить монополію Французскихъ Театровъ, когорыя часто ограничивали ихъ привилегіи, когда они не имѣли при Дворѣ сильныхъ покровителей. Наконецъ дано было піесамъ, представляемымъ на сижь

Театрахъ, названіе комическихъ Оперъ; Лесаажъ былъ душею оныхъ, одинъ, или, съ помощію друзей своихъ, Доминика и Фюзелье, онъ сочинилъ болѣе ста шаковыхъ иншертмедій, фарсъ и другихъ мелкихъ піесъ, когорыя стоили мало трудовъ его изобрѣшательному генію. Онъ своевольнаго приговора на родной полпы зависѣлъ ихъ успѣхъ или паденіе, но ихъ сочинители никогда не теряли случая пародировать и обращать въ смѣхъ Римлянъ; такъ назывались на площадномъ языкѣ актеры порядочныхъ Театровъ. Сии піесы были споль прибыточны, что Лесаажъ, будучи ошцемъ семейства, могъ изъ приносимыхъ ими доходовъ и изъ выручки за продажу прочихъ швореній его, жить въ довольствѣ и независимости.

Въ 1721 году площадная комическая Опера была на нѣсколько времени закрыта. Нѣсколько разъ пытались подъ разными предлогами возобновлять оную, вопреки запрещенію. Директоръ Францискъ, для коего Лесаажъ долгое время работалъ, вздумалъ представлять на Театрѣ своемъ піесы въ монологахъ, въ коихъ являлось на сцену шолько по одному актеру. Лесаажъ и Фюзелье, досель его соудружники, прибѣгли къ другому вымыслу: они, по прежнему, представляли

піесы свои въ разговорахъ и съ музыкаю, но вмѣсто актеровъ, упошребляли куклы; сія мысль, въ послѣдствіи, пришла на умъ и Фильдингу. Сіи соперническія представленія продолжались, вопреки Французскимъ актерамъ и взаимнымъ ихъ переспрълкамъ.

Въ *Арлекинъ Девкалионъ*, піесъ въ монологъ, знаменитый Пиронъ осмѣиваетъ Лесажа и Фюзелье слѣдующею игрою словъ: спрашиваютъ Полишинеля: почему бы глупцу (*le fou*) не сказать иногда чего либо умнаго, когда случается и мудрецу (*Lesage*) говорить глупости? — Въ той же піесъ Арлекинъ бросаетъ пару писполошповъ въ море, желая, чтобы болѣе не было слышно о писполошахъ, ни оружійхъ, ни оруженосцахъ (*fusilier*).

Черезъ два года снято было запрещеніе съ комическихъ Оперъ, и Лесажъ снова посвятивъ свои труды сему Театру, и занимаясь въ пользу онаго до 1738 года. Въ семь году онъ написалъ три піесы, кошорыя, вѣроятно, были его послѣдними драматическими произведеніями; ибо тогда ему было уже семьдесятъ лѣтъ онь роду.

Справедливо замѣчаютъ о Лесажѣ, что подобно ему, нѣтъ автора, коего опшличныя сочиненія были бы сколько извѣстны и за-

служили бы такое удивленіе, а принятыя съ равнодушіемъ были бы столь совершенно забыты. Въ число послѣднихъ слѣдуетъ включить всѣ легкія произведенія, о коихъ мы говорили, и кошорыя, къ сожалѣнію, составляютъ важную часть занятой всей его жизни. Малѣйшая часть изъ нихъ напечатана, и пѣхъ почти никто не читаетъ. Модный обычай, извѣстное приключеніе, или сочиненіе, обратившее на себя вниманіе публики, доставляло основу его піесамъ. Аритъ его, не исключая принадлежащихъ къ Оперъ *Ниццой* (*le puceux*)*, взяты изъ самыхъ простонародныхъ пѣсень. Но въ самыхъ сихъ незначущихъ твореніяхъ Лесажа встрѣчаются черты остроумныя, непринужденныя и истинно смѣшныя. Французскіе Критики, безспорно лучшіе судьи по сему предмету; единогласно утверждаютъ, что, судя по Тюркарешу, Лесажъ достигнулъ бы до совершенства, если бы не переставалъ заниматься правильною Комедіею, а не вздорными пусняками, кошорые онь презиралъ и, вѣроятно, почиталъ недостойными болѣею обработкі.

(* *Beggars - Opera les Gay*, удержавшаяся на Лондонскихъ Театрахъ. Прим. Фр. Изд.

Самъ Лесаажъ, при вступленіи на сѣ поприще, имѣлъ самое невыгодное мнѣніе о достоинствѣ прудовъ, когорымъ предназначено было занимать его во всю жизнь, и равнодушіе, съ коимъ онъ шелъ по сему пути, однажды имъ избранному, доказываетъ чію и въ послѣдствіи оно не измѣнилось. — Почти при подобныхъ обстоятельствахъ, Гольдони создалъ національный Театръ и научалъ чувствовашъ красоты онаго; но Лесаажу предоспадено было судьбою заслужить безмершую славу швореніями совершенно инаго рода.

Охотно перестанемъ говорить о сихъ вѣчныхъ произведеніяхъ, назначенныхъ для площадной сцены, и немощныхъ пережить для своего представленія, и перейдемъ къ швореніямъ, когорыя сохраняютъ занимательность и прелесть свою, доколѣ не измѣнятся природа человѣческая. Первое, по времени появленія онаго въ свѣтъ, есть *Хромоногий бѣсъ* (le Diable boiteux), изданный Г. Лесаажемъ въ 1707 году. Заглавіе и ходъ Романа взяты изъ извѣстной Повѣсти Дона-Луиза-Велеза де Гевары, el Diablo coxuelo, и изъ такого же рода старыхъ Испанскихъ Сапирь, сочиненныхъ Серваншомъ и другими. Однако же вымыселъ, пріятность, остроуміе, замысловатость онаго исключи-

тельно принадлежатъ генію Французскаго Автора. Ходъ Романа самъ по себѣ уже чрезвычайно занимателенъ, и романтическая значительность сказки, служащей оному основаніемъ, нравится и привлекаетъ какъ собственнымъ достоинствомъ своимъ, такъ и занимательными анекдотами и острыми замѣчаніями на жизнь человѣческую, коимъ она служить какъ бы рамою.

Недѣля было выдумашъ существа, по природѣ своей, болѣе склоннаго порицать пороки и издѣваться надъ человѣческими глупостями, чѣмъ духъ - проказникъ Асмодей, въ своемъ родѣ столь же ошличный, какъ и Ариелль или Калибанъ (*). Не имѣя ни ужаснаго могущества, ни злобныхъ качествъ падшаго Ангела, онъ управляетъ пороками и глупостями рода человѣческаго; онъ болѣе насмѣшливъ, чѣмъ золь: онъ любитъ издѣваться, насмѣхаться и дразнить, а не мучить. Должность его состоить въ томъ, чіобы на время вводилъ замѣшательство и безпорядокъ въ обыкновенный

(*) Смощри *Бурю* Шекспира. Чіобы почувствовашъ всю цѣну сей похвалы, должно вспомнить слѣбное уваженіе, коего Англичане удостоиваютъ всѣ произведенія Шекспира.

ходъ общественныхъ дѣлъ, но она не велишь ему совершенно разрушати онаго. Сей характеръ выдержанъ съ одного конца до другаго во всемъ, что дѣлаетъ и говоритъ Асмодей, съ такимъ огнемъ и оспроуміемъ, что мы не перяемъ изъ виду самаго бѣса, когда онъ повѣствуетъ намъ о другихъ.

Донъ Клеофасъ коему онъ дѣлаетъ сіи открытія молодой Испанецъ, пламенный, гордый, надменный мстительный, и именно столько развратный, чтобы имѣть поваричемъ Асмодея. Онъ лично заслуживаетъ вниманіе наше мужествомъ и великодушіемъ своимъ, и мы чувствуемъ нѣкоторое удовольствіе, видя, что признавательный бѣсъ полагаетъ надежное основаніе его будущему счастью. Ни шопъ, ни другой изъ нихъ не суть характеры оригинальные въ тѣснѣшемъ смыслѣ сего слова. Но у Гвевари бѣсъ сей, какъ видно изъ самаго заглавія, есть не что иное, какъ родъ чародѣя. Онъ увеселяетъ спудента опытами проворства своего, приправляя оныя сатирическими заключеніями, изъ коихъ нѣкоторыя хотя и довольно колки, но весьма далеки отъ Лесажевыхъ. Что касается до Дона Клеофаса, то онъ почти буквально списанъ съ Испанскаго.

Нѣтъ въ свѣтѣ книги, кошорая бы содержала въ себѣ столько глубокаго познанія человѣческаго характера, столь точно выраженаго, какъ *Хромоногія бѣсъ*. Каждая страница, каждая строка представляетъ намъ оппечашокъ сего безошибочнаго чувства, сего точнаго развитія человѣческихъ слабостей; намъ кажется, будто какаѣ-то высшая сила прочла въ сердцахъ нашихъ, проникла въ пошаснѣйшія причины нашихъ поступковъ; и съ злобною радостію разрываетъ завѣсу, за кошорю мы спараемъ скрыты наши дѣянія. Крипика Лесажа и жиѡа и колка. Осприя слова его никогда не бывають ослабляемы преждевременнымъ оппечашиваніемъ развязки: стрѣла ударяетъ въ цѣль, когда мы не успѣли еще замѣшить его напашушаго лука; въ доказательство можно привести въ примѣръ все твореніе. Ни одинъ сочинитель не представилъ шакого множества мѣстъ, кошорыя выставляются какъ достопамятныя изреченія, или какъ истинныя замѣчанія о природѣ и поступкахъ челоѡвѣка; и это не удивительно, потому, что часто содержаніе нѣсколькихъ страниць у него сѣснено въ меньшемъ числѣ словъ, чѣмъ иному Автору для выраженія онаго быдо бы потребно цѣлыхъ рѣченій.

Последній Издатель Лесажевыхъ швореній справедливо замѣчаетъ, что острыя черты сего рода, коими изобилуетъ *Хромоногий блсъ*, даютъ ему гораздо больше права на названіе: *Солной анбаръ*, котораго, по приговору *Буало*, удостоились Герардіевы Ипаліянскія сцены. Говорятъ, что сей великій Спихотворецъ ни мало не былъ согласенъ съ симъ мнвіемъ. Заставъ однажды слугу своего при чшеніи *Хромоногаго блса*, онъ грозилъ ему выгнать его изъ службы. Сіе спроеое сужденіе, можетъ быть, приписано неблагоприятному духа, бывшаго слѣдствіемъ болѣзни, которою *Буало* страдалъ въ 1707 году. Можетъ быть также, что онъ почиталъ свѣдніемъ вреднымъ для слуги, совершенное познаніе человеческого сердца и его противорчій, которое можно почерпнуть изъ швореній *Лесажа*. Наконецъ, кто знаетъ, не имѣлъ ли *Буало* личныхъ и частныхъ причинъ осуждать книгу сію и ея Сочинителя? — Сей анекдотъ служишь новымъ доказательствомъ несправедливости вѣкопородныхъ мужей, одаренныхъ испишнимъ геніемъ, побуждающей ихъ унижать достоинства своихъ современниковъ (*).

(*) Сиръ Валперъ Скопшъ по справедливости заслуживаетъ, чтобы здѣсь привести сужденія

Впрочемъ не только остроуміе и колкость отличаютъ сіе швореніе, въ немъ есть мѣста, въ коихъ Авторъ дѣлается важнѣе и нравоучительнѣе; иногда онъ выражается съ чувствомъ и переходитъ даже въ высокій слогъ. Таково, на примѣръ, олицетвореніе смерти; одкакo здѣсь проникаетъ снова сатирической духъ сочинителя; ибо, избравъ на одномъ крылѣ сего страшилища войну, морь, голодь и кораблекрушеніе, онъ украшаетъ другое полною молодыхъ лекарей, помогающихъ докторскаго диплома.

Для избѣжанія упрека въ однообразности, въ бѣглыхъ и короткихъ описаніяхъ шого, что представляется взору только на мгновеніе, *Лесажъ* ввелъ нѣсколько эпизодовъ въ Испанскомъ вкусѣ, каковы *Повѣсти о Графѣ Бельфлортѣ*, и другая *Сила дружбы*. Сервантъ первый подаль примѣръ разнообразіишъ долгій расказъ таковыми повѣстями и исторіями. *Скарронъ* и другіе послѣдовали сему примѣру, однако же съ меньшею удачею и разборчивостію, чѣмъ *Лесажъ*; ибо нельзя не согласиться, что сіи отщепенія гораздо

о немъ самомъ *Лорда Байрона*: „Никогда авторъ не имѣлъ столь мало заиски къ своимъ соперникамъ: сознаніе его превосходства не допускаетъ никакого чувства.“ *Пр. Фр. Изд.*

до болѣе у мѣста въ твореніи, каковъ Хромоногий бѣсъ, коего различныя часши только слегка между собою связаны, чѣмъ шамъ, гдѣ они неловкимъ образомъ прерываютъ ходъ главнаго происшествія.

Хромоногий бѣсъ, при первомъ появленіи въ свѣтъ, былъ всенародно принятъ съ восторгомъ; онъ получилъ еще большую цѣну, когда все начали утверждать, что Лесаажъ, жившій въ кругу большаго свѣта, и славившійся неуспыннымъ наблюденіемъ всего, что около него происходило, подъ Испанскими именами и вымышленными обстоятельствомъ, расказалъ множество Парижскихъ анекдотовъ, и изобразилъ поршпреты многихъ придворныхъ и городскихъ особъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ даже называли по именамъ. Въ сѣнѣ холостякъ знаменитаго происхожденія, который женился на драчкѣ своей, чтобы шѣмъ уплатить ей долгъ свой, узнали моша Дюфрени (который, какъ полагали, происходилъ отъ Генриха IV, по бабкѣ своей, извѣстной подъ именемъ *прекрасной Анетскій садовницы*). Повесть о Нѣмецкой Бароншѣ, которая заперывала пукли свои въ доскушки разорваннаго ею брачнаго обѣщанія, подписаннаго великодушнымъ, но одлошнымъ ея любовникомъ, напоминаетъ подобную черпу въ жи-

ли знаменишой Ниноны де Ланкло. Славный актеръ Баронъ представлялъ подъ именемъ театральнаго героя, который видитъ во снѣ, что боги, удостоивъ его безсмертія, превращаютъ его въ декорацию. Предполагали, что съ Гельвеція снять поршпретъ мудраго Санградо. Безъ всякаго сомнѣнія можно было найти въ семъ твореніи еще многіе поршпреты, списанные съ другихъ членовъ сословія, которое Лесаажъ, подобно Мольеру, часто избиралъ цѣлю своихъ насмѣшекъ. Си два Авшора, вѣроятно, шѣмъ охотнѣе давали свободное печеніе сапирѣ своей, что они оба наслаждались крѣпкимъ здоровьемъ, которое позволяло имъ издѣваться надъ докторскою важностію. Не надобно забыть и того, что скудная плаша въ то время, производимая докторамъ на твердой землѣ Европы, могла уже унижить ихъ званіе въ обществѣ и подвергнувъ ихъ насмѣшкамъ, которыя, со временъ Ювенала, начали преслѣдовать сіе искусство.

Кромѣ сихъ личныхъ намѣковъ, въ семъ Романѣ не трудно было найти и многіе другіе. Вѣроятно также и злословіе, вѣшавшійся въ сіе дѣло, приписывало многія мѣста разнымъ особамъ и обстоятельствомъ, о коихъ Авшоръ никогда и не помышлялъ.

Сколь ни великъ былъ успѣхъ сего шворенія, оно въ послѣдствіи ни мало не утратило цѣны своей въ глазахъ публики. Лучшимъ доказательствомъ рвенія, съ каковымъ искали и раскупали оное, можетъ служить слѣдующій анекдотъ. Двое молодыхъ людей, вошедъ въ одно время въ лавку книгопродавца, у коего осматривался одинъ шолько экземпляръ *Хромоногаго бѣса*, оба пребывали онаго, поспорились между собою, на мѣстѣ вышли на поединокъ, и побѣдитель, ранивъ своего противника, унесъ съ собою книжку, въ знакъ побѣды. Сей достоверный анекдотъ, доказывающій всю силу спраси, которую *Асмодей* умѣлъ внушить своимъ чипапелямъ, заслуживалъ, чшобы самъ бѣсъ расказалъ его. Нѣкто Данкуръ, драматическій Писатель, у коего гений и вымыселъ замѣнены были скоростію пользованья предметами, могущими обратить на себя мгновенное вниманіе публики, вывелъ *Хромоногаго бѣса* на Театръ, раздѣливъ содержаніе онаго на двѣ пьесы. Первая была представлена сряду тридцать пять разъ, вторая семдесятъ два раза.

Въ дополненіе ко всему, сказанному уже нами о сей правоучительной Сатирѣ, призовокупимъ еще, чшо чрезъ девятнадцать лѣтъ послѣ изданія въ одномъ томѣ, она по-

явилась съ прибавленіями, составившими второй томъ; сей придапочный томъ имѣлъ обыкновенную участь всѣхъ продолженій, и въ по время по достоинству своему былъ поспавляемъ ниже перваго; однако же нынѣ намъ весьма трудно было бы замѣнить находящуюся между ими разность. *Разговоры Мадритскихъ трубъ*, которыя въ первый разъ появились въ концѣ вышепомянушаго изданія *Хромоногаго бѣса*, съ большею справедливостію цѣнимы были гораздо ниже сего превосходнаго шворенія. Сіе олицетвореніе трубъ неудачно, и представляешь величайшую противоположность съ неподражаемымъ способомъ Дона Клеофаса, проникашь не шолько во внутренность домовъ, но и въ сердца человѣческія.

Три первые части *Жиль-Блаза де-Сан-тилланы*, содержація въ себѣ пошожденія сего занимательнаго героя до перваго удаленія его въ Лиріасъ, вознесли имя Лесажа на высшую степень славы.

Кшо чипалъ сіе превосходное сочиненіе, кшо съ удовольствіемъ воспоминаеть, какъ о пріятнѣйшемъ занятіи въ жизни своей, о томъ времени, когда онъ въ первый разъ пробѣгалъ жаднымъ взоромъ страницы онаго, томъ конечно иногда съ охотою возвращающагося къ сему безмертному шворенію со

всемъ жаромъ, со всемъ дивнымъ чувствомъ, которыя пробуждаешь въ груди нашей воспоминаніе о первой любви, въ какомъ бы возрастѣ мы ни были, когда мы въ первый разъ почувствовали очаровательную силу сего сочиненія; въ дѣствѣ ли, когда наиболѣе увеселяла насъ разбойничья пещера и другія романшескія приключенія Жиль-Блаза; въ юношесствѣ ли, когда наше незнаніе свѣта преняшествовало намъ еще чувствованіе острюю и колкую саширу, скрытую во многихъ мѣстахъ; или наконецъ въ шѣ дѣта, когда мы уже достигли той образованности, съ помощію коей мы понимали всѣ намѣки на Испорію и дѣла общественыя, или той степени невѣжества, которая преняшествовала намъ предполагашъ, чтобы подъ симъ простымъ рассказомъ могло подразумѣваться что либо иное; во всѣхъ обстоятельствахъ Авторъ Жиль-Блаза имѣлъ на душу нашу равно неограниченное вліаніе. Если Грей справедливо утверждаетъ, что первое для него удовольствіе, небрежно разлегшись на диванъ, безиреспанно читаешь новыя Романы, то во сколько разъ сіе наслажденіе еще бы увеличилось, если бы гений человека могъ произвести на свѣтъ другаго Жиль-Блаза!

Нѣкоторыя полу-Критики, которые входящъ литературное похищеніе во всемъ, гдѣ могутъ замѣтить нѣкоторое только сходство въ общемъ расположеніи между какимъ нибудь изящнымъ новѣйшимъ сочиненіемъ и посредственнымъ твореніемъ, написаннымъ въ томъ же родѣ какимъ либо стариннымъ Авторомъ, безразсудно, и, можно сказать, неблагодарно оспаривають у Лесажа право называшся оригинальнымъ Авторомъ сего превосходнаго творенія.

Однако же, хотя родъ вымысла, къ ко-
ему можно въ нѣкоторомъ отношеніи причислить Жиль-Блаза, уже издавна былъ извѣстенъ въ другихъ странахъ, а особенно въ Испаніи, сіе обстоятельство ни мало не можетъ уменьшитъ славы Лесажа. У всѣхъ народовъ мало по малу произошелъ сей родъ общежительныхъ или комическихъ Романовъ, которые въ отношеніи къ героическимъ или важнымъ находятся въ такой же проповоложности, какъ фарса къ Трагедіи. Чипашели всѣхъ земель принимаютъ такое же, а чаще еще меньшее участіе въ рассказѣ о высокихъ воинскихъ подвигахъ рыцарства, какъ въ походахъ какого нибудь смѣлаго разбойника, насильственно шествующаго по запрещенной степѣ, или въ приключеніяхъ извѣстнаго плута, который, съ помощію

проворства и уловок, живешь на счетъ ближняго. Не смотря на низкій характеръ такихъ людей и на неблагородные предметы ихъ спрасней, не шолько простой народъ, но и всѣ тѣ, кои пробѣгають листы въ великой книгѣ природы, принимаютъ живѣйшее участіе въ опасностяхъ, коимъ сіи люди подвергаются, въ ихъ успѣхахъ, ошибкахъ и дальнѣйшей судьбѣ. Къ сему мы можемъ приспособить часто повсюряемый стихъ Теренція, и сказать: повѣшиванія сіи насъ сполько сильно занимають потому, что мы люди, и что упоминаемая въ оныхъ происшествія относяся къ *человѣчеству*(*)).

Большая часть опшличныхъ Испанскихъ Писателей находили удовольствіе въ разсматриваніи свойства послѣднихъ званій общества; посему-то ихъ Мурилло избрала любимѣйшими предметами своей кисти законченаго солнцемъ Цыгана, паспуховъ и погонщиковъ муловъ. Характеръ *Пикаро* (**), или искашеля приключеній уже издавна

(*) Homo sum, humani nihil a me alienum puto.

(**) *Пикаро* по Испански значить плуша, искашеля приключеній. Сіе званіе постепенно проходитъ отъ смышленнаго хипреца до шако-го, который шолько что не заслуживаетъ бытъ повѣщеннымъ.

предпочтительно воспѣваемъ былъ Испанскою Музою. *Лазарилло де Тормесъ* былъ сочиненъ Донь-Жуаномъ-де-Луною (*); Повѣсьи *Плута Пауло* написана была знаменитымъ Квеведою (**). Самъ Сервантъ нѣсколько коснулся сего характера въ Повѣсти своей *Риконста и Кортадилло*, гдѣ нѣсколько явленій изъ общественной жизни начертаны со всею силою, свойственною его даровагію. Но *Гусманъ д'Алфаращъ* было извѣстнѣйшее сочиненіе въ семь родѣ, и давно уже переведено почти на всѣ Европейскіе языки. Если Лесаажъ искалъ образца Жиль-Блаза въ Испанскихъ Романахъ, то върояшно нашелъ его въ *Гусманъ*. Въ нѣкоторыхъ происшествіяхъ есть даже близкое сходство; напр. Гусманъ долженъ жениться на дочери богатаго Генуезца, а Донъ Рафасель на дочери Донъ Педро-де-Мондаса. Сія же достойная особа наряжается въ одежду умершаго пусытника, и шю же сдѣлалъ прежде его Лазарилло-де-Тормесъ во второй части своихъ походе-

*) Донъ Генрихъ де Луна, а не Донъ Жуанъ, былъ шолько продолжателемъ Дона Діего-Гуртадо де Мендозы, коему всѣ приписываютъ первую часть *приключеній Лазарилло-де-Тормесъ*.

**) Стихотворецъ и Писатель нравоучительныхъ Романовъ. (Пр. Фран. Изд.).

ний. Впрочем, можно найти еще много таких сходств или, если такъ угодно читателю, литературных похищений; ибо Лесажа, часто заимствовавшийся при сочинении драматическихъ пьесъ своихъ изъ Испанскихъ Авторовъ, могъ съ спокойною совѣстью почерпнуть изъ ихъ Романовъ то, что по его мнѣнію годилось для его соб- ственныхъ.

Правда, что въ другой, но недостоверной исторіи, утверждаютъ, будто Лесажа добылъ нѣсколько Серваншовыхъ рукописей, и, не говоря о томъ ни слова, въ полной мѣрѣ воспользовался оными при сочиненіи Жиль-Блаза. Испанскій переводъ Лесажевыхъ Романовъ былъ изданъ съ смѣшнымъ и хвастливымъ замѣчаніемъ, будто сей переводъ возвратилъ сіи сочиненія языку, на коемъ они были первоначально написаны (*). Но слогъ Серванша и Лесажа существенно между собою различны, хотя каждый изъ нихъ равно превосходенъ въ своемъ родѣ, и, при недоспащкѣ неопровержимыхъ доказа-

(*) Это, безъ сомнѣнія, намѣкъ на переводъ Жиль-Блаза Іезуитомъ Излоу, изданный подъ заглавіемъ: *Жиль-Блазъ-де-Сантлана, возвращенный своему отечеству ревностнымъ Испанцемъ, нетерпящимъ, чтобы кто либо надъ онымъ издвался.* (Пр. Фран. Изд.)

тельствъ, столь же трудно доказать, что *Донъ-Кихотъ* сочиненъ Французомъ, какъ то, что *Жиль-Блазъ* есть твореніе Испанскаго Автора. Если Лесажа завѣлъ у Испанцевъ еще что нибудь кромѣ пѣхъ общихъ мѣстъ, которыми мы выше представили примѣры, то это могли быть одніи только вводныя повѣсти, связанныя съ главнымъ происшествіемъ, съ меньшимъ однако успѣхомъ, нежели въ *Хромоногемъ бытъ*; гдѣ онъ не прерывающъ ниши главнаго разсказа. Съ другой стороны конечно удивительно то, что, при помощи глубокихъ свѣдѣній въ Испанской Словесности, Лесажа такъ коротко ознакомился съ нравами и обычаями Пиренейскаго полуострова (это принято и признано цѣлымъ свѣдомъ), что могъ счастливо читатель пройши все четыре тома его книги, не открывъ шайны опечесва Сочинителя. На сію-то удивительную вѣрность, съ кою списаны національные нравы и обычаи, преимущественно описуется Испанскій Переводчикъ, пребуя признанія оригинальности Испанскаго Жиль-Блаза. Впрочемъ, легкость, съ каковою Лесажа умѣлъ скрыть свою національность въ плодъ своего воображенія, въ изображеніи, обстоятельстввахъ, совершенно чуждыхъ его жизни, есть даръ чрезвычайно рѣдкій, но не-

безпримѣрный. Де Фое (*) владѣль онымъ въ величайшей степени. При томъ можно еще замѣтить и то, что сія точность и подробная вѣрность ограничивается одною только наружностію главнаго дѣйствующаго лица. Ибо хотя Жиль-Блазь носитъ свой *голландо* (**), эпанчу съ кашшономъ, и Испанскую шапку со всею Касильскою ловкостію, но онъ разсуждаетъ и дѣйствуетъ со всею живостію Французскою, и во многихъ случаяхъ обнаруживаетъ національныя чувства Француза.

Послѣдній Французскій Издапель Лесажевыхъ твореній полагаетъ, что Жиль-Блазь могъ бытъ написанъ по образцу *Франсіона*, остроумнаго, но неблагоприспѣйнаго сочиненія Г. Мулине-дю-Парка. Признаюсь, что я не нахожу никакого существеннаго сходства между *Жиль-Блазомъ* и *Франсіономъ*, кромѣ того, что дѣйствіе обоихъ сихъ Романовъ преимущественно происшедшъ въ обыкновенномъ кругу жизни человѣческой; а это можно сказать и о *Комическомъ Романѣ* Скаррона. Все твореніе

*) Авторъ *Робинзона Крузе* и множества Романовъ, мелкихъ политическихъ сочиненій и пр.

**) *Голландо*, вѣрнѣе *голландо*, родъ Испанскаго воронника. (Пр. Фран. Изд.).

Лесажа, съ начала до конца, во всемъ томъ, что составляетъ существенность литературнаго произведенія, по мнѣнію моему, также оригинально, какъ и восхитительно.

Герой, повѣствующій самъ похождения свои, присовокупляя къ тому свои разсужденія, не находитъ образца ни въ одной романтической Баснѣ; и не смотря на то, Жиль-Блазь кажется лицомъ сполъ истиннымъ, что намъ кажется, будто мы читаемъ повѣсть о человѣкѣ, кошорый въ самомъ дѣлѣ игралъ ролю въ разсказываемыхъ ими происшествіяхъ. Жиль-Блазь имевшъ всѣ слабости и несообразности, входяція въ составъ нашей природы, кошорыя мы ежедневно находимъ въ себѣ или въ друзьяхъ нашихъ. Онъ, по природѣ своей, не изъ числа тѣхъ дерзкихъ плутовъ, какихъ Испанцы предсказывали подъ видомъ Паоло и Гусмана, и какого Лесажъ изобразилъ въ лицѣ Сципіона. Жиль-Блазь напротивъ того по природѣ склоненъ къ добродѣтели, но умъ его, къ несчастію, слишкомъ удобно совращается съ пути истины, и не въ силахъ противостать соблазну дурныхъ примѣровъ и случая. Онъ робокъ нравомъ, однако же способенъ и къ мужественнымъ поступкамъ; онъ хитръ и разуменъ, и не смотря на то, часно бываетъ обманываемъ своимъ тщеславіемъ. Умомъ

своимъ онъ насъ часто зашаваленъ смѣяться надъ глупостями другихъ, а слабостями навлекаешь насмѣшки на него самого. Онъ великодушень, добръ, чловѣколюбивъ и довольно добродѣтеленъ, чѣобы пріобрѣсти любовь чинашелей; уваженія же ихъ онъ ни мало не пренебрегаетъ. Наконецъ Жиль-Блазъ есть главное дѣйствующее лице на семь пьесъ; хотя онъ и является иногда во вторыхъ роляхъ, но и въ этихъ случаяхъ все, его окружающее, носитъ отпечатокъ его мнѣній, замѣчаній и чувствованій. Мы также легко узнаемъ характеръ Жиль-Блаза въ разбойничьей пещерѣ, какъ и во дворцѣ Гренадскаго Архіепископа, въ Министрской Канцеляріи, какъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ его встрѣчаемъ. Вообще, его различныя приключенія весьма легко между собою связаны, или, лучше сказать, имѣютъ въ одно отношеніе, то, что случилось съ однимъ и тѣмъ же лицомъ. Смотря съ сей точки, можемъ скорѣе назвать сей Романъ характернымъ, нежели основаннымъ на приключеніяхъ; между тѣмъ хотя и нѣтъ въ ономъ въ собственномъ смыслѣ главнаго происшествія; но въ вводныхъ рассказахъ столько занимательности и жизни, что интересъ всего сочиненія не ослабѣваетъ ни на минуту.

Сынъ Аспурійскаго конюха владеешь также волшебнымъ жезломъ Хромоногого бѣса, и со всею колкостію Асмодея умѣешь снимать позолоту съ дѣлъ чловѣческихъ. Вирочемъ склонность сія къ Сапирѣ ни мало не оппимаетъ добродушія и веселости у нравоучителя. Все въ Жиль-Блазѣ дышитъ веселостію и остроумною философіею; даже въ разбойничьей пещерѣ блистають лучи остроумія, которыми Лесажъ умѣлъ озарить весь свой Романъ. Пробывавъ сіе твореніе, чинашель оспраешя доволенъ собою и всѣмъ чловѣческимъ родомъ; чловѣческіе просупки кажутся въ ономъ болѣе слабостями, нежели пороками, а бѣдствія имѣютъ всегда споль забавную сторону, что мы не можемъ удержаться отъ смѣху, между тѣмъ какъ они въ то же время возбуждаютъ наше состраданіе. Все предсавлено здѣсь въ шуточномъ видѣ, даже самыя преступленія и слѣдующее за оными заслуженное наказаніе. Такъ напримѣръ Жиль-Блазъ, во время своего благоденствія, пренебрегаетъ своимъ семействомъ, и забываетъ священныя обязанности признательности къ родителямъ своимъ. Однако же мы чувствуемъ, что усилія продавца прѣяныхъ корней, Москада, навязавшаго на шею временщику, возбудившаго гордость его, естественню долженствовало

произвести таковыя послѣдствія, и мы продолжаемъ смѣяться съ Жиль-Блазомъ надъ нимъ самимъ, въ семь единственномъ случаѣ его жизни, гдѣ онъ обнаруживаетъ истинную развращенность сердца. Сверхъ того каменный дождь, посыпавшійся на него въ Овiedo, и уничтоженіе щеславной надежды его, возбудишь удивленіе земляковъ своихъ, служащъ наказаніемъ, соразмѣрнымъ его проступку. Словомъ, Исторія Жиль-Блаза, и вымысломъ и рассказомъ своимъ, непрерывно забавляетъ читателя; впрочемъ должно согласиться, что сочиненіе сіе, можешь быть, сдѣлалось бы еще совершеннѣе, если бы Авторъ мѣстами соблюлъ въ немъ сильнѣйшую и спрожайшую нравственность.

Не должно оставитьъ безъ вниманія и того, что Лесаажъ, разсматривая, подобно Серваншу, самого человека, какъ главный предметъ своего творенія, придаетъ новую силу картинкѣ своей, если обстоятельства позволяютъ, прелестною ландшафтною живописью, которой черты хотя и набросаны слегка, но искусно приурочены къ самому дѣйствію. Описаніе пещеры стараго пустычника можешь служить тому примѣромъ.

Въ *Исторіи Жиль-Блаза* видно сверхъ того искусство оковывать вниманіе читателя и творить истину посреди вымы-

словъ, не только посредствомъ строгаго наблюденія костюмовъ и мѣстностей, но и вѣрнымъ и вѣстнѣ живымъ рассказомъ подробностей, напоминающихъ о множествѣ незначущихъ въ самомъ дѣлѣ обстоятельствъ, которыхъ развѣ только очевидецъ могъ бы сохранить въ памяти. Въ сихъ-то мелкихъ, поспороннихъ рассказахъ, Лесаажъ знакомитъ насъ съ чепырьями бѣсѣдками и главнымъ жильемъ въ Лиріасѣ съ такою подробностію, какъ будто бы мы тамъ вѣстнѣ обѣдали съ Жиль-Блазомъ или вѣрнымъ его слугою Циціономъ. Обои, сподъ хорошо сохраненные, хотя они помнятъ еще правленіе Мавровъ въ Валенціи; старинныя камчашныя кресла, малоцѣнная, но почтенная древностию мебель, обѣдъ, ошдыхъ послѣ обѣда, все придаетъ окончательнымъ явленіямъ прешьяго тома такой блескъ истины, что послѣдній главы, въ коихъ герой, послѣ понесенныхъ имъ трудовъ и опасностей, готовится наслаждаться спокойствіемъ и счастьемъ, и которыхъ, въ другихъ Романахъ, по причинѣ всегдашняго единообразія своего, бывающъ пропускаемы читателями безъ вниманія, въ Жиль-Блазѣ могутъ считаться, можешь быть, между самыми занимательными. Читатели не чувствуютъ ни малѣйшаго сомнѣнія о продолженіи сельскаго благополучія на-

шего героя, развѣ только трудно будешь имъ повѣрить; въ чемъ и мы сомнѣваемся, чѣмбы новый Валенскій поварь могъ выдержать сравненіе съ славнымъ своимъ предшественникомъ Іоакимомъ, особенно же въ изгошловленіи Олаа-Пошриды и свиныхъ ушей съ обавкою. Считаемъ обязанностію сказать здѣсь, къ славы нашего Автора, что Лесаажъ, описываясь въ описаніяхъ всякаго рода, умѣлъ пакъ искусно начертать картины, прельцающія въ особеннсти любителей хорошаго стола, что одинъ знакомый намъ Эпикуреецъ имѣлъ обыкновеніе чинить нѣсколько шапкихъ для возбужденія въ себѣ апетита, подобнаго тому, котораго чувствуютъ Лиценціаты Сиддало; сей рецептъ, сколько друзья его могли замѣтить, имѣлъ всегда желаемый успѣхъ.

Симъ - то счастіемъ оканчивались сперва похождения Жиль-Блаза. Но безпрерывно возвышающееся въ глазахъ публики достоинство сей книги побудило Лесаажа присовокупить еще четвертую часть, въ коей Жиль-Блаазъ осваиваетъ свое убѣжище, и снова рѣшается пуститься въ море приворной лизни, усавнью подводными мелями. Въ сей части Авторъ нѣсколько повноряетъ прежніе свои рассказы: должностъ, занимаемая Жиль-Блазомъ въ домѣ Графа Оли-

вареса, представляешь почную копію положенія его при Герцогѣ Лермѣ; вообще сіе прибавленіе имѣетъ обыкновенные недостатки всѣхъ продолженій: оно неловко связано съ первою частью, и очевидно написано съ меньшою силою и оригинальнію. Принятіе публикою сей части, говоритъ одинъ Французскій Кристикъ, подобно было удивленію, возбуждаемому красавицею, вступившею уже въ зрѣлыя лѣта; черты ея все еще тѣ же, но время стерло съ нихъ свѣжестъ и блескъ юности.

Казалось, что и по смерти Лесаажа, изящнѣйшее твореніе его возбуждитъ столько же продолжателей, какъ и *Исторія Амладиса*. Въ Амстердамѣ вышла въ свѣтъ и въ послѣдствіи была издана вторично *Тайная Исторія Дона Алфонса Алаза де Ариаса, сына Жиль-Блаза де Саутилланы*, которую выдавали за сочиненіе, найденное въ бумагахъ Лесаажа.

Въ 1717 году Лесаажъ издалъ въ свѣтъ переводъ, или говоря почнѣе, слабое подражаніе Боярдову (*) *Влюбленному Роланду*,

(*) Авторъ *Влюбленнаго Роланда* жилъ при дворѣ Феррарскомъ, и умеръ Губернаторомъ въ Реджіо, въ 1494 году. Аріостовъ *Некстовый Роландъ* есть продолженіе Боярдовой Поэмы.

поэмъ богатой вымыслами, которую Авторъ Жиль-Блаза превратилъ въ просшую волшебную сказку, лишивъ оную очаровательнаго блеска, приданнаго ей оригинальнымъ Авторомъ. Лесаажъ имѣлъ намѣреніе оказать подобную же незваную услугу превосходнѣйшему шворенію Аріоста; къ счастью, сіе дерзкое предпріятіе не было приведено въ дѣйство. Остроумный Французъ не только самъ не имѣлъ пищического дара Тосканскаго Спихшворца, — но и языкъ его не былъ способенъ выразить красоты Италіанскаго подлинника (*).

Лесаажъ нашелъ способъ употребить свободные часы свои сообразнѣе съ истинными своими дарованіями, занявшись собраніемъ *похожденій Кавалера де-Бошена*, храбраго морскаго офицера, или почтѣе Корсара, Павла Джонса (**), сего времени на водахъ

(*) Въ опроверженіе словъ Сира Валтера Скопша, къ несчастію, мы можемъ представить только двѣ Комическія Эпіпеи, оскорбляющія чистоту нравовъ и святошь Вѣры, и сочиненныя Волшеромъ и Парри.

(**) Герой-перемешчикъ, дѣйствовавшій во время войны за независимость Америки, и подавній Г. Куперу въ Нью-Йоркѣ мысль написать своего *Кормачаго* (the Pilot), довольно интереснѣйшій Романъ.

Англійскихъ. По его словамъ, онъ получилъ матеріалы для составленія сей книги, оставшейся недокончанною, отъ самой вдовы Кавалера, жившей въ Турѣ. Лесаажъ хорошо начерталъ откровенный и полу-образованный характеръ порядка бродяги; видно однако, что исполненіе сего труда было для него не легко, если судить о томъ по множеству ошеступленій, которыя онъ прибавилъ къ главному повѣствованію. *Исторія Кавалера де Бошена*, вѣроятно, была принята не съ большимъ одобреніемъ; ибо продолженіе, обещанное сочинителемъ, никогда не появилось въ свѣтъ. *Кавалеръ де Бошенъ* изданъ былъ въ 1732 году, и въ томъ же году Лесаажъ напечаталъ переводъ или, почтѣе сказанъ, сокращеніе *Приключеній Гусмана д'Алфараша*, славнѣйшаго Испанскаго Романа, въ такъ называемомъ *Пикарескомъ* родѣ (*).

Въ 1734 году Лесаажъ перевелъ *Исторію Баширога-Гонзалеса, прозваннаго В сельчакомъ*, сочиненную Испанскимъ Винценціемъ Эспинелемъ (**).

(*) Picaresco прилагательное отъ Picaго.

(**) Сей переводъ есть болѣе подражаніе Эспинелеву *Стиванилтеру*. Пр. Фр. Изд.

Вѣроятно, что сіи второстепенныя произведенія снова обратили зорь автора къ оригинальнымъ сочиненіямъ. *Баккалавръ Саламанхскій* былъ послѣдній его Романъ, и хотя при первомъ взглядѣ видна въ семь трудъ слабость, обнаруживающая разрушительную силу старости и мгновенное паденіе послѣ безсильнаго порыва въ возвышеніи, въ слогъ и въ описательныхъ сценахъ; но въ копорья мѣста напоминають о гени, во время зрѣлости своей подарившемъ намъ *Жиль-Блазомъ* и *Хромоногомъ бѣсомъ*. Сравнивая *Баккалавра Саламанхскаго* съ семи двумя швореніями, мы видимъ совершенный упадокъ; но и упасиь такимъ образомъ могъ одинъ только Лесаажъ, ибо, какъ мы уже замѣтили, многія мѣста достойны счастливейшихъ его произведеній. Напримѣръ сцена, гдѣ онъ представляетъ намъ Карлаболу, старающагося чтеніемъ усыпить Члена Индійскаго Совѣща, который, къ величайшей досадѣ чтеца, пробуждается всякій разъ, когда онъ на минушу оспававиваешся, чшобы опдохнуть, не обезобразила бы расказа самаго Асмодея. Должно признаться, что явленія, происходящія въ Мексикѣ, не имѣють ни малѣйшаго достоинства. Лесаажъ не былъ шакъ коротшко знакомъ съ правами Новой Испаніи, какъ съ обы-

чаями столицы. И потому-шо его *Баккалавръ*, въ сравненіи съ *Жилблазомъ*, есть лице незначущее. — Если правда, что Лесаажъ, подобно другимъ писателямъ, презирая первыя произведенія своихъ дарованій, предпочиталъ сей позній плодъ своей старости *Хромоногому бѣсу* и *Жиль-Блазу*, то мы въ правѣ предполагать, что очевидный упадокъ его литературныхъ способностей въ шаккой же мѣрѣ подвѣшвовалъ и на вкусъ его, и что безспорно онъ не былъ одушевляемъ гениемъ Асмодеевымъ, когда въ немъ родилось сіе мнѣніе.

Послѣ *Баккалавра Саламанхскаго*, Лесаажъ написалъ въ 1740 году послѣднее свое оригинальное сочиненіе, *Найденный чемоданъ*, которое въ печеніи сего года и было напечатано безъ имени Автора. И шакъ послѣдніе труды его родомъ своимъ сблизились съ шыми, коими онъ всушпилъ на литературное поприще; *Найденный чемоданъ* состоитъ изъ смѣшаннаго собранія разнородныхъ писемъ, подобныхъ Аришенетовымъ, копорья нашъ Авторъ перевелъ въ 1695 году.

Занимательнымъ собраніемъ анекдотовъ и оспрыхъ словъ, напечатаннымъ въ 1748 году, окончилась долговременные труды Автора *Жиль-Блава*. Они расказаны со всею живоснію, свойственной его гению, и можно

полагать, что онъ собиралъ ихъ въ своей порпфели, съ намѣреніемъ составить изъ нихъ какое нибудь порядочное сочиненіе. Но они были выданы въ свѣтъ въ такомъ видѣ, какой имѣли первоначально, когда дряхлая старость испоргла перо изъ рукъ семидесяти-пяти-лѣтняго Лесажа.

Было упомянуть о различныхъ занятіяхъ Лесажа, мы пѣмъ самимъ почти начертали исторію его жизни. Кажется, что онъ провелъ ее всю въ кругу своего семейства, и сіе однообразіе прерывалось только его драматическими или лирическими занятіями. Его любовь къ уединенію, можетъ быть, еще увеличилась глухотою, которую онъ спалъ ощущать съ 1709 года; онъ намѣкаетъ о семъ въ критическомъ прологѣ къ *Тюркарету*. При концѣ жизни сей недугъ шоль усилился, что Лесажъ принужденъ былъ постоянно упошреблять слуховую трубу. Не смотря на то, бѣсѣда его была шоль пріятна, что когда онъ являлся въ любимомъ своемъ кофейномъ домѣ въ улицѣ Св. Якова, всѣ гости садились вокругъ него, а нѣкоторые даже взмачивались на stools и стулья, чтобы пѣмъ удобнѣе слушать замѣчанія и анекдоты, которыя сей великій наблюдатель человеческой природы умѣлъ рассказывать съ такою же пріятно-

стію и силою, съ какими онъ начерпалъ ихъ въ своихъ швореніяхъ.

Состояніе Лесажа хотя было не велико, но всегда, какъ кажешся, досташочно для его содержанія, и частная жизнь его была спокойна и счастлива. Мирное печеніе оной было нѣсколько возмущено склонностію старшаго и меньшаго изъ сыновей его, которая увлекла ихъ на театральное поприще. Сынъ драматическаго Писателя, по природѣ своей, долженъ былъ уже чувствовать преимущественную любовь къ театальному искусству; но Лесажъ, который обнаруживалъ величайшее презрѣніе и непреоборимое отвращеніе къ званію Актера, которое онъ изображалъ всегда ненавистнѣйшими красками и предавалъ на посмѣяніе, почувствовалъ живѣйшую горестъ, когда сыновья его вступили на сіе поприще. Сіе огорченіе, вѣроятно, не уменьшилось, когда старшій сынъ его получилъ почетное мѣсто въ кругу пѣхъ самыхъ *Римлянъ* Французскаго Театра, прошиву коихъ отецъ его шоль долгое время велъ сапирическую войну. Старшій сынъ Лесажа, въ молодости своей, подавалъ величайшія надежды, и былъ въ обращеніи весьма любезенъ. Ему назначено было вступить въ званіе адвоката. Сдѣлавшись актеромъ, онъ принялъ имя *Монмелла*,

подъ коимъ онъ прославился въ лакейскихъ, крестьянскихъ и другихъ низкихъ комическихкихъ роляхъ. Но припомъ оплчался онъ и примѣрною частною жизнью и добродѣтелями; занимаемая почетное мѣсто на Французскомъ Театрѣ, онъ былъ принятъ въ лучшихъ обществѣхъ. Однако же отецъ его долго не могъ слушать ни о дарованіяхъ Монмениля по его званію, ни даже о его личныхъ достоинствахъ и о всеобщемъ уваженіи, коимъ онъ пользовался, не обнаруживая знаковъ сильнаго и горестнаго душевнаго движенія. Наконецъ, успѣли примирить Монмениля съ отцемъ его; и тогда Лесажа перешелъ отъ пылкой ненависти къ пламеннѣйшей родительской ѣжности, и съ прудомъ могъ на нѣсколько дней различиться съ сыномъ, коего имени незадолго до того не смѣли произносить въ его присутствіи. Смерть Монмениля, случившаяся 8 Сентября 1743 года, и бывшая послѣдствіемъ простуды на охотѣ, споль жестоко поразила преспарьлаго отца его, что онъ немедленно рѣшился оставить Парижъ и цѣлый свѣтъ. Третій сынъ Лесажа вступилъ также на сцену подъ именемъ Пипшенека; говоряшъ даже, что онъ писалъ нѣсколько театральныхъ піесъ; но онъ, какъ кажешся, не оплчался ни на помъ, ни на другомъ поприщѣ.

Съ другой стороны, вторій сынъ Лесажа показалъ болѣ послушанія, нежели оба брата его; онъ учился Богословію и вступилъ въ духовное званіе. Покровительствуемый Королевою (супругою Лудовика XV), онъ наименованъ былъ Каноникомъ Булонскаго Собора и получилъ пенсіонъ. Скромная независимость, имъ пріобрѣтенная, подала ему способы принять къ себѣ въ домъ отца, мать и сестру свою, когда смерть Монмениля лишила бодрости отца его; добрый сынъ пекася о содержаніи родителей до конца ихъ жизни. Сестра его (о коей мы еще не упоминали), оплчалась дѣтскою ѣжностью, посвящая всю жизнь свою благу своихъ родителей.

По удаленіи Лесажа въ Булонь, и во время пребыванія его у Каноника, сына своего, посылалъ его Графъ Трессанъ, коему древніе Французскіе Романы обязаны извѣстностію своею. Въ перепискѣ Графа Трессана, нашли мы достойныя примѣчанія подробности объ Авторѣ Жиль-Блаза, достигшемъ въ то время глубочайшей старости; читатель; безъ сомнѣнія, съ удовольствіемъ прочтетъ онѣя въ самомъ письмѣ Графа.

Парижъ, 20 Января 1780.

Господину Г * * *

Милосливый Государь!

Вы просили меня сообщить вамъ нѣкоторыя извѣстiя о послѣднихъ дняхъ жизни знаменитаго Автора Жиль-Блаза и другихъ уважаемыхъ сочиненiй: вотъ, милосливый Государь, все, что я вамъ могу сообщить о немъ.

Послѣ сраженiя при Фоншенуа, въ концѣ 1745 года, такъ какъ покойный Король никому не назначилъ службъ подъ начальствомъ Г. Маршала Ришелье, спешенiе обстоительствъ и новыя повелѣнiя побудили меня остановиться въ Булони - на - морѣ (Boulogne sur Mer), и принявъ начальство надъ Булонскимъ, Поннiескимъ и Пикардiйскимъ округами.

Узнавъ, что Г. Лесажъ, имѣющiй около осьмидесяти лѣтъ отъ роду, съ пресарядкою же супругою своею, живетъ въ Булони, я почелъ одною изъ первыхъ обязанностей моихъ навѣстить ихъ, и самому увѣриться о настоящемъ ихъ положенiи. Я нашелъ ихъ въ домѣ сына, Каноника Булонскаго Собора, и увѣрился, что никогда сыновья любовь не могла бы съ нѣжнѣйшею заботливостiю

стараться объ услажденiи послѣднихъ дней жизни отца и матери, которые не имѣли почти никакихъ другихъ способовъ къ пропитанiю, кромѣ умеренныхъ доходовъ сына своего.

Г. Аббатъ Лесажъ пользовался въ Булони общимъ уваженiемъ. Умъ его, добродѣтели, готовность служить ближнимъ обратили на него вниманiе достойнаго Епископа; Г. де Пресси, его собратiи и всего общества.

Я рѣдко видѣлъ столь поразительное сходство, каковое Аббатъ Лесажъ имѣлъ съ братомъ своимъ, Г. Монменилемъ; онъ отчасти одаренъ былъ также его талантами; и любезными качествами; никто не умѣлъ чинить стиховъ съ большею прилпностiю; онъ владелъ рѣдкимъ искусствомъ измѣнять голосъ, и дѣлать у мѣста легкiя остановки; который, не переходя въ декламацию, внушаютъ слушателямъ все чувствва и красоты, отличаютiя шворенiе.

Я знавалъ Г. Монмениля, и сожалѣлъ о смерти его. Братъ же его сдѣлался моимъ другомъ; и по донесенiю, которое я имѣлъ честь представить покойной Королевы, о положенiи и маломъ его достаткѣ, Ея Величество предписала выдавать ему пенсiю изъ духовныхъ доходовъ.

Мнѣ совѣшвали навѣснить Г. Лесажа въ полдень; и сей спарець, во впорой разъ, подалъ мнѣ случай замѣтить, какое вліаніе имѣеть состояніе атмосферы на органы чело-вѣка, въ дни печальной дряхлости.

Едва восходящее солнце подымалось на нѣсколько градусовъ ошъ горизонша, какъ Г. Лесажъ пробуждался, и по мѣрѣ приближенія сего свѣшила къ полуденной линіи, одушевлялся и укрѣплялся чувствомъ и си-дами; но когда солнце начинало склонянься къ западу, чувствительность сего почтен-наго спарца, свѣшъ его разума, и дѣятель-ность его чувственныхъ органовъ соразмѣр-но уменьшались; и когда оно находилось уже на нѣсколько градусовъ ниже горизонша, Г. Лесажъ впадалъ въ какое-то усыпленіе, изъ коего не спарались вывести его.

Я съ намѣреніемъ навѣщаль его только въ то время дня, когда его умственныя спо-собности проявлялись болѣе обыкновеннаго, и это случалось непосредственно послѣ его обѣда. Я не могъ безъ умиленія видѣть сего почтеннаго спарика, сохранившаго веселость, въжливость лучшихъ лѣтъ своихъ, иногда же и богатое воображеніе Авшора Хромоногаго Бьса и Тюркарега; но пришедъ однажды позже обыкновеннаго, я съ горестію замѣ-тили, что бесѣда его начинала походить на

послѣднюю проповѣдь Гренадскаго Архіепископа и — удалася.

Г. Лесажъ почти совершенно оглохъ; онъ всегда сидѣлъ подлѣ стола, на коемъ лежала пребольшая слуховая труба; иногда схватывалъ онъ ее съ живостію; но не рѣдко она неподвижно оспавалась на столѣ, когда особа, его посѣщившая, не подавала ему надежды на пріятную бесѣду; я съ удоволь-ствіемъ примѣщилъ, что онъ всегда брался за трубу, будучи со мною; и сей урокъ на-училъ меня сосишь вскорѣ послѣ того бы-спрыя движенія слуховой трубы любезнаго мнѣ и знаменитаго сотоварища и друга мо-его, Г. де-ла-Кондамина.

Г. Лесажъ умеръ зимою съ 1746 на 1747 годъ. Я поставилъ себѣ честию и обяза-тельностью присуствовать на его погребеніи, съ спаршими офицерами, состоявшими подлѣ моиѣ начальствомъ. Вдова Лесажа не долго пережила его. Нѣсколько лѣтъ послѣ того, и Аббашъ Лесажъ былъ оплаканъ своимъ Капитуломъ и просвѣщеннымъ обществомъ, ко-его уваженіе онъ заслужилъ своими добродѣ-телями. Имѣю честь и пр.

Графъ Трессанъ.

Генераль - Лейтенантъ Королевскихъ армій,
Членъ Французской Академіи и Академіи Наукъ.

Любопытное письмо Графа Трессана привело насъ къ священной могилѣ Лесажа; намъ осмѣяся упомянуть объ эпитафiи, начерпанной на его надгробномъ камнѣ, и напоминающей въ довольно плохихъ стихахъ почтительную истину, что онъ былъ болѣе другомъ добродѣтели (*), чѣмъ счастлива. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ заблужденій бурной юности, поведеніе его, кажешся, не заслуживало ни малѣйшаго упрека; и хотя въ сочиненіяхъ своихъ онъ, поражая пороки, чаще вооружался насмѣшкою, нежели гнѣвомъ, хотя онъ описалъ нѣсколько веселыхъ и даже своеобразныхъ сценъ, но Муза его избѣгла малѣйшаго паяна, проходя по сей нечистой снѣзѣ. Наконецъ, къ великой похвалѣ Лесажа, замѣнимъ, что, удаляясь въ семь отношеній отъ многихъ соотечественниковъ своихъ, шедшихъ по одному съ нимъ пути, онъ никогда не унижился до ласкательства пороку неблагоприятными карпинами.

Если Вольперъ, какъ увѣряешь, мало уважалъ дарованія Лесажа, то опрометчивое сужденіе сіе было особенно несправедливо въ

*) Sous ce tombeau git Lesage abattu
Par le ciseau de la Parque importune;
S'il ne fut pas ami de la fortune,
Il fut toujours ami de la vertu.

отношеніи къ Автору, который, не пробуждая ни одной дурной мысли, умѣлъ, прелестію своихъ вымысловъ придать имъ занимательность живѣе и благороднѣе шой, которую произвела самъ остроумный Фернейскій владѣлецъ, при помощи Асмодея, когда сей злобный духъ внушилъ ему всѣ дарованія свои, при сочиненіи повѣстей *Кандида* и *Задига*.

Аббошефордъ, 20 Сентября 1822.

М.

III.

ВОЕННОЕ ИСКУСТВО.

ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА Беликовбританіи (*).

Генералъ Алойдъ, примѣчаніями своими на оборонительную систему, искусствомъ и природою противоположенію, опредѣляетъ ея силу и достоинство. Онъ полагаетъ, что Французы могутъ сдѣлать высадку только

(*) Смори: Force militaire de la Grande Bretagne par Dupin. 1820. T. II. liv. VI. ch. I, II, III и IV.

въ двухъ мѣстахъ: въ Плимутъ и Портсмутъ, единственныхъ пунктахъ, въ коихъ обширные и удобные заливъ могутъ служить безопаснымъ мѣстомъ для прибывающихъ транспортовъ на подкрѣпленіе вступившей арміи, и для флота, чтобы обезпечить при неудачѣ, отступленіе войскъ.

Плимутъ невыгоденъ шѣмъ для непріятеля, что находится въ 218 миляхъ отъ Лондона, а Портсмутъ лежить только въ 71 милѣ отъ него. Для сѣдованія дальнѣйшею изъ сихъ операціонныхъ линій, надлежитъ проходить черезъ гористую и неудобную спирану, но она представляетъ другія выгоды. Приближась на 35 миль къ правому берегу Теигнъ, непріятель можеть овладѣть полуостровомъ между Корнуадемъ и Девонширомъ. Запасы его будутъ обезпечены, и взявъ приморскіе города Торбай и Дормутъ онъ будетъ имѣть новые пункты для сообщенія съ Франціею. Тамъ можеть онъ ожидать, чтобы разсыянные морскія силы его испребили Британскую торговлю; если же флоты воюющихъ народовъ, для наблюденія, будутъ сосредоточены, то нападающій самъ воспользоваться можеть для продолженія своихъ наступательныхъ дѣйствій.

При завоеваніи же, Портсмута, острова Портзеа, у подошвы возвышеній Портсдоуна, кои должно взять, чтобы направитъ путь въ Лондонъ, надлежитъ итти по такому же трудному мѣстоположенію, каковое находится отъ сей столицы до рѣки Теигнъ, гдѣ предположено, что находится армія, идущая изъ Плимута. При предпочтеніи Портсмута для нападенія, всѣ силы Англичанъ, собранныя въ боевомъ порядкѣ отъ перваго порта до другаго, ударятъ на лѣвое крыло нападающаго, и сдѣлаютъ сколько же труднымъ, сколько и опаснымъ, его движеніе.

Проходимое мѣсто, не весьма гористое, не имѣетъ также вовсе обширныхъ долинъ, гдѣ бы могла двигаться армія. Слѣдуетъ проходить шѣсныя мѣста, огражденные горами и возвышеніями, лѣсами, рѣками, болошами и проч. Изъ Эксетера до Лондона, такъ какъ изъ Портсмута, все пространство пресѣчено заборами, изгородами и рвами, частымъ кустарникомъ и другими преградами: нѣтъко дорога споль сѣсна, что малое число людей могутъ рядомъ (фронтомъ) итти. Она представляетъ весьма удобное мѣсто для дѣйствія земскимъ войскамъ и партизанамъ, дабы поспешенно защищать каждыя

шагъ земли, не вступая въ общія рѣшительныя дѣйствія. При занятіи возвышеній и изгородовъ, непріятелю трудно наступать; когда же войско будетъ держаться на одномъ мѣстѣ, тогда для отступленія изъ сего пѣснаго лабиринта, оно встрѣтитъ много препятствій и принуждено будетъ положить оружіе.

Алойдъ расширяетъ частныя трудности при нѣкоторыхъ переправахъ чрезъ рѣки, дефиле и пр.; не входя въ подробности, упомянемъ о семъ въ нѣсколькихъ словахъ: 1) мѣстоположеніе принудитъ непріятеля итти въ одной колоніи; важное неудобство, уничтожающее всѣ прочія его выгоды; 2) непріятель долженъ имѣть мало конницы, ибо мѣстоположеніе препятствуетъ ему ея дѣйствовать; 3) онъ не можетъ имѣть тяжелой артиллеріи, а только весьма малое число полевыхъ орудій: это недостаточно въ сравненіе того, что Англичане могутъ противопоставить; 4) все продовольствіе состоятъ изъ взятыхъ или доставляемыхъ изъ Франціи запасовъ: средства скоро истощаются; 5) недоставать будетъ ему подводъ для возки всѣхъ нужныхъ вещей, а отъ того движенія его замедлятся; 6) Депо и магазины онъ долженъ только успроить въ пѣхъ пунктахъ, на коихъ сдѣлана высадка войскъ.

и по мѣрѣ его движеній, ему трудно будетъ удержатъ сію линію сообщенія, или онъ долженъ развлекать свои силы, нужныя ему для наступательнаго дѣйствія. Но при всемъ помъ ему нужно итти впередъ, ибо всякая бездѣйственная остановка для него пагубна.

7) Онъ не въ состояніи посылать на фланги свои отряды и обойти большую дорогу; проселки и проинки будутъ заняты Англичанами, кои могутъ покушаться на непрестанныя нападенія малыми отрядами, перехватывая обозы и пр.

Алойдъ представляетъ также новыя предположенія, касательно вооруженія и дѣйствія въ оборонительной войнѣ; которой, по его мнѣнію, исключительно должно придерживаться. Для лучшаго сужденія о времени продолженія военныхъ дѣйствій, имъ означены разстоянія между Лондономъ и важнѣйшими пунктами операціонной линіи отъ Плимута до Портсмута; между значительными мѣстами морскаго берега отъ Плимута до Темзы, и между портами, противоположащими Франціи.

Упомянемъ теперь, по военнымъ извѣстіямъ, отъ Правительсва объявленнымъ, о крѣпостяхъ и замкахъ Англійскихъ, Шотландскихъ и Ирландскихъ:

Въ Англии: Бервикъ крѣпость правильно укрѣпленная, и Карлиль съ старинными валами, на границѣ Англии и Шотландіи: одна на восточномъ берегу Океана, а другая на западномъ. *Честеръ*, по старинному способу укрѣпленъ, въ немъ большое депо военныхъ запасовъ. Замки пяти портовъ: *Дуверскаго*, *Сандгатскаго*, *Дилъскаго*, *Санддаунскаго*, *Валмерскаго*. Въ Девонширѣ *Дартсмутъ* при устьѣ рѣки Дорпъ, какъ самое имя означаетъ, состоиць изъ небольшого шанца, двумя башарями защищающаго входъ въ купеческую гавань. *Гравейндъ* и *Гальбури* сушь двѣ башарей, охраняющія оба берега Темзы: *Гюилль* при устьѣ Вьеръ. *Сенъ-Мавесъ* при входѣ въ Фальмушскій заливъ; *Плимутъ*; шанецъ *Портландъ* лежитъ на шомъ краю полуострова, на коемъ можно сдѣлать высадку; онъ построенъ Генрихомъ VIII. Сей полуостровъ состоиць весь почти изъ скалы известковаго свойства, откуда добываютъ ежегодно на строенія въ Англию 900 бочекъ плиты. Изъ Портландскаго камня сдѣланы мосты въ Веспъ-Миншерѣ и Блакѣюрѣ. *Портсмутъ*; *Скарборугъ*, древній замокъ на вершинѣ скалы у морскаго берега, въ Гравсхивѣ Йоркскомъ. Замокъ на островѣ *Ссилли*. *Шернесъ*, *Тиселмутъ* и *Шиффортъ*, сушь башарей

и шанцы для защищенія устья Тейна. *Лондонская башня*, военное складное мѣсто (депо) и Государственная пюръма: *Ципадель* и линія *Чатамскія*. Шанецъ на островѣ *Вейгтъ*; замокъ *Ярмутскій*, *Вандзорскій* и *Шато-роалль*.

Въ Шотландіи: *Блакнессъ*, шанецъ на берегу рѣки Фирпъ, между Лейтомъ и Шпирлингомъ. *Дюнбартонъ*, для защищенія рѣки Клойдъ. Древній замокъ *Единбургскій*. Редуцы и башарей *Лейтенскія*. *Фортъ-Георгъ*, при устьѣ залива Инвернескаго, правильная и обширная крѣпость. *Штирлингскій* замокъ. *Фортъ Вильгельмъ*; *Фортъ Августъ* на берегу Каледонскаго канала.

Ирландія: *Альдерней*, *Бельфастъ*, *Гаррикфергусъ*, *Шарлемонъ*, *Коркъ*, *Дюнканнонъ*, *Галавей*, *Гуртъ-Кастлей*, *Кинсаль*, *Лангардъ*, *Лимерикъ*, *Лондондерри*, *Пенденисъ-Кастлей*, *Сутсе-Кастлей*.

II.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

О кончинѣ Государя Императора Александра I.

Съ удовольствіемъ сообщаемъ здѣсь выписку изъ иносиранныхъ Журналовъ, служащую выраженіемъ чувствъ, возбужденныхъ въ сердцахъ печальнымъ и важнымъ событіемъ, въ которомъ нынѣ вся Европа принимаетъ живѣйшее участіе.

М о и т е р г.

Смерть Императора Александра принадлежитъ къ числу событий, сильно поражающихъ сердца народовъ. Управляя одною изъ величайшихъ Монархій въ мірѣ, и въ одну изъ важнѣйшихъ эпохъ въ Исторіи, Онъ ознаменовалъ Свое правленіе и личный характеръ Свой отличительною чертою — кротостію; сія добродѣтель равнялась въ Немъ съ державною властію, въ которую Онъ облеченъ былъ Провидѣніемъ.

Сія совершенная кротость преимущественно обнаружилась въ поступкахъ Его съ Франціею, въ двѣ близкія между собою эпохи, когда упоеніе побѣды и счастья, можетъ быть, послужило бы извиненіемъ нѣкотораго чувства мести въ душѣ, не столь

возвышенной; но природное великодушіе и челоуколюбіе Императора Александра, возвышали Его надъ счастіемъ, равно какъ и надъ бѣдствіемъ.

Нынѣ горестное чувство Его потери не можешь внушить намъ выражений краснорѣчивѣе и справедливѣе тѣхъ, кои были сказаны въ рѣчи, произнесенной въ 1814 году, въ засѣданіи Академіи Французской, которое Онъ почтилъ Своимъ присутствіемъ. Рѣдко случается, чтобы похвалы, произнесенныя предъ лицомъ Государя, не ослабляли, испытавъ дѣйствіе времени и смерти. Въ слѣдующихъ словахъ мы увидимъ, что Ораторъ былъ только Историкомъ и выразился уже языкомъ попомства; посему не почитаемъ нужнымъ присовокуплять къ нимъ ничего другаго:

„Великодушіе Александра,“ говорил Ораторъ (*), „является намъ вновь одного изъ героевъ древности, спрашенныхъ къ славі. Могущество и возрастъ его служатъ залогомъ долговременнаго мира въ Европѣ. Геройскій духъ его, озаренный полнымъ свѣтомъ но-

(*). Г. Виллемень, произнесшій во Французской Академіи похвальное слово Моннаню, за которое онъ получилъ, въ 1814 году, призъ краснорѣчія. Императоръ Александръ присутствовалъ при немъ.

вѣйшей образованности, ручается намъ въ сохраненіи сего мира, онъ достоинъ возобновить, и даже возвеличить, образъ Монарха-Философа, начерпанный Маркомъ Авреліемъ, и наконецъ показать на престолахъ мудрость, вооруженную могуществомъ, соразмѣрнымъ съ желаніемъ утвердить благоденствіе міра.“

Journal de Paris.

„Европа лишилась великаго своего благодѣтеля; честь и слава памяти сего мощнаго Монарха, тѣмъ болѣе заслуживающаго сожалѣніе своего и всѣхъ другихъ народовъ, что Онъ умѣлъ, въ теченіе жизни Своей, упрочить и для будущихъ временъ продолженіе благодушнаго міра.

Права Александра I на благодарность Европы уже внесены въ храмъ безсмертія: имя Его займетъ отличное мѣсто въ ряду благодѣтелей челоѵчества. Уваженіе и любовь къ Нему Русскаго народа безпредѣльны. И мы не сомнѣваемся, что Его политика будетъ сподобляема свято чтима, какъ и память Его.“

Drapeau Blanc.

„Воспомявая объ Александрѣ, мы уважаемъ въ Немъ друга и благодѣтеля нашего отечества, Государя справедливаго и просвѣщеннаго, Который позналъ нужды Своего

собственнаго народа; и даровалъ ему все, что сообразно съ его спокойствіемъ и счастьемъ; побѣдителя милосердаго и кропикаго, бывшаго душею совѣща Царей, и пользовавшагося Своимъ безпредѣльнымъ могуществомъ единственно для пользы челоѵчества, которое, подъ Его десницею, въ теченіе десяти лѣтъ оидыхало послѣ долгаго волненія. Исторія напишетъ имя Его въ Государственномъ отношеніи; подѣлъ имени Петра Великаго; но въ отношеніи къ Его личнымъ качествамъ; еще гораздо выше; въ сердцахъ Французовъ Ему воздвигнется незабываемый памятникъ уваженія и признательности.“

Gazette de France.

„Кончину Императора Александра можно почестъ весьма плаккимъ, весьма печальнымъ событіемъ, если обратитъ на нее вниманіе безъ всякаго отношенія къ будущей судьбѣ Европы. Свѣтъ лишился въ Немъ того, что было предметомъ желанія мудрыхъ людей всѣхъ націй, — мужа добродѣтельнаго и могущественнаго.

Онъ первый положилъ предѣлы честной любви всемірнаго притѣснителя; Онъ возстановилъ на прежнихъ основаніяхъ разрушенный порядокъ Европы: посреди полкикихъ

политических бурь, Онъ сохранилъ намъ прочный миръ.

Управляя Имперію, служащею предѣлами Европѣ и Азіи, Онъ понялъ, что судьба назначила Ему быть посредникомъ между ими.

Онъ Него записало однимъ ударомъ довершишь паденіе древней Османской Имперіи, неожиданно потрясенной внутренними врагами; Онъ могъ обратиться въ пользу Своего могущества происшествія, которыхъ не Онъ былъ причиною. Обыкновенному честолюбію не трудно было найти предлогъ; но и самый лучший предлогъ не могъ бы усыпить совѣсти мудреца.

Сколько слезъ пролило о сей преждевременной смерти! Сколько благословеній оны позднѣйшихъ потомковъ нашихъ ожидаютъ избавителя и возстановителя челоуѣчества!

Ужели Его благодѣтельная политика погибнетъ съ Нимъ вмѣстѣ? Ужели всѣ надежды добродѣтельныхъ снидутъ съ Нимъ вмѣстѣ въ могилу? Возможно ли думать, чтобы премникъ Его могущества отказался оны лучшей части сего наслѣдія? (*)

Но нѣтъ! враги Царей щещно будущъ ласкашь себя шакою надеждою. Надъ нами

(*) Когда сіи спроки писаны были во Франціи, тогда Высочайшій Манифестъ 12 Декабря 1825 года, не былъ еще извѣстенъ въ сей странѣ. Изд.

бодрствуешь Провидѣніе! Не для того оно внушило мысль Союза, несслыканнаго въ лѣтописяхъ народовъ образованныхъ, чтобы онъ исчезъ вмѣстѣ съ своимъ виновникомъ: ни одному смертному не предославило оно пошлостью славы, и наслѣдники сего великаго челоуѣка, какъ мы увѣрены, будущъ продолжатъ начатое Имъ.

Не сомнѣваемся, чтобы духъ революцій не находилъ для себя въ сей смерти предмета радости. Одного изъ величайшихъ, изъ ужаснѣйшихъ враговъ его не спало въ мѣръ. Онъ былъ смертенъ; но дѣло Провидѣнія безсмертно.“

„Петръ I. умеръ въ 1725 году, Александръ I. скончался въ 1825 году: между сими двумя кончинами пропекло ровно сто лѣтъ. Сколько происшествій, сколько чудесныхъ дѣлъ Неба и ада въ семь промежутокъ! Какимъ исполнимымъ шагомъ Россія снискала уваженіе и почтеніе Европы! Сколько приобрѣла она нравственной силы, которая важнѣе могущества, или, лучше сказашъ, есть самое могущество! какъ гордо забилось сердце Петра, при вступленіи въ обитель великихъ Государей достойнѣйшаго изъ его премниковъ!

Александръ жилъ сорокъ-восемь лѣтъ; царствовашъ двадцать чешыре года. Одна

половина жизни Его прошекла въ размышленіи о благѣ человечества, другая — въ содѣланіи счастья народовъ.

Небо одарило Александра всѣмъ, что даешь власть надъ счастлиемъ, и что составляетъ любими въладычество: здравый умъ, высокую душу, швердую волю, сердце, полное святой любви къ человечеству и, — къ довершенію щедрости своихъ, сановитую и крошкующую наружность, и всю прелестъ красоты, которая неборимую силою влечетъ къ себѣ сердца людей.

Ему предстояла великая борьба. Провидѣніе послало въ наказаніе народовъ, человека безчувственнаго, но одареннаго гениемъ, человека, который умѣлъ любить только одного себя, и ненавидѣть одни препятствія, преграждавшія путь его честолюбію, который, будучи изъ низшаго званія возведенъ на высочайшую степенъ земнаго величія, чувствовалъ, что ему, для поддержанія себя на оной, надлежало преобразовать весь міръ.

Дерзость сего человека всего болѣе подкрѣпляема была слѣбною довѣренностію къ его счастью. Напротивъ, соперникъ, противодопавленный ему Небомъ, исполненъ былъ глубочайшей Вѣры въ Провидѣніе. Вселенная

видѣла, изъ какого источника происекла сила, рѣшившая побѣду.

Великая потеря, удручающая горестію Россійскую Имперію, должна быть чувствительна для всей Европы, и мы поставляемъ себя обязанностію выразить чувства сожалѣнія, внушаемые всѣмъ народамъ смертію Государя, который поставлялъ всю славу Свою въ крепости, и Кого высокая мудрость не мало содѣйствовала къ заключенію священнаго Союза, имѣющаго цѣлю всеобщій миръ и благоденствіе Государствъ.

Александръ I, Императоръ Всероссійскій, родился 12 Декабря 1777 года. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ, Онъ спалъ прилежать къ Наукамъ, и быстрые успѣхи Его въ познаніяхъ способствовали вмѣстѣ къ развѣтнію въ Немъ того превосходнаго характера, которымъ Онъ снискалъ безпредѣльную любовь Своихъ подданныхъ. Онъ вступилъ на Престолъ 12 Марта и былъ коронованъ 19 Сентября 1801 года, въ той самой Москвѣ, которая, одиннадцать лѣтъ спустя, содѣлалась горю, подавившею ужасное могущество Наполеона.

Первые годы Его царствованія ознаменованы были значительными улучшениями въ управленіи Россійскаго Государства. Онъ покровительствовалъ Науки и Художества, и оказывалъ знаки Своей щедрости многимъ

знаменитымъ мужамъ, какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ странахъ Европы.

Одинъ изъ величайшихъ Спихошворцевъ, коими гордится Франція, во время своей ссылки, посвятилъ Ему спихи, въ которыхъ, казалось, предусматривалъ вліяніе, оказанное послѣ Императоромъ Александромъ на возстановленіе престола Св. Людовика; возвращаясь въ свое отечество, Деидль посвятилъ сему Монарху свой переводъ Енеиды, за который удостоился получить Высочайшее одобреніе и самыя лестныя знаки милости. Происшествія достопамятной войны 1812 года у всѣхъ еще въ свѣжей памяти. Событія 1813 и 1814 года привели Александра къ стѣнамъ Парижа. Крошостью, человеколюбіемъ, справедливостью Онъ показалъ Себя болѣе великимъ, нежели въ то время, когда предводилъ войска Свои къ побѣдамъ. Жители сей столицы особенно никогда не забудутъ словъ Императора Александра, сказанныхъ Имъ Парижскимъ Мерамъ, явившимся въ главную квартиру Союзныхъ Государей, словъ, пѣмъ болѣе достопримѣчательныхъ, что все обѣщанное въ нихъ было исполнено въ точности.

„Вашъ Императоръ, бывший Моимъ союзникомъ, „говорилъ Онъ,“ внесъ въ сердце Моего Государства бѣдствія, коихъ слѣды

долго не изгладятся. Защищеніе праваго дѣла привело меня въ сію столицу; но Я не желаю плашить Франціи пѣмъ же зломъ, которое она нанесла Моему народу. Я справедливъ, и знаю, что Французы въ томъ не виновны: Я люблю Французовъ, и докажу имъ, что Я пришелъ воздашь имъ добромъ за зло. Одинъ Наполеонъ — врагъ мой.

„Я обещаю Мое особенное покровительство городу Парижу; Я защищу и сохраню всѣ публичныя заведенія; введу въ городъ одно только ополченое войско, и оставлю въ цѣлости вашу національную гвардію, составленную изъ ополченыхъ гражданъ вашихъ. Опъ васъ самихъ зависитъ утвержденіе будущаго вашего счастья. Вамъ нужно правленіе, которое, доставивъ вамъ спокойствіе, утвердило бы миръ всей Европы. Вы можете объявить желанія ваши; вы всегда найдете Меня готовымъ содѣйствовать вамъ трудамъ вашимъ.“

Вопъ тѣ достопамятныя слова, которыя сказаны были Императоромъ предъ вступленіемъ Его въ Парижъ: онъ снискали Ему особенную любовь и почтеніе жителей сей столицы, которые, при въѣздѣ сего Монарха въ Сен-Маршенское предмѣстье, оказали Ему живѣйшіе знаки своей признательности; и при семъ случаѣ Императоръ Але-

ксандръ, пронумый до глубины сердца снова повсоришь дрожащимъ голосомъ: „Не врагомъ вступаю въ спѣны ваши; Я цесу вамъ миръ, миръ и шорговлю! Дружба, счастье Французовъ, — вошь слава, кошорой Я ищущу!“

Однажды, какъ нѣкоторые обнаруживали сожалѣнне, что они никакъ доаго спрадали подъ игомъ Императора-деспота, Александръ, съ присуществемъ ума, споль вѣрно изображающимъ благородно-рыцарскую черту его характера, сказалъ: „Что Я не ранѣе прищель къ вамъ, въ шомъ обвнннйше храброще Французовъ, кошорая была причиною Моего замедленнн.“

Когда Сенатъ объявилъ Наполеона личнннмъ Преспода, Императоръ Александръ, принимая поздравленн сего сословнн, повсоришь увѣренн въ Своей привязанности къ Французской нащн, и желанн быщ ея Союзникомъ; и въ доказательство сего союза, промолвилъ Онъ съ чувствомъ: „Я возвращаю Франщн, безъ всякнхъ условнн, всѣхъ Французскнхъ нащнхъ, находящнхся въ Моей Имперн.“ Сне великодушное обвчанн въ шу же минушу было исполнено въ отношенн къ шѣмъ создащамъ нащнмъ, кошорые были разнн въ плннн въ послѣдннхъ сраженнхъ; нхъ вывели на Магдаденскнхъ будваръ, дащ

Адьюшанщ Императора Александра сказалъ имъ: „Вы болѣе не плннники, мой Государъ возвращаетъ вамъ свободу опъ имени Короля вашего Лудовика XVIII.“

Провидѣнню угодно было подвергнуть Франщю вшоричному нашествню для отвращенн бѣдспвнн, снова угрожавнхъ Европѣ; но каждое новое предпрнннне Союзннхъ Государей подавало Императору Александру случай оказывать Свою мудроще и великодушне. Конгрессы Лейбахскнй и Веронскнй, подобно Ахенскому, доказали, сколь Онъ шпердо держался правннхъ сохраненн и порядка, какъ единщвеннхъ средствъ, могущнхъ шшверднщ благоденщнн Государствъ.“

Императоръ Александръ имѣлъ споль великое и споль успннное влннне на прощеспвнн, коннхъ послѣдствннмъ было освобожденн Европы, и на сохраненн мира, кошорымъ она съ шого времени наслаждалась, что конщина Его доаго еще будещ предметомъ всеобщаго сожалѣннн и горесщн.

Императоръ Александръ болѣе всѣхъ другнхъ Государей дѣнщсповалъ Самъ собою. Руководспвуемый пламенною любовню къ добру, онъ не довольщвовался шѣмъ, что обшнрная его Монарщн наслаждалась споконщствннмъ, обезпеченнмъ приверженностню къ Цесу подданныхъ и благородннмъ Его прав

влениемъ; но попеченія Его проспирались на всю просвѣщенную Европу.

Посредничество, которое Онъ всегда готовъ былъ употреблять между Своими Союзниками, не имѣло цѣлю увеличенія могущества или вліянія. Но Онъ пославлялъ славу, или, говоря справедливѣе, счастье Свое въ сохраненіи прочнаго и неизмѣннаго порядка вещей, къ возстановленію коего Онъ стоить много содѣйствовалъ.

Какою благодарностію обязаны Ему Европа и просвѣщеніе! Въ ужасной борьбѣ, которую Онъ отважился начать одинъ противъ обладателя Европы, противъ чело-вѣка, умѣвшаго ослабить своимъ могуществомъ и принудить къ исполненію своихъ замысловъ даже нѣхъ, которые наиболее испытали жестокость его самовластія; въ сей - по борьбѣ Императоръ Александръ обрекъ себя на величайшія жертвованія. Древняя столица Царей была предана пламени, и сей великодушный подвигъ изумилъ даже самого побѣдителя, который тогда только позналъ своего противника. Въ самомъ началѣ сей ужасной войны, Александръ обнаруговалъ Свое намѣреніе эспипунашь предъ мощнымъ врагомъ, въ случаѣ нужды, даже до ледяныхъ предѣловъ Своей Имперіи; но не входилъ съ нимъ въ переговоры, до-

когда ни единого врага не останется на землѣ Русской. Съ сей-то минуты прозорливые люди предузнали конецъ сего похода. Такимъ-то образомъ, съ помощію проспанства и времени, Александръ успѣлъ испровергнуть могущество сильнѣйшаго завоевателя новѣйшихъ временъ, и подалъ униженной Европѣ средства снова достигнуть независимости и чести. И шакъ все, что мы въ теченіе десяти лѣтъ ни видѣли чудснаго въ непрерывномъ возрастаніи благоденствія Государствъ, возвращенныхъ миру и свободѣ, преимущественно должно быть приписано Великодушному Монарху, добродѣтельному Мужу, испинно великому чело-вѣку, Коего потеря оплакивается нынѣ всѣмъ свѣтомъ.

Ся-то доблестныя качества соспавляли кажется, главную черту въ Его великомъ и благородномъ характерѣ. Вся пошупки Его были управляемы мыслію о умноженіи благоденствія чело-вѣчества, о сохраненіи между ними мира и согласія. Ся высокая мысль произвела свяшой Союзъ, коего цѣлю было сохраненіе въ Европѣ прочнаго наслажденія благами, дарованными ей неусыпнымъ Его попеченіемъ. Основанный въ духъ мира, сей высокій Союзъ умѣлъ исполнить свое назначеніе. Можно утвердительно сказать, что шакое взаимное согласіе Государей было

необходимо нужно, чтобы съ успѣхомъ проливосташъ буйству своеволя и безначалія, въ которыхъ повергло всю Европу, 25 лѣтъ политическихъ переворошовъ и что если сія часть свѣта уже нѣсколько лѣтъ вкушаетъ плоды мира, если ся жителя съ такими успѣхомъ занимающія нынѣ Искусствами, торговлею и промышленностію, то симъ она обязана святому Союзу, а следовательно и Тому, Кто подалъ первую мысль къ заключенію онаго.“

„Не спрашась упрековъ Исторіи въ призрастіи“ говоритъ *Journal des Debats*: „можно отнести къ Императору Александру сіи высокія слова спаршаго Плинія о Цицеронѣ: *Majestati Reipublicae per ingenium.*“

Изъ Прусской Государственной Газеты.

Міръ оплакиваетъ великую потерю. Императоръ Всероссійскій Александръ I скончался 19 Ноября въ Таганрогъ, нынѣшнемъ мѣстопребываніи Августѣйшей Его Супруги, Императрицы Елисаветы Алексеевны. Важность такой потери не соразмѣряется обыкновенными обстоятельствомъ, сопровождающими кончину великаго Монарха: къ нимъ присоединяются чрезвычайныя оцѣн-

шенія, происпекающія ошъ великихъ событий міра и ошъ благороднѣйшаго личнаго характера въ Бозѣ почившаго Императора. Въ самомъ дѣлѣ сочетание рѣдчайшихъ свойствъ ума и сердца, какія когда либо украшали высочайшую степенъ земнаго величія, появившеся въ одно время съ пошрашеніями возобнованной части свѣта, произвело рядъ великихъ, обильныхъ послѣдствіями дѣлъ, коихъ благотворное вліяніе на самыя проишествія міра, предоставляемъ въ подробности раскрыть будущему Исторіку: въ настоящемъ обозрѣніи характера покойнаго Государя мы окинемъ ихъ однимъ только бѣглымъ взглядомъ.

Мудрая попечительность съ нѣжнѣйшей младости окружила его всеми началами высшего образованія, и Оя пріобрѣлъ все качества, коими украшаются нѣжное чувство, душа, расположенная къ добру и умъ, чувствующій пошребность образованія. Но сія свѣтлая и ясная душа уже рано преогорчена была суровыми картинами брани и разрушенія въ мірѣ и жестокими личными испытаніями, копорымъ ей подвергнушся надлежало.

Благородная душа въ каждомъ испытаніи находить для себя и укрѣпленіе. Александръ, преодолевъ сіи испытанія, явился

въ большей славы, въ настоящей чистоты. Внутреннее чувство истиннаго, глубокаго благочестія не могло въ немъ поколебаться противоборствующими волненіями вѣка и стѣснительными обстоятельствами; коихъ и самый могущественный Монархъ преодолѣть или опрарашивъ не можетъ. Сіе чувство, напрошивъ того, съ большею еще силою развилось посреди затрудненій въ дѣлахъ политическихъ, осящило и укрѣпило Александра къ совершенію подвиговъ, какимы въ дѣлописяхъ міра найдемъ мало подобныхъ.

Не спанемъ говорить о томъ, что совершилъ Онъ для Россіи въ предѣлахъ сего обширнаго Государства, населеннаго многочисленными народами, дѣйствуя съ непрерывною заботливостію друга человечества, съ благословенною попечительностію Монарха, распространяя предѣлы своей Имперіи, даруя ей защиту и славу извнѣ: все сіе останется на вѣки въ благодарной памяти подвластныхъ Его скипетру народовъ. Но не одна Россія, и вся Европа — Германія и Пруссія въ особенности — многимъ Ему обязаны: въ семъ отношеніи Онъ принадлежалъ всемъ намъ и мы все глубоко чувствуемъ его потерю. Трудно найти царствованіе, ознаменованное столь великими

и достославными событіями. Не увлекался тщеславіемъ, не жершуя личной выгоды, Онъ приобрѣлъ на попривъ брани гораздо больше славы, нежели сколько когда либо доставалось въ удѣлъ самому счастливому завоевателю.

По истощеніи всѣхъ средствъ, предприятныхъ для обузданія или укрощенія жадности свирѣпаго завоевателя, для облегченія бремени вѣроломнаго самовластія, угнѣташаго Европу, Александръ рѣшился наконецъ положить предѣлы симъ бѣдствіямъ: сіе геройское намѣреніе, сіа великодушная твердосиь открыли исполинскую войну 1812 года, копорая величіемъ и важностію своею не имѣла и не будетъ имѣть себя подобной, и въ копорой судьба цѣлага міра получила другое направленіе. Душевное убѣжденіе въ правотѣ дѣла и Вѣра въ небесный Промыслъ, руководствовавшія и укрѣпавшія Императора въ Его намѣреніи, даровали Ему силу исполнить высокое предназначеніе — сокрушить рогъ буйнаго, губительнаго самовластія, и совершенно преодолѣть пагубную власть революціи, по составленіи мощнаго Союза изъ всѣхъ Государствъ Европы.

И въ блистательныхъ успѣхахъ, какъ прежде въ жестокихъ испытаніяхъ, благородная душа Александра не измѣнилась ни на

одно мгновение. Строго взвѣсивая и измѣряя требованія Полишики, Онъ умѣлъ сочетать ихъ съ движеніями великодушія: благородство, крошечность и человеколюбіе ознаменовали весь дѣла Его. По мѣрѣ распространенія круга дѣйствій Его, являлось въ большемъ и большемъ объемѣ величіе чистой души Его, жаждущей добра и правды. Онъ первый явилъ свѣту примѣръ учрежденіемъ полишическаго Союза, основаннаго единственно на благочестіи, миролюбіи, всеобщемъ благосостояніи — Союза, который, при всѣхъ несовершенствахъ, сопровождающихъ чело-вѣчскія предпріянія въ ихъ исполненіи, останется навсегда достославнѣйшимъ памяникомъ того, какъ побѣда и сила приносили дань чистѣйшей цѣли. Возможность такого Союза предполагала одинаковый образъ мыслей Союзниковъ, но же благочестіе, ну же любовь къ миру и челоувѣчеству съ ихъ стороны: извѣдавъ это, оцѣнишь по достоинству и соединишь въ общую, гласную для всѣхъ обязанность — вошь великая заслуга Александра!

Сему, Имъ учрежденному, по справедливости Священнымъ названному Союзу (*), слава

(*) Сей благотѣтельный для челоувѣчества Союзъ, существующій уже 11 годъ, извѣстенъ у насъ подъ названіемъ *Братскаго и Христіанскаго Союза*.

доставать безпрерывно съ большею почтностію, съ большею приверженностію, и чиспоною, было всегдѣшнее Его спараніе. Ему приносили Онъ жертвы, которыя могли быть пиягоспны для Его наклонностей, но не для Его совѣсти. — Для соединившихся съ Нимъ былъ Онъ не только союзникъ — Онъ былъ другъ ихъ. Въ семь отношеніи Пруссія можетъ въ особенности похвалиться союзомъ взаимной привязанности, искренняго дображелательства, неизмѣннаго послодства, соединившимъ Александра съ Монархомъ ея, при столь благопріятныхъ предзнаменованіяхъ.

Послѣ столь величественно и достоуславно пройденнаго поприща; котораго благотворное вліаніе съ признашельностію будетъ чувствоваться и ошдаленнѣе попомощью, мы смѣло можемъ сопричислить Александра къ благороднѣйшимъ и величайшимъ Монархамъ, о коихъ упоминаетъ Истпорія. Она являетъ намъ въ Немъ рѣдкій примѣръ благочестиваго, великодушнаго, миролюбиваго Обладателя обширнѣйшаго Государства, украшеннаго побѣднымъ вѣнцемъ — котораго не искалъ Онъ, но въ столь высокой мѣрѣ заслужилъ, которымъ можешь славились Россія въ ряду многочисленныхъ воинскихъ успѣховъ своихъ со времени Петра Великаго, но котораго числалъ, возвышенная

душа Александра посвятила единственно утверждению мира, благословению свѣта. Европа по справедливости оплачетъ потерю одного изъ своихъ благодѣтелей, Котораго теперь, когда Его нѣтъ болѣе на свѣтѣ, нѣтъ менѣе откажется она признать шакимъ.

М.

V.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И

1 8 2 5.

84. *О молитвъ за умершихъ. Разсужденіе Священника Тимоея Никольскаго.* С. П. б. 1825! въ шип. Депарш. Народнаго Просвѣщенія; въ 8. VI 124.
(См. No 147 Свѣ. Пчелы.)
85. *Описаніе Гиперборея, или письмо Сѣвернаго путешественника къ Издателю Благонамѣреннаго.* С.П.б, 1825, въ шип. Депарш. Народн. Просвѣщенія, въ 8, 15 стр.
(См. No 148 Свѣ. Пчелы.)
86. *Всеобщая практическая Медицина, изданная Юсифомъ Франкомъ, Ст. Сов. Профессоромъ частной Терапіи и Клиники при Императорскомъ Виленскомъ Университетѣ; переведена съ Латинскаго языка, Студентомъ И. Мед. Хир. Академіи Московскаго Отд. Михайломъ Матвѣевскимъ. 1-я часть, содержащая въ себѣ введеніе, ученіе о лихорадкахъ и воспаленіяхъ вообще.* М. 1825.

въ шип. С. Селивановскаго, въ 8. XX,
LXXVIII. 327 стр.

87. *Собраціе путешестей къ Татарамъ и другимъ Восточнымъ народамъ, въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ, I. Плана Карции; П. Асцелинъ. С. П. б. въ шип. Департ. Народн. Просвѣщ. 1825. въ 4. XXI. 306 стр.*

(См. No 151 и 153 Сѣв. Пчелы.)

88. *Краткое руководство къ разведенію тонкошерстныхъ овецъ, въ средней полосѣ Россіи, изданное Императорскимъ Московскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства. М. 1825. въ шип. А. А. Семена, въ 8. 68 стр.*

(См. No 152 Сѣв. Пчелы.)

89. *Аштенскій пустынный, или изображеніе Французскихъ нравовъ и обычаевъ въ началѣ XIX столѣтія, соч. Г. Жуи. Перевелъ съ Франц. С. де Шанлетъ, Членъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности. Двѣ части, съ гравированными картинками и виньетомъ. С. П. б. въ шип. Александра Смирдина; 1825. X. 663 стр.*

(См. No 154 Сѣверн. Пчелы.)

90. *Московскій Альманахъ для прекраснаго пола, издаанный на 1826 годъ, Сергѣемъ Глинкою. Москва, въ Унив. шип.*

1825, въ малую осьм. съ 3 грав. кар-
тинками, 296 стр.

(См. No 156 Сѣверн. Пчелы.)

91. *Ботаника для юности, содержащая начальныя основанія Ботаники и изображенія 102 растений съ тридцатью таблицами. С. П. б. 1826 года, въ шип. И. Глазунова. въ 12. 276 стр.*

(См. No 1 Сѣверн. Пчелы 1826 года.)

92. *Невскій Альманахъ на 1826 годъ, изд. Е. Аладинымъ. С. П. б. 1825, въ шип. Деп. Народн. Просвѣщ. въ м. 8., XXII и 330 стр. съ гравиров. портретомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, съ виньетками и двумя гравир. картинками.*

(См. No 2. Сѣверн. Пчелы.)

Конецъ сто четвертой части.

О Г Л А В Л Е Н І Е

С Т О Ч Е Т В Е Р Т О Й Ч А С Т И .

	Стран.
I. Изящная Словесность.	
1. Ясновидящая (Оконч.)	3
2. Ригъ фанъ-Викль	115
3. Кухня въ шракирфъ, или женихъ-мершвецъ	307
II. Духовное Красногорчје.	
Слово при возобновленіи Дворянскихъ выборовъ въ Харьковѣ	211
III. Словесность.	
1. Нѣсколько мыслей о Поэзійи	145
2. Нѣсколько замѣчаній на спашью Г. Геро	285
IV. Биографія.	
Лесажа	227
(Оконч.)	336
V. Военное Искусство.	
Оборонительная система Великобританіи	377
VI. Философія.	
Жизнь человѣческая	241
VII. Новая Исторія.	
Осада Генуи	67
VIII. Иностранная Словесность.	
О новой книгѣ Г. Дежерандо (Оконч.)	84

IX. Путешествія.

Изъ книги: Путешествіе отъ Триеста до С. Пешербурга 262

X. Акустика.

Объ усиленіи звука 274

XI. Современная Исторія.

1. Характеры важнѣйшихъ Британскихъ Государственныхъ Чиновниковъ и Парламентскихъ ораторовъ 296
2. О кончинѣ Государя Императора Александра I 384

XII. Современная Политика.

1. Обзоріе послѣднихъ происшествій 107
2. О состояніи Грековъ 171

XIII. Антикритика.

1. Ошвѣтъ Князю Влад. Ф. Одоевскому 99
2. О Французско-Россійскомъ Словарѣ . 155
3. Мое послѣднее слово къ Г. С. 167

XIV. Смѣсь.

1. Письмо къ Г. Полевому 186
2. Праздникъ въ селѣ Городнѣ 197

XV. Современная Русская Библиографія

207
304
405.
